

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

1

Выпуск (895)

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2025

1930

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

1
Issue (895)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2025

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 1 (895)

Издается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
Горожанов
Алексей Иванович

Ответственный секретарь
Фурсова
Дарья Аветисовна

доктор филологических наук, доцент
Московский государственный лингвистический университет (Москва)

кандидат культурологии
Московский государственный лингвистический университет (Москва)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев Александр Петрович	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Бондарчук Галина Григорьевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Бубнова Галина Ильинична	доктор филологических наук, профессор Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва)
Гусейнова Иннара Алиевна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Евтушенко Ольга Валерьевна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Ершова Галина Григорьевна	доктор исторических наук, профессор Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
Ирисханова Ольга Камалудиновна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Каменский Михаил Васильевич	доктор филологических наук, доцент Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь)
Киосе Мария Ивановна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Косиченко Елена Федоровна	доктор филологических наук, доцент Национальный исследовательский университет «МЭИ» (Москва)
Космарская Искра Вадимовна	кандидат филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Краева Ирина Аркадьевна	кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Кузнецов Валерий Георгиевич	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Логинова Елена Георгиевна	доктор филологических наук, доцент Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина (Рязань)
Малыгина Ирина Викторовна	доктор философских наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Осьминина Елена Анатольевна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Потапова Родмонга Кондратьевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Слышкин Геннадий Геннадьевич	доктор филологических наук, профессор Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва)
Солнышкина Марина Ивановна	доктор филологических наук, профессор Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)
Сорокина Татьяна Сергеевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Толкачев Сергей Петрович	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Харитончик Зинаида Андреевна	доктор филологических наук, профессор Минский государственный лингвистический университет (Минск)
Ченки Алан Джосеф	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва) Свободный университет (Амстердам)
Чернова Юлия Владимировна	кандидат филологических наук Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Шаталова Наталья Станиславовна	доктор педагогических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 1 (895)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-Chief
Gorozhanov
Alexey Ivanovich

Executive Secretary
Fursova
Daria Avetisovna

Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor
Moscow State Linguistic University (Moscow)

PhD in Culturology
Moscow State Linguistic University (Moscow)

EDITORIAL BOARD

Bondarev Alexander Petrovich	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Bondarchuk Galina Grigorievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Bubnova Galina Ilinichna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Lomonosov Moscow State University (Moscow)
Guseynova Innara Alievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Yevtushenko Olga Valeryevna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Ershova Galina Grigorievna	Doctor of History (Dr. habil), Professor Russian State University for the Humanities (Moscow)
Iriskhanova Olga Kamaludinovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kamensky Mikhail Vasilyevich	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor North Caucasian Federal University (Stavropol)
Kyose Maria Ivanovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kosichenko Elena Fedorovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor National Research University "MPEI" (Moscow)
Kosmarskaya Iskra Vadimovna	PhD in Philology, Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kraeva Irina Arkadyevna	PhD in Philology, Associate Professor, Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kuznetsov Valery Georgievich	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Loginova Elena Georgievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Ryazan State University named after S.A. Esenin (Ryazan)
Malygina Irina Viktorovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Osmolina Elena Anatolievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Potapova Rodmonga Kondratievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Slyshkin Gennady Gennadyevich	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow)
Solnyshkina Marina Ivanovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan)
Sorokina Tatiana Sergeevna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Tolkachev Sergey Petrovich	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kharitonchik Zinaida Andreyevna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Minsk State Linguistic University (Minsk)
Cenki Alan Josef	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow), Free University (Amsterdam)
Chernova Yulia Vladimirovna	PhD in Philology Moscow State Linguistic University (Moscow)
Shatalova Natalya Stanislavovna	Doctor of Pedagogy (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Перцептивный образ созвучности англоязычной диалогической речи АБДУЛЛИНА Р. Э.	9
Дискурс отмены и аксиология: как и почему СМИ вербализуют ценностные концепты АРАКЕЛОВА А. Р., ШИРЯЕВА Т. А.	17
Словесное ударение в речи китайских носителей канадского варианта английского языка АРТЮХОВА Д. Т.	25
Восприятие неносителями английского языка звучания региональных произносительных вариантов Англии БЕЗБОРОДОВА М. В.	31
Еще раз о ротацизме БУРАЯ Е. А.	38
Дискурсивные особенности и супraseгментные характеристики конфликтного общения ДЕМИНА М. А.	45
Качество голоса как социофонетическая переменная в британском и американском лингвокультурном контексте КАРТАШЕВСКАЯ Ю. В.	52
Повествование в судебном дискурсе: как юристы используют жесты при смене перспективы во вступительной речи ЛЕОНТЬЕВА А. В., АГАФОНОВА О. В.	61
К вопросу о способах передачи персидских реалий РОГОЖИНА А. Н.	68
Фонетические признаки сближения британской произносительной нормы и американского произносительного стандарта в современном английском языке РОМАНОВА Е. Ю.	75
Особенности воздействия в российском и зарубежном образовательном медиадискурсе СЕРГЕЕВА О. В., ЖЕЛТУХИНА М. Р.	82
Успеть за 60 секунд: темпоральные особенности заключительных предвыборных выступлений Д. Трампа СОКОРЕВА Т. В.	92
Сравнительный анализ реализации восходящего тона в родной и иноязычной речи СУХОВА Н. В.	98
Длительность фразы и паузы в контексте проксемики в английском и американском кинодискурсе ЦИБУЛЯ Н. Б.	105
Словесное ударение английского языка в ритмическом контексте речи жителей Австралии и Новой Зеландии ШЕВЧЕНКО Т. И., БОРЗЫХ А. А.	112

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Ранняя рецепция творчества Ф. М. Достоевского в Швеции (1880-е годы). Статья вторая АНДРЕЙЧУК К. Р.	119
Художественная интерпретация в литературе: герменевтический анализ рассказов двух авторов КОСИЧЕНКО Е. Ф., КОСТЕВА В. М.	126

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

На перекрестке своей и чужой культур: гибридность текстов Анны Неркаги ДРОЖАЩИХ Н. В., БЕЛЯКОВА И. Е.	134
«Семейный альбом» М. Матусовского: биография в контексте культуры МАЗАНЕНКО О. М., ПУСТОВИТ В. Ю.	141
«Успешная женщина» в России versus «успешная женщина» в Китае РАРЕНКО А. А.	149

LINGUISTICS

Perceptual Image of Speech Consonance in British English Conversation ABDULLINA R. E.	9
Cancel Culture Discourse and Axiology: How and Why Mass Media Verbalize Values ARAKELOVA A. R., SHIRYAEVA T. A.	17
Word stress in the Speech of Chinese Canadian speakers ARTYUKHOVA D. T.	25
Exploring non-native Speakers' Evaluations of Regional Accents in England BEZBORODOVA M. V.	31
Rhoticity Revisited BURAYA E. A.	38
Discursive Features and Suprasegmental Characteristics of Conflict Communication DEMINA M. A.	45
Voice Quality as a Sociophonetic Variable in American and British Linguocultural Context KARTASHEVSKAYA YU. V.	52
Narration in Law Discourse: How Attorneys Gesture when Changing Voices in Opening Statements LEONTEVA A. V., AGAFONOVA O. V.	61
On the Question of Methods of Conveying Persian Realias ROGOZHINA A. N.	68
Phonetic Similarities of Received Pronunciation and General American in Contemporary English ROMANOVA E. YU.	75
Features of Influence in the Russian and Foreign Educational Media Discourse SERGEEVA O. V., ZHELTUKHINA M. R.	82
Catch up in 60 Seconds: Temporal Features of D. Trump's Closing Statements in Presidential Debate SOKOREVA T. V.	92
Rising Tone Realization in Native and Nonnative Speech SUKHOVA N. V.	98
Phrase and Pause Lengths in the Context of Proxemics in English and American Cinematic Discourse TSIBULYA N. B.	105
English word stress in the rhythmical context of Australian and New Zealand speech SHEVCHENKO T. I., BORZYKH A. A.	112

LITERARY STUDIES

The Early Reception of F. M. Dostoevsky's Works in Sweden (1880-s). Part 2	
ANDREICHUK K. R.	119
Interpretation in Literature: Hermeneutic Analysis of Stories by Two Authors	
KOSICHENKO E. F., KOSTEVA V. M.	126

CULTUROLOGY

At the Crossroads of Cultures: the Hybridity of Anna Nerkagi's Texts	
DROZHASHCHIKH N. V., BELYAKOVA I. E.	134
M. Matusovsky's 'Family Album': Biography in the Context of Culture	
MAZANENKO O. M., PUSTOVIT V. YU.	141
"Successful Woman" in Russia Versus "successful woman" in China	
RARENKO A. A.	149

Перцептивный образ созвучности англоязычной диалогической речи

Р. Э. Абдуллина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
abdullinarimma@gmail.com

Аннотация. Целью настоящего исследования является определение перцептивных признаков согласованности мелодических компонентов речевого взаимодействия и их акустических коррелятов. Материалом исследования служит диалогическая речь аутентичных подкастов на английском языке. В результате аудитивного, аудиторского и акустического анализа выявляются перцептивные признаки речевой созвучности, устанавливаются их корреляты на акустическом уровне, определяются модели достижения согласованного речевого взаимодействия: сближение просодических параметров речи, повтор мелодических и динамических акцентов.

Ключевые слова: просодическая конвергенция, частота основного тона, интенсивность, диапазон речи, мелодический контур, восприятие, речевая созвучность

Для цитирования: Абдуллина Р. Э. Перцептивный образ созвучности англоязычной диалогической речи // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1 (895). С. 9–16.

Original article

Perceptual Image of Speech Consonance in British English Conversation

Rimma E. Abdullina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
abdullinarimma@gmail.com

Abstract. The aim of the research is to establish the perception of melodic attunement in speech interaction and its acoustic correlation. The experimental corpus for the study includes conversations in British English obtained from podcasts. The results of auditory and acoustic analyses make it possible to identify perceptual features of melodic consonance in speech and establish their characteristics at the acoustic level. Coordinated interaction between interlocutors manifests itself in prosodic convergence and imitation of melodic and dynamic parameters of speech.

Keywords: prosodic convergence, pitch, intensity, pitch range, intonation contour, perception, consonance

For citation: Abdullina, R. E. (2025). Perceptual image of speech consonance in British English conversation. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(895), 9–16. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Исследования речевой конвергенции рассматривают взаимодействие как процесс, направленный на достижение согласованного общения. Конвергенция осуществляется посредством целого ряда синтаксических и лексических структур, просодических компонентов речи: мелодических, темпоральных, динамических.

Одним из аспектов изучения речевой конвергенции является ее восприятие. Считается, что диалоги, в которых происходит конвергенция, положительно оцениваются участниками беседы [Dragojevic et al., 2015]. Исследователи утверждают, что использование определенных структур в речи носит неосознанный характер, следовательно, просодические средства языка отражают конвенциональные особенности коммуникативного поведения и культурного кода в целом [Демина, Карташевская, 2017]. Таким образом, анализ просодического оформления речи вовлекается в широкий контекст, определяющий ценностные ориентации и нормы, свойственные обществу.

Вероятно, сближение просодических параметров также вызвано потребностью в слаженном взаимодействии. В таком случае *согласованность* мелодического оформления речи определяется восприятием музыкальной созвучности.

Исследования указывают на то, что механизмы восприятия активизируются сразу после рождения [Benítez-Burraco, Nikolsky, 2023]. Так, при изучении поведения младенцев было выявлено, что крики новорожденных соответствуют интонационным контурам родного языка, а уже на третьем месяце жизни младенцы синхронизируют показатели частоты основного тона (далее – ЧОТ) своих вокализаций с матерью [Barón Birchenall, 2023].

Созвучность рассматривается в исследованиях в соотнесенности с музыкальной культурой. Считается, что именно музыкально-культурный опыт определяет отношение к благозвучию. Так, жители Амазонии, не связанные с западноевропейской музыкальной культурой, не разделяют взгляды на благозвучность представителей западноевропейской культуры [McDermott et al., 2016].

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью установления перцептивных признаков мелодической согласованности диалогической речи и выявления их коррелятов на акустическом уровне. Просодическая конвергенция ранее рассматривалась как тактики мелодической согласованности, интонационного подражания и музыкального интервала, вызванных стремлением коммуникантов к созвучности [Абдулина, 2024]. Несомненно, просодия обладает

сходством с музыкой, о чем свидетельствует значительное количество сопоставительных исследований, посвященных поиску единого коррелята. С. Браун представляет эволюцию языка как вокальное, просодическое, групповое явление, возникшее из ритуализированной системы эмоциональной просодии. Автор отмечает, что после разделения просодии на музыку и речь они регулярно воссоединяются в музыкальном и речевом стилях [Brown, 2017]. Р. К. Потапова и В. В. Потапов также рассматривают музыку и речь как явления, имеющие общее начало и претерпевшие изменения под влиянием социума. Авторы отмечают общность таких свойств, как физиологическая и акустическая база передачи сигнальной информации, возможность передачи смысловой (*ratio*) и эмотивной информации (*emotio*), воздействующая функция музыки и речи, связанная с просодико-тембральными признаками [Потапова, Потапов, 2018]. Другие ученые также выделяют схожесть структурных параметров музыки и речи: высоты звука, ритма, размера, темпа, динамики, артикуляции и тембра [Benítez-Burraco, Nikolsky, 2023].

Вопрос мелодической согласованности звучания исследуется на перцептивном уровне как психофизиологический аспект восприятия звучания с точки зрения вызываемых ощущений – объективного качества присущих ему свойств. Мелодическую согласованность связывают с такими представлениями о звучании, как *приятность*, *созвучность* и *гармоничность*. *Несозвучность* ассоциируют с неприятным звучанием, например, раздражением слуха и ощущением резкости звучания, создающим потребность в переходе к положительной реакции [Lahdelma, Eerola, 2020].

Музыкальность речи является также предметом рассмотрения лингвистов. Так, по мнению Е. В. Петроченко, интонационная система речи соотносится с музыкальной и представляет собой психолингвистический феномен. Автор отмечает, что явления существуют одновременно в перцептивной базе человека. На это указывают физические и психоакустические свойства речевых тонов, особенности их восприятия слуховой системой. Следовательно, речевые тоны обладают музыкальностью. В исследовании Е. В. Петроченко, проведенном на материале русского языка, испытуемые соотносили коммуникативные типы высказываний с их интонационными моделями. Некоторые из этих моделей являли собой лишённые лексической опоры мелодические контуры реплик. Было выявлено, что испытуемые однозначно идентифицировали типы высказываний даже при прослушивании их *музыкальных* вариантов [Петроченко, 2022].

Новизна нашего исследования заключается в том, что в нем впервые предпринимается попытка анализа просодической конвергенции диалогической речи, которая рассматривается как мелодическая согласованность в соотнесенности с психофизиологическими аспектами восприятия звучания.

Теоретической базой исследования послужили работы в области Теории Аккомодации и просодической конвергенции [Giles, 1973; Dragojevic et al., 2015; Demina, 2021; Barón Birchenall, 2023; Горбылева, Шевченко, 2023], сопоставительные исследования речи и музыки [Brown, 2017; Потапова, Потапов, 2018; Петроченко, 2022; Benítez-Burraco, Nikolsky, 2023]; исследования восприятия созвучности [McDermott et al., 2016; Lahdelma, Eerola, 2020].

Материалом исследования послужила диалогическая речь аутентичных подкастов BBC Radio 4 и The Times. Методы исследования включают аудитивный, аудиторский, акустический анализ с использованием программного обеспечения PRAAT (версия 6.4.07).

На этапе аудитивного анализа были отображены двенадцать образцов звучащей диалогической речи на английском языке, представляющих собой разговоры двух женщин, двух мужчин, мужчины и женщины.

Для определения реакций аудиторов при восприятии звучания диалогической речи были составлены вопросы и разработана анкета. Основными задачами исследования являлись:

- 1) выявление эмоциональных реакций аудиторов при восприятии сочетания голосов в фонограммах;
- 2) определение перцептивно-созвучных образцов диалогической речи на основе ответов аудиторов;
- 3) выявление факторов, определяющих перцептивную созвучность;
- 4) установление акустических коррелятов перцептивной созвучности.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в курсах лингвопрагматики, фоностилистики и межкультурной коммуникации при обучении студентов гуманитарных вузов.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ АУДИТОРСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

В качестве респондентов были привлечены студенты лингвистических направлений вузов в возрасте 17–25 лет, носители русского языка, владеющие английским как иностранным на уровне B2.

Перед экспериментом было получено устное согласие на участие в нем. Общее количество участников составило 63 человека.

В ходе анализа исследовался целый комплекс различных параметров восприятия диалогической речи: эмоциональное восприятие звучания диалогов, гармоничность, созвучность, приятность, похожесть голосов, совпадение диапазонов речи собеседников. Участникам предлагалось прослушать и оценить звучание отобранных фонограмм и зафиксировать в анкете свои варианты ответов. Перед прослушиванием участники были проинструктированы о том, что необходимо оценивать звучание сочетаний голосов, а не лексическое наполнение.

Эмоциональное восприятие звучания диалогов оценивалось вопросом: «Насколько вам нравится звучание сочетания голосов?» Степень выраженности качества измерялась перцептивной оценочной шкалой от 1 до 5, где 1 – наименее выраженная, 5 – наиболее выраженная степень качества. Для выявления эмоциональных реакций на стимульный материал аудиторам был предложен открытый вопрос со множественным выбором ответа: «Какие эмоции / чувства / ощущения возникают при прослушивании?» Полученные ответы были распределены на категории как «положительные»: *удовольствие, радость, восторг, заинтересованность, вовлеченность, доверие, сопереживание, спокойствие, позитивные эмоции*; «отрицательные»: *раздражение, недовольство, возмущение, ненависть*; «нейтральные»: *безразличие, отсутствие эмоций*.

Для выявления мелодической согласованности голосов аудиторам было предложено оценить следующие параметры звучания по пятибалльной перцептивной шкале: гармоничность, созвучность, приятность, похожесть голосов, совпадение диапазона речи собеседников. Степень выраженности качеств измерялась от наименее (1) до наиболее выраженных (5).

Сопутствующие факторы, оказавшие влияние на восприятие аудиторов, выявлялись вопросом со множественным выбором ответа: «Какие из указанных параметров речи влияют на восприятие?» и открытым вопросом: «Что еще могло повлиять на восприятие?».

Полученные данные были подвергнуты количественной обработке, в ходе которой были выявлены три наиболее репрезентативных образца звучащей речи. По свидетельствам аудиторов они представляют согласованное взаимодействие. Также были определены значимые параметры звучания, которые формируют образ речевой созвучности.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБСУЖДЕНИЕ

Как было отмечено выше, сближение параметров речи положительно оценивается участниками общения. Было выявлено, что в ответах на вопрос: «Насколько вам нравится звучание сочетания голосов в фонограммах?» преобладают варианты «скорее нравится» и «нравится» (Ф1 – 46 %, Ф2 – 54 %, Ф3 – 61 %) (рис. 1).

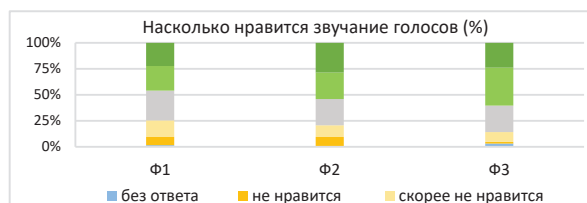

Рис. 1. Ответы аудиторов на вопрос: «Насколько нравится звучание сочетания голосов в фонограммах?» (%)

В ответах на вопрос: «Какие эмоции / чувства / ощущения возникают при прослушивании?» – также отмечаются «положительные» реакции (Ф1 – 59 %, Ф2 – 49 %, Ф3 – 40 %), кроме того, присутствуют «нейтральные» (Ф1 – 29 %, Ф2 – 37 %, Ф3 – 57 %) (табл. 1).

Таблица 1

ЭМОЦИИ / ЧУВСТВА / ОЩУЩЕНИЯ ПРИ ПРОСЛУШИВАНИИ ФОНОГРАММ (%)

Вариант ответа	Ф1	Ф2	Ф3
положительные	59	49	40
отрицательные	10	13	3
нейтральные	29	37	57

Согласно полученным данным, большая часть аудиторов оценила звучание комбинации голосов как «скорее гармоничные» и «гармоничные» (Ф1 – 54 %, Ф2 – 57 %, Ф3 – 69 %), «скорее созвучные» и «созвучные» (Ф1 – 47 %, Ф2 – 61 %, Ф3 – 72 %). Оценка аудиторами «приятности» звучания демонстрирует преобладание положительных реакций (Ф1 – 45 %, Ф2 – 55 %, Ф3 – 70 %). В то же время присутствует значительный процент нейтральных вариантов (Ф1 – 38 %, Ф2 – 33 %, Ф3 – 22 %), что может указывать на затруднения при выборе ответа. Согласно ответам аудиторов, наиболее «похожими» оказались голоса диалога Ф3 (63 %), наименее «похожими» – голоса диалога Ф2 (6 %), что может быть вызвано влиянием гендерного фактора и тембральных особенностей мужской и женской речи. «Похожесть» звучания сочетания

голосов в диалоге Ф1 отметили 35 % респондентов, в то же время 42 % указали на их «непохожесть», что свидетельствует о незначительном преобладании отрицательных оценок (рис. 2).

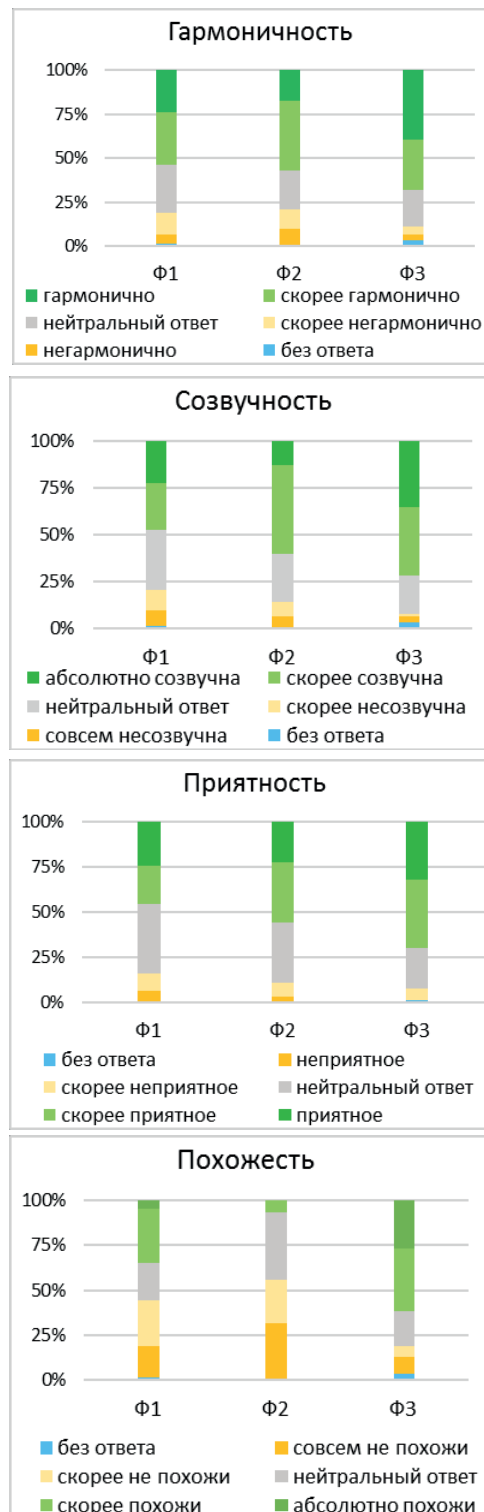

Рис. 2. Оценивание аудиторами «гармоничности», «созвучности», «приятности», «похожести» сочетания голосов (%)

Среди факторов, оказавших влияние на восприятие, аудиторы отметили сходство диапазонов речи собеседников (Ф1 – 59 %, Ф2 – 58 %, Ф3 – 62 %) (рис. 3).

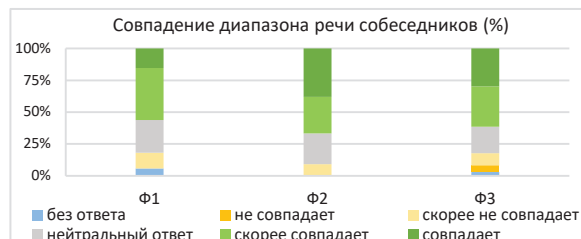

Рис. 3. Оценивание аудиторами совпадения диапазона речи собеседников (%)

Было выявлено влияние мелодики на восприятие звучания диалогов (Ф1 – 30 %, Ф2 – 32 %). В качестве сопутствующего аспекта была отмечена громкость (Ф1 – 49 %). Существенной оказалась роль тембра (Ф1 – 37 %, Ф2 – 32 %, Ф3 – 38 %), что может указывать на тембральную окраску как на дополнительный фактор восприятия созвучности (рис. 4).

Рис. 4. Параметры, оказавшие влияние на восприятие голосов (%)

Таким образом, фонограмма Ф1 (Женщина – Женщина) оценивается как «гармоничная», «созвучная», «приятная», со схожестью диапазонов речи собеседников и значимой ролью мелодики и громкости. Фонограмма Ф2 (Мужчина – Женщина) определяется аудиторами как «гармоничная», «созвучная», «приятная», отличающаяся «непохожестью» голосов и сближением диапазона речи собеседников, со значимой ролью мелодики, тембра. Можно также отметить, что фонограмма Ф3 (Мужчина – Мужчина) выделяется как наиболее «гармоничная», «созвучная», «приятная», а звучание голосов и диапазон речи в диалоге как наиболее «похожее», отмечается значимость тембра.

Для подтверждения результатов аудиторского анализа фонограммы были подвергнуты компьютерно-акустическому анализу с установлением минимальных, максимальных и средних значений ЧОТ (Гц), средних показателей интенсивности (дБ), диапазона ЧОТ (пт).

Было выявлено, что показатели диапазона, средние показатели ЧОТ и интенсивности в репликах сближаются. Кроме этого, при обмене репликами происходит копирование просодических акцентов: отдельные элементы мелодического контура, отмеченные повышением значений интенсивности (дБ) и ЧОТ (Гц), проявляются в ответной речи собеседников.

Анализ реплик в диалоге Ф1 показал, что отмеченное аудиторами сходство диапазонов речи собеседников, подтверждается акустически (Ж1 – 17–19 пт, Ж2 – 16–19 пт). Диапазоны реплик собеседников сближаются: 17,45 пт (1), 17,84 пт (2), 18,93 пт (3), 18 пт (4), за исключением последнего обмена репликами: 19,37 пт (5), 15,78 пт (6), в котором диапазон участниц расходится на 3,5 пт (рис. 5, пример 1).

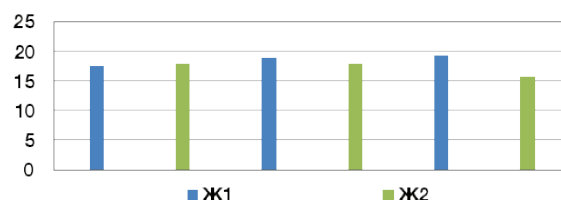

Рис. 5. Сопоставление диапазонов ЧОТ в диалоге Ф1 (пт)

Пример 1

- 1) Ж1: It's our 'final 'episode al'ready! V
- 2) Ж2: I 'know a 'whole 'dozen! V
- 3) Ж1: I 'know. V 'Do you 'think we've 'lost 'all our 'listeners V or we've 'still ,got a ,few? V
- 4) Ж2: 'I 'think at 'least 'some 'members of our 'family are ,still ,listening a ,lot. V
- 5) Ж1: 'Yes, V I 'hope they are, V I 'hope they are, V because }} em, }} you've 'got a 'birthday 'coming ,up, V 'haven't you? V
- (6) Ж2: I am 'not 'sure I 'have it 'coming ,up.

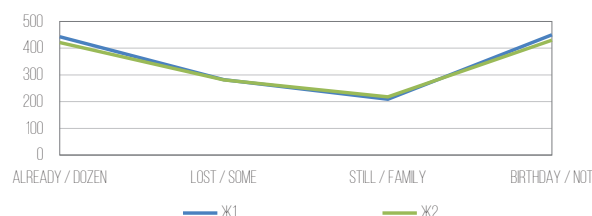

Рис. 6. Сопоставление ЧОТ в диалоге Ф1 (Гц)

Согласованность в диалоге Ф1 также осуществляется повторами просодических акцентов: значений ЧОТ и интенсивности на отдельных словах. Так, уровень ЧОТ и интенсивность ударных слогов в словах *already* (443 Гц, 76 дБ), *lost* (282 Гц, 76 дБ) *still* (209 Гц, 74 дБ), *birthday* (450 Гц, 76 дБ) коррелируют с аналогичными параметрами в словах

dozen (421 Гц, 81 дБ), *some* (281 Гц, 78 дБ), *family* (218 Гц, 74 дБ), *not* (430 Гц, 72 дБ) в речи спикера Ж2 (пример 1, рис. 6).

Акустический анализ реплик диалога Ф2 подтверждает сближение диапазонов, выявленное на аудиторском этапе анализа (пример 2, рис. 7). Показатели диапазонов отличаются совместным сужением и расширением до различных пределов: 14,01 пт (7); 15,04 пт (8); 5,7 пт (9); 9,8 пт (10); 7,9 пт (11); 6,8 пт (12). Наблюдается также сближение средних показателей интенсивности в репликах спикеров (Ж3: 72–75 дБ; М1: 74–76 дБ).

Пример 2

- 7) Ж3: It was 'like I 'had a 'right 'V to 'write a'bout 'these 'characters. 'V
8) М1: And there are 'indi'vidual 'words, 'V 'aren't there 'V that you 'get 'drawn 'to? '}} (9) 'Are they 'Matlock '→words 'V or 'Midlands '→words? '}}
10) Ж3: 'Sometimes [they '→are '}}]
11) М1: ['Give us, '}} 'give us] the ex'amples of [,this].
12) Ж3: [,Well,] '}} in 'Matlock they'll 'say 'duck, 'V they 'call 'everyone 'duck.

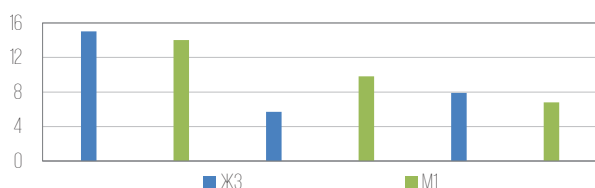

Рис. 7. Сопоставление диапазона ЧОТ в диалоге Ф2 (пт)

Созвучность в диалоге Ф2 также достигается повторением просодических маркеров на отдельных словах, представляющих значимость для говорящих: уровень ЧОТ выделенных слогов в словах *like* (218 Гц), *had* (213 Гц), *write* (154 Гц) копируется спикером М1 при произнесении слов *individual* (214 Гц, 217 Гц), *aren't* (154 Гц) (рис. 8).

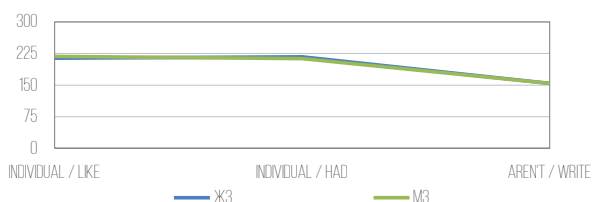

Рис. 8. Сопоставление ЧОТ в диалоге Ф2 (Гц)

Анализ реплик диалога Ф3 (пример 3) подтверждает сходство показателей диапазона (М2 – 12,25 пт; М3 – 12,43 пт). Отмечается сближение средних показателей ЧОТ и интенсивности в репликах (М2: 148 Гц, 75 дБ; М3: 139 Гц, 74 дБ).

Пример 3

- 13) М3: 'Is it 'not 'just 'advertising? 'V
14) М2: 'not at 'all, 'V 'I 'just, '}} 'I'll, '}} em '}}

Согласованность мелодического контура голосов, отмеченная аудиторами, реализуется как схожесть показателей ЧОТ и интенсивности при повторе слова *not* (М3: 203 Гц; 81 дБ; М2: 201 Гц, 78 дБ).

Исходя из полученных данных, представляется возможным выделить основные модели речевого поведения, посредством которого собеседники достигают мелодической согласованности. Обозначенные модели воспринимаются как участки речевой созвучности: сближение диапазона речи, ЧОТ и интенсивности, повторение показателей просодической выделенности в ответных репликах собеседников.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный аудиторский анализ позволил выявить перцептивные признаки речевой созвучности и соотнести их с данными акустического анализа. Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Сближение просодических параметров речи вызывает благоприятную эмоциональную реакцию, формирует привлекательный образ говорящих. Характер ответов аудиторов согласуется с утверждениями о положительном восприятии речевой конвергенции.

2. Положительные реакции респондентов, полученные в процессе аудиторского этапа исследования, позволили выявить согласованные образцы диалогической речи, которые характеризуются «гармоничностью», «созвучностью», «приятностью», «похожестью» и схожестью диапазонов речи.

3. Перцептивный образ речевой созвучности формируется под влиянием мелодики, громкости и тембра.

4. Акустический этап исследования подтверждает, что перцептивно-созвучные участки отличаются сближением просодических параметров речи. Мелодическая согласованность достигается сближением показателей ЧОТ, интенсивности, диапазона речи собеседников, копированием главных просодических акцентов.

Результаты исследования вносят вклад в описание перцептивных признаков просодической конвергенции и позволяют заключить, что психофизиологические аспекты восприятия звучания, ранее применявшиеся для описания музыкальной созвучности, могут указывать на речевую созвучность и выступать маркерами сближения

мелодических параметров речи наряду с акустическими признаками согласованности. Перспективным направлением для дальнейших исследований

представляется изучение перцептивной согласованности темпорального компонента коммуникативного взаимодействия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Dragojevic M., Gasiorrek J., Giles H. Accommodative Strategies as Core of the Theory // *Communication Accommodation Theory: Negotiating Personal Relationships and Social Identities across Contexts*. Cambridge University Press, 2016. PP. 36–59.
2. Демина М. А., Карташевская Ю. В. Гендерно-маркированные модели просодической согласованности коммуникантов в small talk // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2017. Вып. 5 (776). С. 9–31.
3. Benítez-Burraco A., Nikolsky A. The (co)evolution of language and music under human self-domestication // *Human Nature*. 2023. Vol. 34. № 2. P. 229–275.
4. Barón Birchenall L. Phonetic Accommodation During Conversational Interactions: An Overview // *Revista Guillermo de Ockham*. 2023. Vol. 21. P. 493–517.
5. McDermott J. et al. Indifference to dissonance in native Amazonians reveals cultural variation in music perception // *Nature*. 2016. Vol. 535 (7613). P. 547–550.
6. Абдуллина Р. Э. Тактики мелодической конвергенции в общении носителей британского варианта английского языка // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2024. Вып. 2 (883). С. 9–15.
7. Brown S. A Joint Prosodic Origin of Language and Music // *Frontiers in Psychology*. 2017. Vol. 8. С. 1–20.
8. Потапова Р. К., Потапов В. В. Синкретический дуализм музыки и речи как особый семиотический феномен бытия человека // *Человек: Образ и сущность*. 2018. Вып. 3 (34). С. 52–71.
9. Lahdelma I., Eerola T. Cultural familiarity and musical expertise impact the pleasantness of consonance/dissonance but not its perceived tension // *Sci Rep*. 2020. Vol. 10 (8693). P. 1–11.
10. Петроченко Е. В. Идентификация интонации и эмоции родного языка в процессе восприятия вокальной мелодии // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Филология, педагогика, психология*. 2022. Вып. 4. С. 5–15.
11. Giles H. Accent mobility: A model and some data // *Anthropological Linguistics*. 1973. Vol. 15. PP. 87–105.
12. Demina M. A. An investigation into gender specifics of communicants' pitch attunement in natural English conversation // *XLinguae*. 2021. Vol. 14 (2). P. 142–156.
13. Горбылева А. В., Шевченко Т. И. Модели взаимодействия собеседников по высотно-диапазональному параметру в дружеской беседе // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2023. Вып. 1 (869). С. 48–54.

REFERENCES

1. Dragojevic, M., Gasiorrek, J., Giles, H. (2016). Accommodative strategies as core of the theory. In *Communication accommodation theory: Negotiating personal relationships and social identities across contexts* (pp. 36–59). Cambridge University Press.
2. Demina, M. A., Kartashevskaya, Y. V. (2017). Gender-marked patterns of prosodic attunement in small talk. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 5(776), 9–31. (In Russ.)
3. Benítez-Burraco, A., Nikolsky, A. (2023). The (co)evolution of language and music under human self-domestication. *Human Nature*, 34(2), 229–275.
4. Barón Birchenall, L. (2023). Phonetic Accommodation during Conversational Interactions: An Overview. *Revista Guillermo de Ockham*, 21, 493–517.
5. McDermott, J., Schultz, A., Undurraga, E., Godoy, R. (2016). Indifference to dissonance in native Amazonians reveals cultural variation in music perception. *Nature*, 535(7613), 547–550.
6. Abdullina, R. E. (2024). Tactics of pitch convergence in natural British English conversation. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2(883), 9–15. (In Russ.)
7. Brown, S. (2017). A joint prosodic origin of language and music. *Frontiers in Psychology*, 8, 1–20.

8. Potapova, R. K., Potapov, V. V. (2018). Syncretic dualism of music and speech as a special semiotic phenomenon of the human being. *Human being: Image and essence. Humanitarian aspects*, 3(34), 52–71.
9. Lahdelma, I., Eerola, T. (2020). Cultural familiarity and musical expertise impact the pleasantness of consonance/dissonance but not its perceived tension. *Sci Rep.*, 10(8693), 1–11.
10. Petrochenko, E. (2022). Identification of intonation and emotions of the native language in vocal melody perception. *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, 4, 5–15.
11. Giles, H. (1973). Accent mobility: A model and some data. *Anthropological Linguistics*, 15, 87–105.
12. Demina, M. A. (2021). An investigation into gender specifics of communicants' pitch attunement in natural English conversation. *XLinguae*, 14(2), 142–156.
13. Gorbyleva, A. V., Shevchenko, T. I. (2023). Friendly talk-in-interaction models based on pitch and pitch range parameters. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 1(869), 48–54.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Абдуллина Римма Эдуардовна

преподаватель кафедры фонетики английского языка
факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Abdullina Rimma Eduardovna

Lecturer at the Department of English Phonetics
English Language Faculty
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

25.11.2024
27.12.2024
09.01.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Дискурс отмены и аксиология: как и почему СМИ вербализуют ценностные концепты

А. Р. Аракелова¹, Т. А. Ширяева²

^{1,2}Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия

¹amaliia.arakelova@gmail.com

²shiryaevat@list.ru

Аннотация. Культура отмены лежит в основе разноплановой коммуникации и основывается на ценностных системах, принятых обществом. Для изучения письменного дискурса культуры отмены мы отобрали корпус из 40 англоязычных статей за период с 2019 по 2023 годы. Целью исследования, проводимого на стыке аксиолингвистики и критического дискурс анализа с использованием методов корпусной лингвистики, явилось формирование аксиосферы дискурса культуры отмены. В результате проведенного анализа было выявлено 10 ценностных концептов: «Power», «Freedom of Speech», «Accountability», «Ideas», «Change», «Unity», «Social Justice», «Voice», «Respect», «Inclusivity». Данные ценностные концепты воплощаются через определенные лексико-грамматические языковые средства и отражают важнейшие ориентиры, тенденции, нормы западного общества.

Ключевые слова: аксиосфера, дискурс культуры отмены, критический дискурс анализ, культура отмены, ценностные концепты, ценности

Для цитирования: Аракелова А. Р., Ширяева Т. А. Дискурс отмены и аксиология: как и почему СМИ вербализуют ценностные концепты // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1 (895). С. 17–24.

Original article

Cancel Culture Discourse and Axiology: How and Why Mass Media Verbalize Values

Amaliya R. Arakelova¹, Tatyana A. Shiryaeva²

^{1,2}Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

¹amaliia.arakelova@gmail.com

²shiryaevat@list.ru

Abstract. Cancel culture generates diverse communication and is grounded in the value systems accepted by society. To conduct a study of the written discourse of cancel culture, we have compiled a corpus of 40 articles published between 2019 and 2023. The aim of the study, conducted at the intersection of axiolinguistics and critical discourse analysis and with the help of corpus linguistics methods, was to form the axiological sphere of the discourse of cancel culture. As a result, 10 value concepts were identified: “Power”, “Freedom of Speech”, “Accountability”, “Ideas”, “Change”, “Unity”, “Social Justice”, “Voice”, “Respect”, “Inclusivity”. These value concepts are embodied through specific lexical-grammatical linguistic means and reflect the most important orientations, trends, and norms of Western society.

Keywords: axiological sphere, cancel culture, cancel culture discourse, critical discourse analysis, value concepts, values

For citation: Arakelova, A., Shiryaeva, T. (2025). Cancel culture discourse and axiology: how and why mass media verbalize values. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(895), 17–24. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Культура отмены сегодня – это феномен, выходящий за пределы социально-политической сферы. В связи с масштабностью риторики вокруг культуры отмены и большого прагматического потенциала текстов о данном феномене, исследование дискурса культуры отмены и ценностей, воплощающихся в нем, является актуальной и необходимой диагностикой как в рамках лингвистики, так и для смежных дисциплин.

Направления лингвистического исследования культуры отмены включают в себя анализ влияния данной культуры на свободу слова и речевые особенности коммуникантов в различных контекстах [Halpern, Gibbs, 2013]. А. Триго и Г. Бувьер изучают роль социальных медиа в формировании дискуссий, отличающихся поверхностным подходом при обсуждении противоречивых социальных вопросов, и так называемых эхо-камер¹. Они представляют собой способы общения и получения информации, при использовании эхо-камер участники дискурса ограничиваются лишь близкими им суждениями и идеологическими установками, игнорируя точки зрения и факты, существующие вне их ценностной и информационной парадигмы [Bouvier, 2020].

Лингвистическое исследование культуры отмены в России охватывает анализ прагматики и стилистики общения, лексики, грамматики и дискурсивного взаимодействия, с акцентом на агрессивную коммуникацию и ее регулирование [Семенова, 2023]. Такие исследователи, как С. В. Шустова и А. А. Шипицин, рассматривают семантический потенциал неологизмов, заимствованных из английского языка [Шустова, Шипицин, 2023], в то время как Д. У. Мирзаева подчеркивает важность терминологической точности для понимания явления [Мирзаева, 2023]. И. И. Дубинина исследует дискурсивную практику культуры отмены через призму аксиологической лингвистики, выявляя коммуникативные стратегии и тактики авторов в контексте аксиологического конфликта [Дубинина, 2023]. Однако ни в зарубежных, ни в отечественных исследованиях до сих пор не предпринята попытка осмысления взаимосвязи письменного англоязычного дискурса культуры отмены с важнейшими ориентирами общества – ценностями. Построение аксиосферы данного дискурса и анализ речевого воплощения ценностных концептов – новое направление исследования, проводимое нами на стыке аксиологии, корпусной лингвистики и критического дискурса

анализа, призванное восполнить существующий пробел в научном знании.

Целью данного исследования является идентификация, описание и интерпретация доминантных ценностей, реализующихся в современном англоязычном дискурсе культуры отмены. Моделирование аксиосферы дискурса – это диагностическая и аналитическая процедура, позволяющая воссоздать модель дискурса культуры отмены с точки зрения ценностных концептов, которые реализуются в нем посредством языка и могут служить ядерными смыслами, вокруг которых строится нарратив.

Гипотезой исследования послужила идея о том, что культура отмены как социально значимое явление, тесно связанное с правами и свободами человека, моральными ориентирами общества и традициями западной лингвокультуры, с высокой долей вероятности основывается на ценностях, актуализирующихся и распространяющихся через язык, в данном случае через язык СМИ.

МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом исследования являются англоязычные статьи о культуре отмены, опубликованные в ведущих американских газетах (онлайн версиях изданий) за период с 2019 по 2023 годы. При создании корпуса текстов, состоящего из 40 статей, мы придерживались нескольких критериев: источники материала а) являются крупными изданиями с большой читательской аудиторией и давней историей; б) характеризуются наличием различных редакционных взглядов, в) опубликованы под авторством профессиональных журналистов и редакторов и нацелены на адресата-непрофессионала. Некоторые источники информации воспроизводят преимущественно либеральные или прогрессивные точки зрения, в то время как другие представляют более консервативные, правые взгляды.

МЕТОДИКА И ПРОЦЕДУРА ИССЛЕДОВАНИЯ

Данное исследование проводилось на стыке двух исследовательских парадигм: критического дискурс-анализа и моделирования аксиосферы культуры отмены.

Критический дискурс-анализ

Мы полагаем, что дискурс культуры отмены чрезвычайно опосредованное явление с точки зрения политики, идеологии, борьбы за власть и доминирования в социальном и дискурсивном пространстве. Дискурс культуры отмены – это феномен лингвистического и экстралингвистического

¹Trigo A. L. Cancel Culture: The Phenomenon, Online Communities and Open Letters // PopMeC Research Blog. 2020. URL: <https://www.researchgate.net/publication/344512933> (дата обращения: 10.01.2024).

порядка, динамичный и детерминированный действующими общественными и медийными настроениями. Соответственно, он требует анализа, выходящего за пределы текстового уровня.

Критический дискурс анализ, используемый нами в качестве основного инструмента анализа отобранного корпуса статей, предполагает «исследование как прозрачных, так и непрозрачных отношений доминирования, дискриминации, власти и контроля, выраженных в языке» [Van Dijk, 1993; Wodak, 1995, с. 204]. Согласно данному подходу к культуре отмены дискурс является одновременно социально конститутивным и социально обусловленным [Chouliaraki, Fairclough, 1999]. Более того, в рамках критического дискурс-анализа идеи, факты и знания не статичны. Они меняются вместе с дискурсами [Williamson et al., 2013].

Критический дискурс анализ в особой степени сконцентрирован на языковых проявлениях власти [Wodak, Meyer, 2009]. Власть может реализовываться опосредованно, например, через контроль над дискурсом – через свойства синтаксиса, риторики или на лексическом уровне. Власть также может проявляться через просодическую сторону речи (тон, колебание, паузы, смех), через формы обращения или путем контроля контекста [Van Dijk, 1993].

Все перечисленные характеристики присущи и дискурсу культуры отмены: данная коммуникация (в широком значении этого слова) содержит как очевидные, так и скрытые взаимоотношения власти и доминирования, одновременно отражает и формирует социальное и коммуникативное поведение масс, всегда находится в состоянии изменения. В системе дискурса культуры отмены СМИ также контролируют контекст, принимая решения о времени выпуска публикации, включения или опущения той или иной информации, интенсивности освещения историй и т. д. Названные факторы подтверждают оправданность выбранных исследовательских методов, предоставляемых критическим дискурс анализом. В продолжение сложившейся научной традиции при исследовании дискурса культуры отмены мы обращаемся к общим лингвистическим концепциям и сущностям – время, временная форма, модальность, адресаты и адресанты, аргументация [Wodak, Meyer, 2009], а также производим синтаксический анализ с учетом когерентности и когезии, выбора темы, реализации смыслов на всех уровнях языка.

Моделирование аксиосферы дискурса культуры отмены

Лингвоаксиологические исследования направлены на установление связи между наиболее

значимыми ориентирами человека. Благодаря этим ориентирам он функционирует как единица и как часть социума. Таким образом, в рамках лингвоаксиологических исследований выявляется связь между языком и ценностями. Их формированию и распространению систематически способствует язык. Лингвистическая аксиология изучает ценности как явление, в первую очередь, мыслительно-языкового порядка: воплощаемые в коммуникации ценностные смыслы проходят через естественную фильтрацию в процессе общения и употребления, расширяются или сужаются в своем значении, изменяются содержательно и в конечном счете закрепляются в лингвокультуре как ценностные концепты, узнаваемые большинством представителей каждого конкретного лингвосообщества.

В рамках данного исследования моделирование аксиологической концептосферы дискурса является важнейшим этапом анализа, поскольку культура отмены как таковая в большой мере зависит от ценностных установок общества, общепринятых норм поведения, новых практик оценивания явлений действительности.

Для выявления доминантных ценностных концептов мы провели гибридное исследование, в рамках которого обратились к дискурсивному и тематическому анализу текстов, а также к методам корпусной лингвистики (машинная / автоматическая обработка текста [Горожанов, Красикова, 2024; Горожанов, 2023; Логинова, Горожанов, Алейникова, 2023]). Полученные данные о ценностных концептах мы систематизировали по критерию частотности реализации в корпусе статей и описали с учетом их лингвопрагматической и дискурсивной функции.

Следуя сложившимся в современной лингвистике подходам к изучению структуры концепта, мы рассматривали и описывали ценностные концепты как явления с многослойной организацией и полевой структурой [Попова, Стернин, 2001; Карасик, 2002]. В соответствии с таким подходом исследователи фиксируют архисему, воплощающуюся посредством доминантной лексемы (репрезентирует концепт наилучшим или самым точным образом в языке), а также лексическое поле периферии концепта, выражаемое через менее рекуррентные языковые средства.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аксиосфера дискурса культуры отмены

По итогам проведенного исследования нами были получены и обработаны данные лингвистического

и экстралингвистического порядка. Было установлено, что тексты периодических изданий содержат большое количество ценностей, общечеловеческих и общекультурных, вербализующихся в статьях корпуса посредством лексико-семантических групп. На рисунке 1 представлены все выявленные нами ценностные концепты, составляющие аксиосферу дискурса культуры отмены.

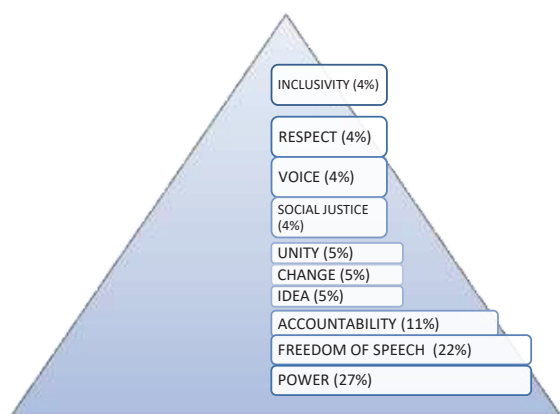

Рис. 1. Аксиосфера дискурса культуры отмены (ценностные концепты)

В аксиосферу дискурса культуры отмены входят десять ценностных концептов, каждый из которых лежит в основе существующей риторики на тему культуры отмены: «Power», «Freedom of Speech», «Accountability», «Ideas», «Change», «Unity», «Social Justice», «Voice», «Respect», «Inclusivity». На основе полученной аксиосферы можно сделать выводы о современных культурных, политических и языковых характеристиках современного дискурса культуры отмены. Как показало исследование, выявленные ценностные концепты составляют важную часть текстов отобранного корпуса, как в языковом плане, так и содержательном. Данные концепты вербализуются авторами с конкретными интенциями – информировать, иллюстрировать, оценивать, убеждать и популяризировать (те или иные ценностные идеи). Рассмотрим отрывок дискурса, на основе которого можно сделать вывод об исключительной роли ценностных концептов в дискурсе культуры отмены:

The goal of censorious mobs “isn’t to punish everyone, or even very many someones; it’s to shame or scare just enough people to make the rest conform,” the columnist Ross Douhat has argued. That may indeed be the goal of some social-justice warriors. But the effect he describes, the scaring and shaming, is also driven by voices who claim to oppose it¹. – Цель

цензурирующей толпы – это «не наказывать всех, или даже многих. Ее цель – это пристыдить или запугать достаточно людей, чтобы заставить других подчиниться» – так считает автор колонки Росс Дуэт. И это действительно может быть целью некоторых борцов за социальную справедливость. Но цели, которые он описывает, – пристыдить и запугать – также продвигаются и теми, кто выступает якобы против данных явлений².

Данный текстовый фрагмент изобилует ценностными концептами, выявленными во всем корпусе текста. Так, эксплицитно вербализуются концепты «Accountability» (*to punish everyone, or even very many someones*), «Social Justice» (*the goal of some social-justice warriors*), «Voice» (*the effect...is also driven by voices*), а также имплицитно объективируется концепт «Freedom of Speech»: «толпы» людей онлайн хотят испугать, пристыдить и в конечном счете заставить повиноваться всех членов общества, навязывая таким образом цензуру. Прагматическая интенция автора статьи заключается в информировании адресата о «подлинных» мотивах и последствиях практики «отмены», а также об ограничениях, которые подобная лингвополитическая традиция влечет за собой.

Идея культуры отмены исходно заключалась в привлечении нарушителей или невежд к ответственности за проступки, о которых раньше было принято молчать. В иных случаях за них не удавалось «наказать» (ценностный концепт «Accountability»). Причем к кругу лиц, призываемых к ответственности относились как известные люди, так и обычные члены общества. Однако со временем ситуация в корне изменилась: языковой и дискурсивный анализ статей выявил иную ценность, с большим преимуществом превосходящую все другие ценности, актуальные для данного дискурса. В результате проведенного дискурсивного анализа англоязычных статей о культуре отмены нами был выявлен ценностный концепт «Power», актуализирующийся в 27% от всех случаев вербализации ценностей. Именно власти добиваются те или иные стороны, участвующие в культуре отмены, а ответственность, к которой взывают те же участники конфликта как явление аксиологического порядка занимает лишь третье место по распространенности этого концепта в текстах статей и вербализуется более, чем в два раза реже (11%), нежели концепт «Power». Данный вывод в очередной раз подчеркивает важность критического дискурса анализа как основополагающего методологического инструмента при изучении феномена культуры отмены и его языкового воплощения.

¹Fairbanks E. Why wasn't I canceled? The Atlantic. 2022. URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2022/10/fear-cancel-culture-free-speech/671828/> (дата обращения: 10.07.2023).

² Зд. и далее перевод наш. – А. Р.

Вербализация ценностных концептов «Power» и «Freedom of Speech»

Подробное языковое воплощение ценностного концепта «Power» представлено на рисунке 2: методы корпусной лингвистики и дискурс анализа позволили нам выявить и проанализировать лексико-семантические характеристики данного концепта. В большинстве случаев авторы статей эксплицитно говорят о динамике властных отношений как на межличностном уровне, так и на уровне институтов и организаций. При этом доминантной лексемой, репрезентирующей концепт «Power» в языке, является сама лексема *power*: она является не только наиболее частотным способом актуализации данного ценностного концепта (67 %), но и наиболее емким понятием, отражающим смысл продолжающейся борьбы в обществе (см. рис. 2):

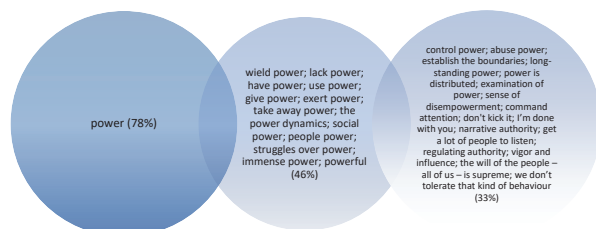

Рис. 2. Лексико-семантическая группа ценностного концепта «Power» (слева – ядро; доминантная лексема, ядро, периферия)

Рассмотрим способы вербализации концепта «Power» на примере отрывка ниже:

It's that power, not the names on the doors, that lets those institutions establish the boundaries the cancelers are really hoping to control: not just of what people are willing to say in public, but what they are willing to believe¹. – Именно эта власть, а не таблички с именами на дверях, позволяет этим институтам устанавливать границы, которые последователи культуры отмены в действительности надеются контролировать – контролировать не только то, что люди готовы говорить вслух, но и то, во что эти люди готовы верить.

Концепт POWER в данном случае проявляется через доминантную лексику *power*, а также посредством ряда других языковых средств: *establish the boundaries the cancelers are really hoping to control; what people are willing to say; what they are willing to believe*. Даже синтаксическое построение этих

предложений призвано выделить идею и значимость подразумеваемой власти – *It's that power, not the names on the doors, that lets those institutions establish the boundaries...* – использование инверсии направляет фокус читателя на конкретное проявление силы / власти, позволяющей институтам устанавливать определенные границы, сместить которые пытаются участники культуры отмены. В рамках этого же примера можно отследить и противостояние различных представителей общества: каждая из сторон отстаивает свою позицию; ведется борьба не только за свободу слова, но и за свободу веры (*what people are willing to say; what they are willing to believe*), и лексико-синтаксические повторы вносят вклад в эффективность данной риторики. Прагматической целью автора в данном случае является информирование и убеждение.

Обратимся теперь ко второму по распространенности ценностному концепту «Freedom of Speech» (22 %), весьма тесно связанному с концептом «Power». Проведенный анализ выявил интересную дискурсивную тенденцию. Она заключается в некоторой парадоксальности восприятия свободы слова представителями социума. Свобода слова, в свою очередь, влияет на их коммуникативное поведение. Поскольку для демократических стран свобода слова важная ценность, сложившаяся традиция вербального поведения заключается в возможности высказываться на любые темы в любой тональности и любым способом. В связи с этим все попытки «заглушить» мнения в рамках культуры отмены воспринимаются определенными участниками коммуникативных процессов как нападение на свободу слова:

The question “who can say what” cannot be separated from ongoing political contests for power and demographic and technological shifts. This is why the debate about free speech is endlessly roiling and can never be resolved to the satisfaction of all debaters². – Вопрос о том, «кому что дозволено говорить», не может быть отделен от продолжающейся политической гонки за власть и демографический и технологический сдвиг. Вот почему дебаты о свободе слова провоцируют стороны и никогда не могут быть разрешены к удовлетворению всех спорящих (перевод А. П. Аракелова).

В данном фрагменте дискурса актуализируются сразу два ценностных концепта – «Power», «Freedom of Speech». Автор текста дает оценку

¹McArdle M. The real problem with “cancel culture” // The Washington Post. 2020. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2020/07/10/real-problem-with-cancel-culture/> (дата обращения: 14.03.2022).

²Mishra P. Stop linking Rushdie attack to cancel culture // The Washington Post. 2022. URL: https://www.washingtonpost.com/business/stop-linking-rushdie-attack-to-cancel-culture/2022/08/21/00c036f6-2152-11ed-a72f-1e7149072fbc_story.html

сложившейся противоречивой ситуации относительно распределения власти в обществе, а также продолжающимся дебатам относительно дозволенности и свободы в общении: *The question "who can say what"; the debate ... is endlessly roiling; can never be resolved to the satisfaction of all debaters.* Пессимистичный настрой автора данного фрагмента в целом активно вербализуется в рамках дискурса культуры отмены. Так, при помощи корпусного анализа, нам удалось выявить ближашие и наиболее частотные словосочетания для лексем *free speech*. Некоторые из них представлены на рисунке 3. «Freedom of Speech» как ценностный концепт реализуется в текстах посредством разнообразных лексических и грамматических средств, при этом мы определили словосочетание *free speech* как доминантные лексемы, наиболее часто вербализующие идею свободы слова (см. рис. 3):

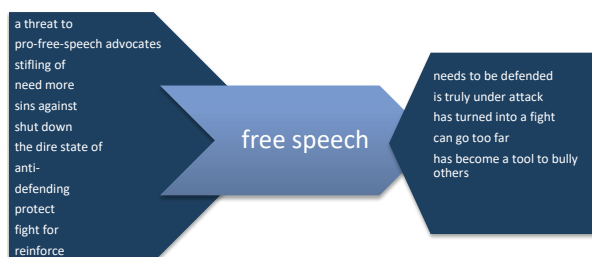

Рис. 3. Коллокации с фразой *free speech*

Здесь проиллюстрирован набор коллокаций с *free speech* (слева и справа по контексту), которые имеют схожую оценочность и модальность. Выделенные словосочетания отражают обеспокоенность адресантов касательно свободы слова и ее перспектив – многое будет определено именно в контексте дискурса культуры отмены. Несмотря на то, что это не все возможные способы языковой актуализации концепта, подобная тематическая и оценочная специфика встречается в 38 % всех случаев языковой объективации концепта «Freedom of Speech» в текстах корпуса.

ДИСКУССИЯ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное комплексное исследование, базирующееся на методах аксиологии, корпусной лингвистики и критического дискурс анализа, восполняет существующий пробел в научном знании о ценностных концептах. Учитывая динамику в языковой, социальной и политической сфере, мы допускаем изменения в аксиосфере. Возможно в будущем аксиосфера англоязычного дискурса культуры отмены будет выглядеть

иначе, нежели в наши дни. Однако в нынешнее время мы можем представить ряд выводов об аксиологическом и языковом состоянии данного дискурса. Детальное изучение текстов средств массовой информации подтвердило нашу гипотезу, согласно которой статьи о культуре отмены содержат большое количество аксиологически нагруженной информации. Она воплощается, в том числе, в форме ценностных концептов. Комбинация средств и методов анализа позволила выявить 10 ценностных концептов, составляющих аксиосферу современного англоязычного дискурса культуры отмены: «Power», «Freedom of Speech», «Accountability», «Ideas», «Change», «Unity», «Social Justice», «Voice», «Respect», «Inclusivity». Все ценностные концепты, объективированные в текстах корпуса, отражают релевантные для данного общества явления, устоявшиеся ценности и недавние тенденции. Они занимают центральное место в дискурсивном пространстве и жизни этого общества. Благодаря анализу семантико-прагматических особенностей ценностей, преобладающих в данном дискурсе, было получено понимание основных аксиологических векторов коммуникации, создаваемой адресантами дискурса. Так, ценностные концепты «Power», «Accountability», «Voice» акцентируют власть, голос и социальную справедливость. Ценностные концепты «Freedom of Speech», «Inclusivity», «Respect» указывают на склонность к открытому, уважительному и инклюзивному диалогу, где приветствуются и учитываются разнообразные точки зрения. Большое значение имеет идея об ответственности, которую каждый должен нести за свои проступки, даже если эти проступки не являются нарушением закона – воплощается в виде ценностного концепта «Accountability». Ценности «изменение» («Change») и свобода слова («Freedom of Speech») свидетельствуют о динамичной и адаптивной политической среде и живой общественной сфере – по крайней мере, именно такая картина мира воссоздается СМИ в формате газетных статей.

Авторы статей в средствах массовой информации открыто признают и существующие проблемы западного общества, имплицитно и эксплицитно формируют мнение адресата по поводу данных тенденций и возможно могут подвести читателей к определенным новым поведенческим моделям, в том числе касающимся и поведения коммуникативного. Данное наблюдение может лечь в основу дальнейших исследований, где будет измеряться потенциал ценностно нагруженной коммуникации при формировании мнений и впечатлений адресатов дискурса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Halpern D., Gibbs J. Social Media as a Catalyst for Online Deliberation? Exploring the Affordances of Facebook and YouTube for Political Expression // *Computers in Human Behavior*. 2013. Vol. 29. P. 1159–1168. DOI: 10.1016/j.chb.2012.10.008.
2. Bouvier G. Racist call-outs and cancel culture on Twitter: The limitations of the platform's ability to define issues of social justice // *Discourse, Context & Media*. 2020. № 38. С. 100431. DOI: 10.1016/j.dcm.2020.100431 (дата обращения: 16.02.2024).
3. Семенова О. Ф. Культура отмены – речевая реальность современного общества // *Review of Business and Economics Studies*. 2023. № 11 (1). С. 13–18. DOI: 10.26794/2308-944X-2023-11-1-13-18.
4. Шустова С. В., Шипицин А. А. Новая лексика в дискурсивной практике «культуры отмены» // *Теоретическая и прикладная лингвистика*. 2023. Вып. 9 №3. С. 203–217. DOI: 10.22250/24107190_2023_9_3_203.
5. Мирзаева Д. У. Является ли культура отмены культурой? // *Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты*. 2023. Вып. 4 (56). С. 59–75. DOI: 10.31249/chel/2023.04.04.
6. Дубинина И. И. Аксиологический конфликт как потенциальный триггер дискурсивной практики культуры отмены (на материале обновленных словарных статей “woman” / “man” в Кембриджском словаре (2022)) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2023. Т. 16. Вып. 12. С. 4153–4159. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil202306317>.
7. Van Dijk T. A. Principles of critical discourse analysis // *Discourse & Society*. 1993. № 4. С. 249–283. DOI: 10.1177/0957926593004002006.
8. Wodak R. Critical linguistics and critical discourse analysis. See Verschueren et al. 1995. PP. 204–10.9.
9. Chouliaraki L., Fairclough N. *Discourse in Late Modernity: Rethinking Critical Discourse Analysis*. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 1999.
10. Williamson K., Given L. M., Scifleet P. *Qualitative Data Analysis*. 2013
11. Wodak R., Meyer M. *Methods for critical discourse analysis*. London, England: Sage, 2009.
12. Горожанов А. И., Красикова Е. А. Получение значимых данных из неподготовленного текста путем его автоматической обработки авторскими лингвистическими инструментами (на материале электронных китайских СМИ) // *Вопросы прикладной лингвистики*. 2024. № 54. С. 115–138. DOI 10.25076/vpl.54.05.
13. Горожанов А. И. Создание лингвистического корпуса на основе инструментов обработки естественного языка: планирование программных решений // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2023. Т. 16. № 5. С. 1616–1620. DOI 10.30853/phil20230252.
14. Логинова А. О., Горожанов А. И., Алейникова Д. В. Программные инструменты создания и анализа массивов текстов коротких электронных сообщений пользователей социальных сетей // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2023. Т. 16. № 11. С. 3641–3647. DOI 10.30853/phil20230560.
15. Попова З. Д., Стернин И. А. *Интерпретационное поле национального концепта и методы его изучения* // *Культура общения и ее формирование*. Воронеж: Изд-во ВГУ. 2001. Вып. 8. С. 34–56.
16. Карасик В. И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград, 2002.

REFERENCES

1. Halpern, D., Gibbs, J. (2013). Social media as a catalyst for online deliberation? Exploring the affordances of Facebook and YouTube for political expression. *Computers in Human Behavior*, 29, 1159–1168. 10.1016/j.chb.2012.10.008.
2. Bouvier, G. (2020). Racist call-outs and cancel culture on Twitter: The limitations of the platform's ability to define issues of social justice. *Discourse, Context & Media*, 38, 100431. 10.1016/j.dcm.2020.100431.
3. Semenova, O. F. (2023). Cancel Culture – the Speech Behavior of Modern Society. *Review of Business and Economics Studies*, 11(1), 13–18. 10.26794/2308-944X-2023-11-1-13-18. (In Russ.)
4. Shustova, S. V., Shipitsin, A. A. (2023). New vocabulary in the discursive practice of 'Cancel Culture'. *Theoretical and Applied Linguistics*, 9(3), 203–217. 10.22250/24107190_2023_9_3_203. (In Russ.)
5. Mirzaeva, D. U. (2023). Is cancel culture culture? *Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects*, 4(56), 59–75. 10.31249/chel/2023.04.04. (In Russ.)
6. Dubinina, I. I. (2023). Axiological conflict as a potential trigger for the discourse practice of cancel culture (based on the updated dictionary entries “woman”/ “man” in the Cambridge Dictionary. *Philology. Theory & Practice*, 16(12), 4153–4159. 10.30853/phil20230631. (In Russ.)

7. Van Dijk, T. A. (1993). Principles of critical discourse analysis. *Discourse & Society*, 4(2), 249–283. 10.1177/0957926593004002006.
8. Wodak, R. (1995). Critical linguistics and critical discourse analysis. In Verschueren, J., Östman, J. O., Blommaert, J. (Eds.), *Handbook of pragmatics manual* (pp. 204–210). Amsterdam: John Benjamins.
9. Chouliaraki, L., Fairclough, N. (1999). *Discourse in late modernity: Rethinking critical discourse analysis*. Edinburgh, Scotland: Edinburgh University Press.
10. Williamson, K., Given, L. M., Scifleet, P. (2013). Qualitative data analysis. In Given, L. M. (Ed.), *The Sage encyclopedia of qualitative research methods* (pp. 699–702). Sage.
11. Wodak, R., Meyer, M. (Eds.). (2009). *Methods for critical discourse analysis*. 2nd ed. London: Sage.
12. Gorozhanov, A. I., Krasikova, E. A. (2024). Obtaining meaningful data from an unprepared text by automatically processing with author's linguistic tools (based on the material of electronic Chinese media). *Issues of applied linguistics*, 54, 115–138. 10.25076/vpl.54.05.
13. Gorozhanov, A. I. (2023). Building a linguistic corpus based on natural language processing tools: planning software solutions. *Philology. Theory & practice*, 16 (5), 1616–1620. 10.30853/phil20230252.
14. Loginova, A. O., Gorozhanov, A. I., Aleynikova, D. V. (2023). Software tools for creating and analyzing a text data bank of short electronic messages from social network users. *Philology. Theory & practice*, 16(11), 3641–3647. 10.30853/phil20230560.
15. Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2001). Interpretation field of the national concept and methods of its study. *Kultura obshcheniya i yeye formirovaniye*, 8, 34–56 (In Russ.)
16. Karasik, V. I. (2002). *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs = Linguistic circle: Personality, concepts, discourse*. Volgograd: Publishing House. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Аракелова Амалия Робертовна

кандидат филологических наук
доцент кафедры английского языка и профессиональной коммуникации
Пятигорского государственного университета

Ширяева Татьяна Александровна

доктор филологических наук, профессор
заведующая кафедрой английского языка и профессиональной коммуникации
Пятигорского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Arakelova Amaliya Robertovna

PhD (Philology)
Associate Professor of the Department of English Language and Professional Communication
Pyatigorsk State University

Shiryayeva Tatyana Alexandrovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Head of the Department of English Language and Professional Communication
Pyatigorsk State University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	20.11.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	25.12.2024	
	09.01.2025	

Словесное ударение в речи китайских носителей канадского варианта английского языка

Д. Т. Артюхова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
da_pozdeeva@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются ритмические особенности речи особого пласта населения Канады – китайцев, которые представляют собой наиболее многочисленную иноязычную диаспору. Взаимодействие тактосчитающего английского и слогосчитающего китайского языков представляет собой перспективное поле для исследований в области ритма, в частности, с точки зрения локализации словесного ударения. В статье приводятся итоги эксперимента, материалом для которого послужили интервью с китайцами, проживающими на территории Канады. Результаты исследования демонстрируют наличие в речи информантов-китайцев ритмической тенденции, свойственной англоязычному населению Канады.

Ключевые слова: канадский вариант английского языка, китайский язык, ритмическая тенденция, словесное ударение

Для цитирования: Артюхова Д. Т. Словесное ударение в речи китайских носителей канадского варианта английского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1 (895). С. 25 – 30.

Original article

Word stress in the Speech of Chinese Canadian speakers

Daria T. Artyukhova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
da_pozdeeva@mail.ru

Abstract. The article deals with the speech rhythm of a particular Canadian population category – Chinese Canadians, who make up the biggest foreign language speaking community in Canada. Interaction of stress-timed English and syllable-timed Chinese offers a wide and perspective field for research of speech rhythm, in particular, the localization of word stress. The article provides the results of the experiment, which dealt with the interviews with Chinese Canadians. The findings show that Chinese Canadians' speech embraces the rhythmic tendency, that is more typical of the Anglophone population of Canada.

Keywords: Canadian English, Chinese language, rhythmic tendency, word stress

For citation: Artyukhova, D.T. (2025). Word stress in the speech of Chinese Canadian speakers. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(895), 25 – 30. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В работах, предшествующих настоящему исследованию, в фокусе внимания оказывалась речь жителей Канады, для которых английский и / или французский язык является родным [Поздеева, 2017; Pozdeeva, Shevchenko, Abyzov, 2019]. Тем не менее, объемный пласт населения страны составляют иммигранты, рассредоточенные по всем крупным городам. Они также оказывают влияние на формирование произносительных норм канадского варианта английского языка.

Новизна настоящей работы заключается в том, что в ней впервые предпринимается попытка изучить речь китайских жителей Канады с точки зрения локализации словесного ударения. Особый интерес представляет тот факт, что типологически английский и китайский языки относятся к двум различным группам – к тактосчитающей и слогосчитающей соответственно, вследствие чего принципы выделенности элементов речи могут различаться. Помимо этого, необходимо также принимать во внимание социо-демографические факторы. Ниже представлен краткий обзор этапов китайской иммиграции и статуса китайского языка. Он позволяет оценить современное положение китайских жителей Канады.

Подтверждением широко распространенного мнения о том, что Канада является страной иммигрантов, являются статистические данные регулярно проводимой переписи населения. Одним из параметров, включенных в анкеты, является язык, на котором гражданин страны «говорит дома» («language spoken at home»), помимо официально закрепленного английского и / или французского. По результатам переписи, проведенной в 2011 году, самую многочисленную группу составляют носители романских языков (испанского, португальского, итальянского), на втором месте – представители индоиранской языковой группы (панджаби и хинди), а на третьем – иммигранты, для которых родными являются диалекты китайского языка (кантонский и мандаринский). К 2021 году картина распределения языков существенно изменилась. По последним данным, для 4,6 млн канадцев (12,7 % всего населения) английский или французский не являются родным языком. И на первом месте по количеству говорящих – носители китайского языка: 530 тысяч носителей диалекта мандарин и 390 тысяч – кантонского диалекта. С географической точки зрения, наибольшее количество мигрантов из Китая локализованы в Торонто (Онтарио), Ванкувере (Британская Колумбия) и Галифаксе (Новая Шотландия). Таким образом, отчетливо вырисовывается тенденция к распространению китайского языка

в Канаде и, как следствие, к усилению межъязыковой интерференции.

Первые переселенцы из Китая появились в Канаде в 1788 году [Chan, 1982]. К 1860 году в Британской Колумбии насчитывалось уже порядка 6–7 тыс китайцев, которые прибывали непосредственно из Гонконга. Нехватка недорогой рабочей силы во многих канадских провинциях способствовала увеличению потока иммигрантов из Азии, и к 1921 году представители Китая расселились по всей стране, но большинство из них оседали в Британской Колумбии (59 %) и Онтарио (14 %) [Li, 1998].

В 1923 году был издан закон о китайской иммиграции, запрещавший въезд на территорию Канады этническим китайцам, за исключением официальных лиц, предпринимателей и студентов. Этот закон повлек за собой не только резкое уменьшение количества китайского населения (34672 чел.), но и множественные региональные и муниципальные акты, ограничивающие их права и свободы. Закон был аннулирован в 1947 году, что способствовало возобновлению роста китайской общины. Начиная с 1970-х годов вектор иммиграционной политики Канады был обусловлен ее ориентированностью на социо-демографическое и экономическое развитие, а также учитывал ситуацию на рынке труда, в результате чего в Канаду прибывали не только китайцы, нуждающиеся в работе, но и более состоятельные представители среднего и высшего классов.

Нельзя оставить без внимания и гендерное распределение носителей китайского языка в Канаде. Особенности иммиграционной политики способствовали тому, что до 1980-х годов в стране практически отсутствовали представители женского пола. Например, в 1902 году в Ванкувере из более чем двух тысяч китайцев было лишь 27 женщин. После 1981 года ситуация стала более сбалансированной, тем не менее китайцы-мужчины занимали более прочное место в общественной жизни страны. На сегодняшний день все представители китайской нации имеют одинаковый доступ к образованию и участию в различных сферах жизни, тем не менее многие исследователи отмечают, что даже наличие университетской степени и качественного образования не гарантирует продвижения в карьере без высокого уровня владения английским или французским языком [Thompson, 1989].

Возвращаясь к вопросу о статусе и соотношении ролей английского / французского и китайского языков, мы снова опираемся на данные, полученные в ходе переписи населения в Канаде: 67 % китайцев дома общаются на своем родном языке. Поздние мигранты желают сохранить уровень владения родным языком и в качестве культурного

наследия, и с учетом возрастающей роли Китая на мировом экономическом рынке. Своеобразная «поддержка» китайского языка проявляется в различных сферах общественной жизни: в мегаполисах стремительно увеличивается количество СМИ, выходящих на китайском языке, а в Британской Колумбии, где в настоящее время локализовано наибольшее число китайских мигрантов, существует много школ, в которых образовательный процесс ведется на китайском языке. Бесспорно, дети китайских мигрантов, рожденные в Канаде, используют преимущественно английский язык, но они стремятся поддерживать владение китайским языком на высоком уровне как дань уважения семейным традициям.

В рамках настоящего исследования была поставлена задача изучить речь китайских носителей канадского варианта английского языка с точки зрения локализации словесного ударения. В предыдущих работах подробно изучались ритмические тенденции в речи канадцев, которых удалось разделить на три экспериментальные группы: 1) англофоны, для которых английский является родным языком; 2) франкофоны-билингвы, которые лучше владеют французским, чем английским; 3) аллофоны, представленные мигрантами, для которых английский является иностранным языком [Поздеева, 2017; Pozdeeva, Shevchenko, Abyzov, 2019]. На наш взгляд, наименее изученной оказалась последняя группа информантов, поэтому представляется необходимым более подробно рассмотреть тенденции, характерные для представителей этой группы. В частности, была предпринята попытка выявить тенденции постановки словесного ударения в речи китайских носителей канадского английского.

МЕТОДОЛОГИЯ

Настоящим исследованием мы продолжаем работу по изучению локализации словесного ударения в речи жителей Канады. Результаты экспресс-опроса показали, что в речи англофонов наиболее ярко выражены тенденции к постановке третичного ударения в многосложных словах, франкофоны-билингвы ориентируются в основном на британские нормы акцентуации, в то время как речь аллофонов демонстрирует американские нормы постановки ударения [Поздеева, 2017]. Эти данные симптоматически отражают расслоение внутри канадского населения. С одной стороны, в речи представителей англофонного населения часто проявляются типично канадские черты, что может быть связано с их подсознательным желанием не следовать ни британским, ни американским произносительным стандартам, таким

образом самоидентифицируясь в англофонном мире. С другой стороны, франкофоны-билингвы ориентируются на британские произносительные стандарты, которые были привиты им в школе. И, наконец, значительная часть населения представлена иммигрантами, которые подвержены американскому влиянию в силу широкого распространения американского английского в мировой развлекательной индустрии (фильмы и музыка).

Для проведения эксперимента мы отобрали восемь интервью (неподготовленная речь) с китайскими жителями Канады, носителями двух диалектов китайского языка (кантонский и мандаринский). Все участники интервью – мужчины достаточно преклонного возраста (1920–1925 годов рождения), на момент записи интервью (2011–2012) всем участникам было порядка 90 лет. Большинство информантов рассказывали о переезде в Канаду, о своих предках, об опыте участия в военных действиях 1939–1945 годов. Общая продолжительность исследуемой звучащей речи – 109 минут. Все интервью входят в сборник «Chinese Canadians», находящийся в открытом доступе медиатеки университета Британской Колумбии (University of British Columbia Open Library).

В первую очередь для проведения эксперимента мы обратились к списку слов (ок. 1400), отражающих британо-американские различия в постановке словесного ударения [Бурая, 2010]. К сожалению, в силу низкой частотности употребления, слов из этого списка в речи информантов обнаружено не было. Такой результат можно объяснить, во-первых, тем, что для информантов английский язык не является родным: хоть они и прожили большую часть своей жизни в англоговорящей стране, никто из них не имеет высшего образования, и большинство работало в сфере услуг, что говорит об ограниченности словарного запаса. Во-вторых, необходимо принимать во внимание специфическую тематику беседы (воспоминания из молодости), и, в-третьих, преклонный возраст информантов.

На следующем этапе исследования мы отсементировали трехсложные слова для проведения аудиторского анализа. Выбор именно трехсложных слов объясняется тем, что ранее наиболее очевидные различия в тенденциях локализации ударения были выявлены именно в этом сегменте; в речи англофонов проявилась ритмическая тенденция, которая локализует главное ударение на первом слоге и ритмическое – на последнем.

Общеизвестно, что лексический состав английского языка представлен в большей степени одно- и двусложными словами. В отобранных нами интервью трехсложные слова составляют 2,5 % от общего числа слов в речи (289 из 11657). Кроме

Таблица 1

РАЗЛИЧИЯ В АКЦЕНТУАЦИИ СЛОВ
CHINESE CANADIAN vs. STANDARD CANADIAN

Слово	Акцентная модель	
	Chinese Canadian	Standard Canadian
Vancouver	'_--	'_--
September	'_--	'_--
grandfather	'_--	'_--
Canada	'_--	'_--
Japanese	'_--	'_--
submarine	'_--	'_--
understand	'_--	'_--
technician	'_--	'_--
personnel	'_--	'_--
legalized	'_--	'_--
Chinatown	'_--	'_--
volunteer	'_--	'_--
complement (n)	'_--	'_--
Cantonese	'_--	'_--

того, трехсложные слова составляют самую объемную группу многосложных слов, поэтому тенденции, обнаруженные внутри нее, могут аналогично работать и для четырех- и пятисложных слов.

По итогам аудиторского анализа было установлено, что для всех трехсложных слов, встречающихся в речи восьми информантов, актуальными являются семь акцентных моделей: 1) главное ударение локализовано на первом слоге, ритмическое – на втором; 2) главное ударение локализовано на первом слоге, ритмическое – на третьем; 3) главное ударение локализовано на втором слоге; 4) главное ударение локализовано на третьем слоге, ритмическое – на первом; 5) главное ударение локализовано на втором слоге, ритмическое – на первом; 6) главное ударение локализовано на первом слоге, ритмические – на втором и третьем (см. рис. 1).

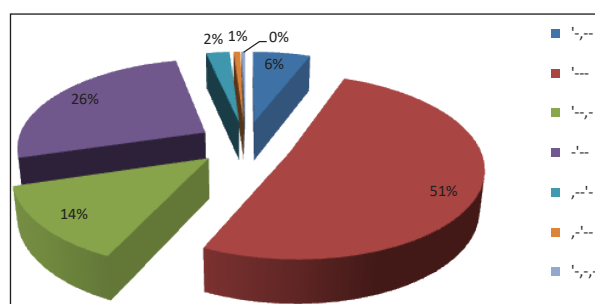

Рис. 1. Распределение трехсложных акцентных моделей

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ

Как следует из приведенной выше диаграммы, наиболее частотными в исследуемой речи являются акцентные модели с главным ударением на первом слоге, а также с ритмическими посттоническими ударениями. В меньшем количестве слов встречаются модели с главным ударением на втором слоге, а также с ритмическим предтоническим ударением на первом слоге. Самый редкий случай – употребление слова 'Can₁to₂nese, где модель с двумя ритмическими ударениями проявилась преимущественно из-за желания говорящего выделить все слово за счет отчетливого произнесения каждого слога.

В целом, данная ситуация с распределением акцентных моделей отражает, главным образом, общеанглийскую рецессивную тенденцию, при которой основное ударение тяготеет к началу слова [Vassilyev, 1970]. Помимо этого, нам удалось выявить слова, в которых акцентные модели не совпадают с традиционными канадскими (табл. 1).

Исходя из данных таблицы мы можем выявить несколько тенденций, характерных для китайских носителей канадского варианта английского языка. Практически все слова, отраженные в таблице 1, неоднократно встречались в речи разных информантов с указанными акцентными моделями, поэтому речь идет не об однократном употреблении конкретной акцентной модели, которое может быть обусловлено контекстом или положением внутри синтагмы, а, скорее, объективных векторах развития Chinese Canadian English.

Общим для всех отобранных выше слов является тяготение главного ударения к началу слова, а также наличие ритмического ударения. В двух случаях, когда главное ударение локализовано на другом слоге, происходит следующее: в слове *technician* появляется предтоническое ритмическое ударение, главное в обоих вариантах локализовано на втором слоге, а в слове *complement (n)* происходит зеркальная замена ударений: на месте главного

ударения в китайском варианте появляется ритмическое, в то время как главное сдвигается на последний слог.

Подобного рода замена происходит в словах *Vancouver, September*: на месте главного ударения на втором слоге локализуется ритмическое, а главное занимает начальную позицию в слове. Полная зеркальная замена ударений наблюдается в словах *Japanese, understand, personnel, volunteer*, где главное ударение расположено на первом слоге, а ритмическое посттоническое – на последнем. Ранее такая модель рассматривалась как характерная скорее для канадского варианта, нежели для британского и американского. Поэтому возможно, что в данном случае мы сталкиваемся как раз с локализацией главного и ритмического ударений. Она реализуется по принципу аналогии с общеканадскими тенденциями. Такая же модель наблюдается и в словах *Canada, legalized, Chinatown*, с той лишь разницей, что в канадском английском эти слова имеют лишь главное ударение, в китайском же варианте они получают посттоническое ритмическое ударение на последнем слоге. В слове *grandfather* ритмическое ударение локализуется на втором слоге – очевидно, причиной здесь служит морфологический состав слова. И единственный случай, где в китайском варианте ритмическое ударение отсутствует – это *submarine* с главным ударением на первом слоге.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то, что большинство трехсложных слов, отсегментированных для проведения эксперимента, представлены с акцентными структурами, в которых отсутствует ритмическое ударение,

в речи информантов неоднократно встречаются также ритмические акцентные структуры. Однако с типологической точки зрения английский и китайский языки попадают в разные группы – тактосчитающий и слогосчитающий соответственно, поэтому китайскому языку свойственна большая изохронность, т. е. все слоги или морфемы обладают примерно одинаковой длительностью вне зависимости от степени выделенности [Сокорева, Шевченко, 2022; Шевченко, Сокорева, 2021]. Английскому же свойственна схожая длительность акцентных групп, поэтому обнаруженная у китайских носителей канадского языка ритмическая тенденция говорит о том, что их речь, а именно ее ритмический аспект, ассимилируется и подстраивается под стандартный канадский вариант английского языка. Полученные данные не соответствуют результатам экспресс-опроса, где для группы информантов-аллофонов была обозначена ориентированность на американские произносительные нормы. Такой результат можно объяснить тем, что информанты, чья речь была отобрана для исследования, большую часть жизни провели в Канаде, и, соответственно, по мере освоения языка ориентировались на речь, которая их окружала, что в очередной раз подтверждает наличие специфической канадской ритмической тенденции в локализации словесного ударения.

В качестве перспективы настоящего исследования авторы рассматривают возможность проведения акустического анализа речи китайских носителей английского языка с целью установления акустических ключей, за счет которых происходит выделение ударных слогов. Кроме того, интерес представляет изучение речи более молодого поколения китайцев, которые родились в Канаде и изначально были окружены двумя языками – английским и китайским.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Поздеева Д. Т. Канадская идентичность в словесном ударении // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. Вып. 3 (771). С. 67–79.
2. Pozdeeva D., Shevchenko T., Abyzov A. New Perspectives on Canadian English Digital Identity Based on Word Stress Patterns in Lexicon and Spoken Corpus // SPECOM 2019, LNAI 11658 / Ed. by A. A. Salah et al. Springer Nature Switzerland AG 2019. 2019. P. 401–413.
3. Chan B. Gold mountain: The Chinese in the new world. Vancouver: New Star Books, 1982.
4. Li P. S. The Chinese in Canada. Toronto: Oxford University Press, 1998.
5. Thompson R. H. Toronto's Chinatown. New York: AMS Press, 1989.
6. Бурая Е. А. Акцентуация в британском и американском вариантах английского языка: конвергенция или дивергенция? // Фонетика и фонология дискурса. Вестник Московского государственного лингвистического университета. Языкознание. 2010. Вып. 1 (508). С. 23–41.
7. Vassilyev V. A. English Phonetics. A Theoretical Course. Moscow: Higher School Publishing House, 1970.

8. Сокорева Т. В., Шевченко Т. И. Фонетические параметры когнитивной обработки текстовой информации: чтение вслух на китайском, английском и русском языках // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1 (856). С. 113–118.
9. Шевченко Т. И., Сокорева Т. В. Просодический аспект трингвизма у русских и китайских обучающихся (на материале чтения) // Фонетическая рапсодия 2021: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Г. М. Вишневской. Иваново: Ивановский государственный университет, 2021. С. 228–232.

REFERENCES

1. Pozdeeva, D. T. (2017). Canadian identity in word stress. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(771), 67–79. (In Russ.)
2. Pozdeeva, D., Shevchenko, T., Abyzov, A. (2019). New Perspectives on Canadian English Digital Identity Based on Word Stress Patterns in Lexicon and Spoken Corpus. In Salah, A. A. et al. (Eds.), SPECOM 2019, LNAI 11658 (pp. 401–413). Springer Nature Switzerland AG.
3. Chan, B. (1982). Gold mountain: The Chinese in the new world. Vancouver: New Star Books.
4. Li, P. S. (1998). The Chinese in Canada. Toronto: Oxford University Press.
5. Thompson, R. H. (1989). Toronto's Chinatown. New York: AMS Press.
6. Buraya, E. A. (2010). Accentuation in British and American English: convergence or divergence? Vestnik of Moscow State Linguistic University. Linguistics, 1(580), 23–41. (In Russ.)
7. Vassilyev, V. A. (1970). English Phonetics. A Theoretical Course. Moscow: Higher School Publishing House.
8. Sokoreva, T. V., Shevchenko, T. I. (2022). Phonetic parameters of cognitive processing of text information: reading in Chinese, English and Russian. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(856), 113–118. (In Russ.)
9. Shevchenko, T. I., Sokoreva, T. V. (2021). Prosodic aspect of trilingualism in Chinese and Russian speakers (based on reading). In Vishnevskaya, G. M. (Ed.), Foneticheskaya rapsodia 2021 (pp. 228–232): Interuniversity collection of scientific papers. Ivanovo: Ivanovo State University. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Артюхова Дарья Тимуровна

кандидат филологических наук

доцент кафедры фонетики английского языка факультета английского языка

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Artyukhova Daria Timurovna

PhD (Philology)

Associate Professor at the Department of English Phonetics

Faculty of English, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

27.11.2024
18.12.2024
09.01.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Восприятие неносителями английского языка звучания региональных произносительных вариантов Англии

М. В. Безбородова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
mvp87@rambler.ru*

Аннотация. Последние лингвистические исследования социально-региональной вариативности английского языка указывают на то, что в Великобритании акцентизм до сих пор не является пережитком прошлого, а исторически сложившаяся акцентная иерархия не изменилась. Цель настоящего исследования – выявить отношение иностранцев – русскоговорящих студентов лингвистического вуза, изучающих английский язык, к звучанию провинциальных и стигматизированных произносительных вариантов английского языка. В ходе работы применялись методы аудиторского и сравнительно-сопоставительного анализа. В результате было установлено, что акцентный фактор не влечет за собой негативного отношения студентов-иностранцев к исконным носителям английского языка.

Ключевые слова: акцентная дискриминация, предрассудки, стандартный акцент, региональный акцент, стигматизированный произносительные черты, акцентная вариативность, британский вариант английского языка

Для цитирования: Безбородова М. В. Восприятие неносителями английского языка звучания региональных произносительных вариантов Англии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1 (895). С. 31–37.

Original article

Exploring Non-Native Speakers' Evaluations of Regional Accents in England

Maria V. Bezborodova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
mvp87@rambler.ru*

Abstract. The latest studies of socio-regional English language variation identify the prevalence of accent bias in the UK. British people tend to downgrade regional and working-class accents and upgrade the standard accent Received Pronunciation historically perceived as more prestigious. The present study intends to identify the perceptions of EFL students from Russia regarding different accents of British English.

Keywords: accent discrimination, prejudice, standard accent, regional accent, stigmatized pronunciation features, accent variation, British English

For citation: Bezborodova, M. V. (2025). Exploring non-native speakers' evaluations of regional accents in England. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(895), 31–37. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Язык как средство общения играет заметную роль в формировании расовых и социоэкономических особенностей, в то время как акцент является ключевым фактором в определении социальной принадлежности говорящего. Актуальность данного исследования определяется тем, что акцентизм, порождающий проявление бесконечных расовых, гендерных и сексистских предрассудков, распространен в Великобритании. Некоторые произносительные особенности порой необъяснимо становятся социально непопулярными. Страдают и сами носители провинциальных акцентов (чаще всего это выходцы из рабочих районов и уроженцы провинций). Они испытывают трудности при поступлении в элитные образовательные учреждения, часто бывают признанными виновными в суде, лишаются возможности карьерного роста и получения высоких должностных постов. Известно, что наличие любого акцента у говорящего в большинстве случаев вызывает насмешки у окружающих.

Британские власти долгое время игнорировали несущественную, на первый, взгляд проблему негативной роли региональных произносительных черт в жизни обитателей провинций, стремящихся двигаться вверх по социальной и карьерной лестнице. В настоящее время прослеживается четкая, исторически сложившаяся иерархия в вопросе акцентной дискриминации, которая, по мнению социологов, набирает всё больший оборот, однако до сих пор остается малоизученной. В частности, существует отрицательная коннотация в отношении акцентов крупных промышленных центров, населенных преимущественно представителями рабочего класса – Бирмингема, Глазго и Ливерпуля [Donnelly, 2019]. Целью исследования является проверка предположения о том, что наличие нестандартного акцента у носителей английского языка не вызывает негативных коннотаций и предубеждений у иностранцев – неносителей английского языка (методы аудиторского и сравнительно-сопоставительного анализа).

ПРИЧИНЫ АКЦЕНТНОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ

Самым привлекательным акцентом всегда считался акцент Received Pronunciation (RP), ассоциирующийся с аристократией и высшим классом. Согласно общепринятому мнению, преподаватели должны придерживаться «стандартного» произношения, однако вследствие формального отсутствия точной формулировки термина «стандартный», предполагается владение абсолютно безакцентным произношением. Несмотря на такие

компоненты современности, как демократизация и политкорректность, многие британцы проходят курсы по улучшению произношения. Таким образом, они хотят избавиться от стигматизированного регионального, особенно нестандартного акцента и заменить его на тот, который воспринимается обществом как правильный [Lippi-Green, 2012]. Данная тенденция социально обусловлена устойчивыми негативными ассоциациями, которые вызывает акцент у большинства англичан. Замечено, что дети начинают осознавать произносительные различия у говорящих начиная с возраста пяти месяцев, отдавая предпочтение знакомому акценту, а с трех лет уже могут частично классифицировать говорящих по их региональным акцентным чертам. Подобный процесс категоризации закладывает основы социальных предрассудков. Акцент уже не только связывают с регионом распространения, но и с рядом стереотипов. Например, исходя лишь из звучания речи каждому носителю регионального варианта приписывают такие отрицательные черты характера как лень, слабость, неприветливость. Однако подобное мнение безосновательно. В рамках лингвистики ни один диалект не лучше и не хуже другого. Предвзятость в отношении языковых акцентов – есть проявление классизма [Fuentes, Gottdiener, 2012].

В 2019 году учеными Великобритании было проведено объемное исследование влияния акцента на финансовое благосостояние и карьерный рост англичан. Особое внимание уделялось исследованию роли и влияния произношения на профессиональную деятельность преподавателей – носителей ярко выраженных акцентов семи различных регионов – Северной Англии, Южной Англии, Мидлендса, Северной Ирландии, Юго-Восточной Англии, Республики Ирландии, Шотландии. Участникам эксперимента (самим преподавателям и их работодателям) требовалось заполнить анкету с вопросами о связи акцента с социально-классовой принадлежностью его носителя. В целом, согласно опросам, преподаватели с сильно выраженным региональным акцентом испытывали давление со стороны окружающих, чувствовали осуждение своей социально-классовой принадлежности и происхождения, а ученики зачастую испытывали трудности в общении с ними. Согласно полученным результатам исследования ученые пришли к выводу, что преподаватели – носители северных акцентов были вынуждены использовать юго-восточный акцент, тем самым, по их мнению, «предавая» свой родной произносительный вариант.

Работодатели, в свою очередь, отметили следующие стигматизированные черты, характеризующие акцент как «нестандартный»:

1. Гортанная смычка. Известно, что данная произносительная черта считается маркером невежества и необразованности, так как ассоциируется с акцентом жителей промышленных районов Лондона кокни (Cockney). Участница эксперимента из Лондона отметила, что ей приходится следить за четким произнесением интервокального согласного [t] (не заменяя гортанной смычкой), так как по мнению работодателя гортанная смычка звучит непрофессионально. Однако сама преподавательница считает, что использование данной произносительной черты делает речь более живой, подчеркивая ее идентичность как уроженки промышленного района Кройдон (юг Лондона), а требование работодателя заставляет ее чувствовать себя недостойной своей работы.

2. Выпадение фонем. Британцев с детства призывают, например, отчетливо реализовать звук /ŋ/ в конечном положении слов (например, *going* ['gəʊɪŋ]) с целью избежать ассоциаций со стигматизированным произношением и принадлежностью к рабочему классу.

3. Нехарактерная для английского языка произносительная черта. Использование носителями ливерпульского (Scouse) и некоторых шотландских акцентов глухого велярного фриктивного согласного звука, напоминающего испанский аспираторизованный гортанный /h/ (произносимый в испанском языке на месте согласной буквы j) – *back* [bæk] – [bæx].

4. Наличие звука звука /r/ в конечном положении – «эрность» (rhotic accent). Носители других акцентов с той или иной степенью основательности как правило приписывают данную речевую особенность жителям сельской местности. Следует отметить, что у самих носителей «эрных» акцентов, в частности бристольского и ланкаширского, данная произносительная особенность ассоциируется с прямолинейностью и трудолюбием.

В 2022 году Британской Академией был запущен еще один глобальный проект *Speaking Up* с привлечением профессоров ведущих университетов Англии. Он был направлен на изучение проявлений дискриминации в отношении акцентов Северной Англии и их носителей. Один из руководителей проекта из Университета Нортумбрии (север Англии) считает, что сословно-лингвистические предрассудки в отношении акцентов несправедливы и абсурдны, так же как и в отношении гендерной принадлежности и сексуальной ориентации, причем зачастую они носят подсознательный характер. Особое внимание при реализации проекта было уделено изучению принципов (очевидных и подсознательных) классификации британцами южных и северных акцентов Англии.

Наличие черт провинциального северного акцента у говорящего маргинализирует и стигматизирует его носителя, создавая образ необразованного, неинтеллигентного и нецелеустремленного представителя низшего класса. По мнению ученых, неприязни по отношению к людям с отличным от них акцентом, так же, как и к людям с избыточной массой тела или другой сексуальной ориентацией, возникать не должно¹.

В рамках данного проекта исследователи Лондонского университета королевы Марии отмечали, что носители ряда акцентов жалуются на критику и насмешки в свой адрес, причем за последние 50 лет ситуация практически не изменилась. По данным опроса молодежь из промышленных регионов северной Англии и Мидленда до сих пор полагает, что их акцент может стать причиной отказа в предоставлении рабочего места в пользу соискателей родом из южной Англии. Восемнадцатилетний бирмингемец в интервью признался, что не хочет менять свой акцент, но понимает, что будет вынужден это сделать, так как собирается в дальнейшем поступать в университет в другом регионе Великобритании и не намерен находиться в постоянном ожидании насмешек в свой адрес.

Согласно итоговым результатам проекта, 25 % опрошенных британцев подвергались критике и насмешкам из-за своего акцента на работе, 47 % студентов и 46 % взрослых сталкивались с пренебрежением в отношении своего акцента в ситуациях повседневного общения, 44 % старшеклассников с Севера Англии жаловались на то, что окружающие подчеркивали наличие их акцента, в то время как с похожей проблемой сталкивались лишь 30 % шотландцев и 24 % носителей нестандартных акцентов Южной Англии.

Интересно, что аналогичные данные были получены ранее в результате опроса населения Великобритании в 1969 году.

Лингвисты из Университета Королевы Марии сделали выводы, что акцентная иерархия все еще сохраняется в британском обществе, и необходимо на законодательном уровне исключить лингвистический критерий из причин отказа соискателю в должности. Было отмечено, что даже речь членов палаты общин также нередко подвергается критике за наличие в ней большого количества региональных черт. По мнению ученых, британским политикам следует узаконить право на использование любого акцента, поскольку моральное ущемление носителей акцентов, принятое в обществе, аналогично гендерной, расовой и религиозной дискриминации².

¹URL: <https://www.northumbria.ac.uk/about-us/news-events/news/new-research-reveals-prejudice-against-people-with-northern-english-accent/>

²URL: <https://www.northumbria.ac.uk/about-us/news-events/news/>

РЕЙТИНГ АКЦЕНТОВ

Безусловно, дискриминация в отношении акцентов северных регионов Англии является одной из самых распространенных тем для дискуссий, однако лингвисты не ограничивают исследование проявления акцентизма исключительно выводом, что «южный – хорошо, северный – плохо».

Помимо северных акцентов самыми стигматизированными произносительными британскими вариантами английского языка считаются акценты юго-востока Англии, такие как диалект лондонского Ист-Энда кокни (Cockney), эстуарный английский (Estuary English – EE), распространенный в Эссексе, Северном Кенте и Лондоне, и лондонский мультикультурный английский (Multicultural London English – MLE).

Заслуживают внимания опубликованные в 2019 году результаты лингвистического исследования отношения британцев к носителям пяти акцентов Англии (RP, EE, MLE, стандартный североанглийский акцент (General Northern English – GNE) и провинциальный акцент жителей города Лидс). Речь носителей RP и GNE заняла первое и второе место в рейтинге позитивно воспринимаемых акцентов, а нестандартные южноанглийские акценты MLE и EE получили самую низкую оценку. Нестандартный североанглийский акцент жителей города Лидс занял третье место. Если бы кандидатуры информантов рассматривались при приеме на работу, то, по мнению респондентов, носители RP получили бы вакансию в первую очередь, а носители EE и MLE и вовсе не были бы приняты. Подобное восприятие связано с негативным восприятием, в первую очередь, таких кокнифицированных произносительных черт, заимствованных из акцента Cockney, как, например, продвижение вперед гласного /u:/, вокализация /ʌ/, замена межзубных согласных /θ/ и /ð/ на /f/ и /v/, соответственно¹.

Большинство исследований явления акцентизма в Великобритании проводились на основании данных опросов самих жителей Британских островов. В данной статье представляется интересным изучить наличие или отсутствие субъективности при оценке восприятия акцентов на слух у иностранцев, изучающих английский язык. Имеет смысл также исследовать, существуют ли у неносителей английского языка такие же предубеждения, как и у его носителей, или же предрассудки носителей являются лишь исторически обусловленными.

new-research-reveals-prejudice-against-people-with-northern-english-accent/https://www.theguardian.com/uk-news/2022/jun/12/accents-discrimination-is-alive-and-kicking-in-britain-study-suggests/
¹URL: https://www.theguardian.com/inequality/2022/nov/03/bias-against-working-class-and-regional-accent-has-not-gone-away-report-finds/

Акцентные черты и их восприятие другими носителями языка в социолингвистике уже давно не разделены некоей непререкаемой чертой. Поэтому предвзятости и стереотипы, связанные с акцентом, уже не подвергаются сомнению. Например, во время телефонного звонка мы, не имея визуальной картинки, подсознательно создаем образ человека основываясь на его акценте, тембре голоса и употребляемой лексике. Акцентная вариативность – очень существенный принцип развития языковой системы, так как люди придают очень большое внимание речи человека – сложившиеся лингвистические стереотипы неразрывно связаны с социальными².

Интересным представляется исследование отношения иностранцев к звучанию различных акцентов английского языка. Существует мнение, что неносители языка с меньшей долей вероятности ассоциируют провинциальные английские акценты с принадлежностью к маргинальным слоям населения. Зарубежные лингвисты предположили, а также экспериментально доказали, что разные варианты английского языка вызывают у иностранцев, изучающих английский язык, определенные ассоциации, которые, однако, отличаются от сформированных в британском обществе стереотипов. В 2014 году учеными из Мадридского университета было проведено исследование отношения испанских студентов к четырем акцентам английского языка: RP, EE, Cockney и шотландский акцент (Standard Scottish accent (SSA)). Анализ результатов показал, что акцент RP получил самую высокую оценку, однако звучание акцентов EE и Cockney также вызвали только положительные ассоциации. SSA занял самое низкое место в рейтинге рассматриваемых акцентов, что, по мнению лингвистов, связано только с затруднением в понимании его на слух [Tevan, 2014].

В 2020 году датскими учеными был проведен перцептивный эксперимент с участием 21 аудитора. Эксперимент проводился с целью оценки пяти акцентов: RP, американского стандарта (GA), южноамериканского варианта (SUS – Southern American), австралийского стандарта и датского акцента английского языка. Согласно полученным данным, все участники распознали правильно только акцент RP и дали оценку ему как престижному и статусному. Акцент GA был назван самым стандартным и «безакцентным». Такой результат эксперимента объясняется лишь тем, что данный вариант наиболее распространен в датских средствах массовой информации. Остальные акценты были не распознаны, а датский акцент английского языка и вовсе

²URL: https://theconversation.com/accents-is-alive-and-well-and-it-doesnt-only-affect-the-north-of-england-148825/

получил самый низкий рейтинг [Cruttenden, 2008; Porsgaard, 2020].

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ФОНЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

В данной статье рассматривается восприятие русскоговорящими студентами восьми произносительных вариантов английского языка. Заметим, что в российских вузах на практических занятиях по английскому языку принято использовать акцент RP, а знакомство с произносительными особенностями региональных акцентов проходит в основном лишь в рамках лекций и семинаров, посвященных акцентной вариативности. Можно предположить, что их восприятие и ассоциации отличаются от тех, которые обычно возникают у самих носителей британского варианта английского языка вследствие уже имеющихся предубеждений. Они, в свою очередь, обусловлены географическими, историческими и социокультурными факторами.

В ходе настоящего исследования участниками эксперимента (аудиторами) стали 3 студента магистратуры факультета английского языка МГЛУ в возрасте 22 лет с продвинутым уровнем знаний, продолжительное время изучающих язык и знакомых с англо-саксонской культурой. Корпус аудиторского исследования составили фрагменты аудиозаписей речи женщин-носителей наиболее распространенных британских акцентов: по два аудиофрагмента акцентов RP, EE, Yorkshire, Mancunian (Манчестерский акцент), Scouse, Brummie (акцент Бирмингема), Cornish (Корнуэльский акцент) соответственно; и три аудиофрагмента диалекта Cockney. Выбор для проведения эксперимента женской речи объясняется тем, что женщинам свойственно максимально нивелировать проявление стигматизированных черт в своей речи. Звучащий материал был заимствован из аудиохостинга IDEA (The International Dialects of English Archive). Длительность каждого аудиофрагмента составила одну минуту, общее время звучания – 17 минут. Каждый аудиофрагмент был прослушан по 2 раза.

Следует отметить, что выбор акцентов для эксперимента не случаен. RP – немаркированный произносительный вариант, исторически считающийся стандартно-образцовым. EE – распространенный и доминирующий произносительный вариант юго-востока Англии, используемый молодыми образованными представителями среднего класса. Cockney – самый известный нестандартный и маркированный произносительный вариант Лондона. Акцент Yorkshire – пример провинциального и одного из самых распространенных акцентов северной Англии. Выбор акцентов Brummie, Mancunian,

Scouse и Cornish для исследования объясняется тем, что с ними у британцев связаны различные негативные ассоциации и предубеждения. Акцент Brummie британцы считают неприятным, некультурным, а говорящих на нем – необразованными людьми, которые связаны с преступностью и криминалом. Акценты Mancunian и ливерпульский акцент (Scouse) ассоциируются с представителями низшего сословия и безработицей. Корнуоллский акцент¹ (Cornish) считается стигматизированным провинциальным акцентом, носители которого (и сам акцент) ассоциируются у других британцев (которые зачастую не понимают речь полностью) с фермерством [Barbour, 2002; Михалёва, 2008; Безбородова, Медведова, 2020].

Во время прослушивания каждого аудиофрагмента участникам эксперимента следовало заполнять таблицу, состоящую из восьми столбцов, обозначающих один из акцентов: RP, EE, Yorkshire, Mancunian, Scouse, Brummie, Cornish и Cockney, и девяти строк, характеризующих говорящих по следующим критериям: уровень образования, уверенность в себе, уровень дохода, воспитанность, вежливость, скромность, дружелюбие, способность вызвать доверие, устойчивый социальный статус. Оценка восприятия характеристик говорящих проводилась по шкале от 1 до 5, где 1 – это нижний балл, а 5 – высший. Баллы 1 и 2 свидетельствуют о неприязни и агрессии в отношении носителя рассматриваемого акцента, 3 балла – о нейтральном отношении, баллы 4 и 5 – о положительном восприятии носителя рассматриваемого акцента. Итовыми баллами по каждой характеристике явились усредненные показатели, переведенные для удобства анализа в процентное соотношение (см. рис.1).

С целью интерпретации результатов эксперимента было принято разделить все анализируемые характеристики говорящих на две подгруппы: **Подгруппа 1** – статусность (уровень образования, уверенность в себе, уровень дохода и социальный статус) и **Подгруппа 2** – личностные качества (воспитанность, вежливость, скромность, дружелюбие, и способность вызвать доверие, помогающие расположить к себе собеседника).

Анализ результатов по заполнению характеристик **Подгруппы 1** показал, что носители акцента RP получили самые высокие баллы по таким критериям, как уровень образования, уровень дохода и социальный статус. Носители акцента EE были оценены аудиторами как самые уверенные в себе люди. Следующими по количеству набранных баллов по всем показателям стали носители акцента Yorkshire. Меньшее и одинаковое количество баллов

¹URL: <https://inews.co.uk/news/uk/cornish-accent-language-dialect-history-explained-425218>.

получили носители Mancunian, Scouse, Brummie и Cornish. Самые низкие оценки по всем показателям были проставлены носителям Cockney.

Результаты данных по **Подгруппе 2** показали, что акцент RP получил самые высокие баллы по таким характеристикам, как воспитанность, вежливость, дружелюбие и способность вызвать доверие, акцент Yorkshire получил второе место, EE – третье, Mancunian, Scouse, Brummie и Cornish – четвертое. Заметим, что, по мнению аудиторов носители Cornish способны вызвать большую степень доверия.

Самыми скромными, по мнению аудиторов, являются носители Brummie, самыми нескромными – носители EE, а носители акцентов RP, Yorkshire, Scouse и Cornish получили практически одинаковое количество баллов. Речь носителей Cockney получила наименьшее количество баллов по всем характеристикам.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Сопоставляя описанные выше результаты анализа региональных акцентов в английском языке, можно сделать вывод, что аудиторы оценили высоко именно речь с акцентом RP практически по всем анализируемым характеристикам. У аудиторов не возникало трудностей в восприятии речи носителей RP на слух.

Акцент EE получил меньше баллов, чем RP, предположительно по причине того, что его носители используют некоторые маркированные черты, такие как гортанная смычка и выпадение звуков. Однако эти особенности также не повлияли на восприятие контекста, поэтому в целом аудиторы восприняли речь носителей EE положительно, у аудиторов сформировался образ современных успешных людей.

Следующим по количеству набранных баллов после EE стал акцент Yorkshire. Вероятно, часть произносительных особенностей показалась аудиторам непривычной на слух, однако явных негативных эмоций не вызвала. Что касается нестандартных северно-английских акцентов Mancunian, Brummie, Scouse, Yorkshire и Cornish, можно констатировать отсутствие предубеждений со стороны аудиторов, так как баллы 1 и 2 не получил ни один из аудиофрагментов. Данные произносительные варианты, вызывающие негативный отклик у жителей Великобритании, были восприняты участниками эксперимента практически одинаково – речь была местами неразборчива, акценты были незнакомы. Примечательно, что речь носителей

акцента Cornish, вызывающая множество негативных коннотаций со стороны британцев, получила положительную оценку аудиторов-носителей английского языка. В целом во время прослушивания сложился образ скромных, уверенных в себе и воспитанных людей.

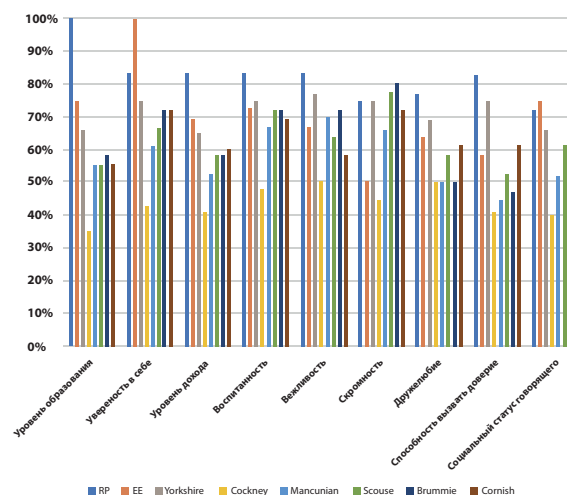

Рис. 1. Корреляция акцента и характеристики говорящего (согласно восприятию аудиторов)

Речь носителей Cockney получила самую низкую оценку аудиторов. Можно предположить, что вследствие наличия большого количества стигматизированных (нестандартных) черт речь показалась неразборчивой. Данный фактор вызвал дискомфорт при прослушивании.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показало, что наличие нестандартного акцента у носителей английского языка не вызывает никаких отрицательных эмоций у русскоязычных слушателей. Возникшие ассоциации и образ говорящих при прослушивании аудио фрагментов зависел преимущественно от того, была ли речь разборчива и понятна. С уверенностью можно утверждать, что самым «приятным» на слух акцентом оказался RP. Остальные произносительные варианты (за исключением кокни) получили примерно одинаковую положительно-нейтральную оценку.

Итак, отрицательное отношение к использованию нестандартных произносительных форм выражается исключительно представителями британского общества – носителями английского языка, так как их оценка носит подчеркнuto субъективный и социально обусловленный характер.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Donnelly M. et al. A Sociolinguistic Perspective on Accent and Social Mobility in the UK Teaching Profession // Sociological Research Online. 2019. Vol. 24. P. 496–513. URL: [https://www.research.manchester.ac.uk/portal/en/publications/a-sociolinguistic-perspective-on-accent-and-social-mobility-in-the-uk-teaching-profession\(a11821c6-90ee-499c-8678-9030135baf5a\).html](https://www.research.manchester.ac.uk/portal/en/publications/a-sociolinguistic-perspective-on-accent-and-social-mobility-in-the-uk-teaching-profession(a11821c6-90ee-499c-8678-9030135baf5a).html).
2. Lippi-Green R. English with an accent: Language, ideology, and discrimination in the United States. New York: Routledge, 2012.
3. Fuertes J., Gottdiener W. A meta-analysis of the effects of speakers' accents on interpersonal evaluations // European Journal of Social Psychology. 2012. Vol. 42. P. 120–133.
4. Tevar J. M. A native accent is always attractive: perception of British English varieties by EFL Spanish students // Lenguas Modernas. Universidad de Chile. 2014. № 43. P. 45–77.
5. Cruttenden A. Gimson's Pronunciation of English. 7th ed. London: Hodder Education, 2008.
6. Porsgaard M. Prestige and prejudice: a study of Dane's evaluations of selected accents of English // Leviathan: Interdisciplinary Journal in English. 2020. № 6. P. 84–115.
7. Barbour St. Accents, Dialects and Languages: National Differences in the Evaluation of Language Varieties // Sociolinguistics. 2002. № 14. P. 5–10.
8. Михалёва Е. И. Социокультурные особенности восприятия северных акцентов Англии // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2008. Вып. 2. С. 24–28.
9. Безбородова М. В., Медведева Т. В. Региональное и нормативное в речи современных британцев на материале северных акцентов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 1 (830). С. 24–40.

REFERENCES

1. Donnelly, M. et al. (2019). A Sociolinguistic Perspective on Accent and Social Mobility in the UK Teaching Profession. Sociological Research Online, 24, 496–513. [https://www.research.manchester.ac.uk/portal/en/publications/a-sociolinguistic-perspective-on-accent-and-social-mobility-in-the-uk-teaching-profession\(a11821c6-90ee-499c-8678-9030135baf5a\).html](https://www.research.manchester.ac.uk/portal/en/publications/a-sociolinguistic-perspective-on-accent-and-social-mobility-in-the-uk-teaching-profession(a11821c6-90ee-499c-8678-9030135baf5a).html). (In Russ.)
2. Lippi-Green, R. (2012). English with an accent: Language, ideology, and discrimination in the United States. New York: Routledge.
3. Fuertes, J., Gottdiener, W. (2012). A meta-analysis of the effects of speakers' accents on interpersonal evaluations. European Journal of Social Psychology, 42, 120–133.
4. Tevar, J. M. (2014). A native accent is always attractive: perception of British English varieties by EFL Spanish students. Lenguas Modernas. Universidad de Chile, 43, 45–77.
5. Cruttenden, A. (2008). Gimson's Pronunciation of English. 7th ed. London: Hodder Education.
6. Porsgaard, M. (2020). Prestige and prejudice: a study of Dane's evaluations of selected accents of English. Leviathan: Interdisciplinary Journal in English, 6, 84–115.
7. Barbour, St. (2002). Accents, Dialects and Languages: National Differences in the Evaluation of Language Varieties. Sociolinguistics, 14, 5–10.
8. Mikhaleva, E. I. (2008). Sotsiokulturnye osobennosti vospriyatiya severnykh aktsentov Anglii = Sociocultural peculiarities of perception of northern accents of England. MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education, 2, 24–28.
9. Bezborodova, M. V., Medvedeva, T. V. (2020). Regional and standard features in British English speech. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(830), 24–40. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Безбородова Мария Валерьевна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры фонетики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bezborodova Maria Valeryevna

PhD (Philology), Associate Professor
Associate Professor at the Department of English Phonetics
Faculty of English, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

30.11.2024
23.12.2024
09.01.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Еще раз о ротацизме

Е. А. Бурая

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
helen812@list.ru

Аннотация. Цель настоящего исследования – обобщить недостаточно систематизированные сведения о статусе ротацизма в многообразии вариантов английского языка на современном этапе. Дается диахронический и синхронический анализы этого социолингвистического явления. Актуальность работы состоит в необходимости выбора типа произношения с позиций категории «ротичности-неротичности» в образовательном процессе. В странах Внутреннего круга выбор использования поствокального [r] зависит от исторического развития английского языка, статуса, гендера, возраста говорящего. В странах Расширяющего круга – он зависит от источника, через который идет знакомство с английским языком, от государственной политики, от смешанных браков. Отмечается, что ротичность в Великобритании и в США развивается в противоположных направлениях.

Ключевые слова: ротацизм, ротический / неротический, эрный / безэрный, поствокальный [r], вокализация [r], варианты английского языка

Для цитирования: Бурая Е. А. Еще раз о ротацизме // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1 (895). С. 38–44.

Original article

Rhoticity Revisited

Elena A. Buraya

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
helen812@list.ru

Abstract. The purpose of the research is to outline the basic state-of-the-art information about the status of such a sociolinguistic variable as rhotacism in the diversity of Englishes. Both diachronic and synchronic analyses of the problem are provided. The topicality of the problem lies in the necessity of choosing the type of pronunciation in terms of “rhoticity-nonrhoticity” in teaching English. In the Inner-circle countries the degree of rhoticity depends on the history of the language development, on the speakers’ age, gender, socio-economic status. In the Outer circle countries it depends on the substrate language influence, the norm orientation of mass media and education, the government policy, on mixed marriages. It is important to note that rhoticity in Great Britain and in the United States develops in opposite directions.

Keywords: rhoticity, rhotic, nonrhotic, R-full, R-less, postvocalic r, r-vocalisation, varieties of English

For citation: Buraya, E. A. (2025). Rhoticity revisited. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(895), 38–44. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Целью исследования является обобщение описанных в научной литературе, но пока еще недостаточно систематизированных сведений о статусе ротацизма в многообразии вариантов английского языка на современном этапе. Рассматриваются такие вопросы, как становление и развитие процесса вокализации звука [r] в английском языке. Проводится описание распространения этого явления с позиций синхронии и диахронии. Представляется, что информация, приведенная в работе, сможет повысить осведомленность читателя в области межвариантных различий английского языка. Актуальность исследования состоит в необходимости выбора типа произношения с позиций категории «ротичности – неротичности» в образовательном процессе. Теоретическая значимость работы заключается в объяснении этапов развития ротицизма в странах Внутреннего и Внешнего кругов английского языка. Практическая ценность напрямую связана со стратегией преподавания практической фонетики английского языка на продвинутом этапе. Выводы могут быть использованы в лекционных курсах по теоретической фонетике английского языка для студентов, магистров и аспирантов в разделах по социалингвистике.

ПОНЯТИЕ РОТАЦИЗМА

Известно, что термин «ротацизм» отражает проявление звука [r]. По отношению к его дистрибуции все английские диалекты можно разделить на две группы: ротические, (rhotic), или эрные (r-full), и неротические (non-rhotic), или безэрные (r-less). Эти термины были предложены Дж. Уэллсом, когда он пытался описать одну из наиболее ярких черт, разделяющих (или объединяющих) все существующие варианты разговорного английского языка [Wells, 1982].

Достаточно посмотреть на орфографию многих слов и станет очевидным, что с исторической точки зрения все английские диалекты были ротическими и звук [r] произносился во всех позициях. Однако в конце среднеанглийского периода в процессе эволюции в некоторых районах Англии исторический [r] выпал в предконсонантной (*card*) и поствокальной (*car*) позициях и стал произноситься только в положении перед гласными, исключая остальные случаи, в которых появляется буква R. Поэтому варианты с ограниченной дистрибуцией фонемы [r] принято считать неротическими (безэчными).

В настоящее время к неротическим вариантам относятся RP, некоторые диалекты юго-восточной Англии, Уэльса, Австралии. Безэчную речь можно

услышать в Новой Зеландии, в Южной Африке, в некоторых районах США.

Общеамериканский, канадский, ирландский, шотландский варианты английского языка относят к ротическим вариантам. В этих диалектах звук [r] произносится во всех возможных позициях, в которых он употреблялся исторически.

Деление языков на ротические и неротические является неполным: Дж. Уэллс так же выделяет полуротические (semi-rhotic) и гиперротические (hyper-rhotic) варианты. В полуротических диалектах звук [r] сохраняется в одной позиции и выпадает в другой. На Ямайке и в Гайане, например, [r] сохраняется в поствокальной позиции (*car* [ka:r]), но выпадает в предконсонантной (*card* [ka:d]). В диалекте северного Йоркшира, наоборот, [r] сохраняется в предконсонантной, но исчезает в словоконечной позиции [Wells, 1982].

Особенностью гиперротической речи является добавочное употребление [r]. Носители этих вариантов, помимо реализации [r] во всех возможных позициях, также употребляют его в лексических единицах, оканчивающихся на [ə] (*idea* [ai'diə]). Эта же тенденция отмечается в словах, оканчивающихся на [əv], когда дифтонг редуцируется до [ə] (*swallow* ['swɒlə]). Гиперротическая речь характерна для некоторых районов Америки [там же].

РОТАЦИЗМ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Вокализация – длительный процесс. Первые свидетельства об исчезновении [r] в английском языке появились в начале XIV века, и процесс стал активно развиваться в XVII–XVIII веках, по крайней мере, в некоторых районах Англии. Полному исчезновению звука [r] мог предшествовать период ослабления его артикуляции, поэтому процесс вокализации на местах проходил по-разному и занял большой промежуток времени, более четырех веков. Эрные и безэрные варианты, очевидно, сосуществовали в одном районе на протяжении столетий.

Изначально процесс вокализации не был широко представлен на юге Англии, в Лондоне вокализация [r] получила распространение лишь в конце XVII века. По некоторым данным безэрное произношение было осуждаемой чертой речи даже в начале XIX века [Wells, 1982].

Лингвисты допускают, что многие говорящие могли быть безэчными или частично эрными в зависимости от своего социального положения или степени консерватизма: эрность сохраняла свою престижность вплоть до 1870-х годов [Gordon et al., 2004].

В настоящее время на территории Великобритании существуют районы, в которых исторически

преобладают ротические варианты, например, в Шотландии. Эрная и безэрная речь сосуществуют в некоторых городах Англии, например, в Бате, Рединге, Блэкберне.

Исследования ротичности в графстве Ланкашир на северо-западе Англии и в графстве Дорсет на юго-западе Англии показали, что уровень ротичности в этих исторически ротических районах падает. На тенденцию к деротизации, в частности, указывает акустический анализ звука [r], который становится слабее в поствокальной позиции. Ротичность сейчас является уходящей чертой, и лингвисты предсказывают, что она может исчезнуть через несколько поколений. Молодые люди все реже произносят поствокальный [r]. Пожилые жители бывших ротических районов склонны связывать ротичность с традициями прошлого, а неротичность – с современностью и мобильностью [Turton, Lennon, 2023].

Изменение в сторону неротичности происходит стремительно. Это становится очевидным при сравнении карты Англии (рис. 1), на которой отмечены территории с разной степенью ротичности в произношении слова *arm* в 1962 году (слева) и в 2018 году (справа). Как видно из представленных карт, за последние 60 лет ротичность в Англии практически исчезла.

Ротичность в Англии в настоящее время осуждается, воспринимается, как малообразованная деревенская речь и используется для создания комического эффекта [там же].

РОТАЦИЗМ В США

Принято считать, что американский, канадский и ирландский варианты английского языка являются, в основном, ротическими, потому что английский язык был перенесен на эти территории в XVIII веке или даже ранее, т. е. до тех лингвистических изменений в Англии, которые привели к потере эрности. Однако безэрная речь долгое время сохранялась в портовых городах южной и восточной Америки, таких как Нью-Йорк, Бостон, Александрия, Чарльстон, Саванна. Перечисленные города долгое время сохраняли тесные связи с Великобританией, в результате чего произношение представителей высшего класса в них с течением времени стало безэрным.

Неротическая речь оставалась в целом престижной в Америке вплоть до 1860-х годов, когда после Гражданской войны финансовые центры и центры политической власти сместились в ротические районы, которые имели меньше культурных связей с Великобританией. Наиболее решительный сдвиг в сторону ротичности последовал после Второй мировой войны. Уклон в ротичность теперь отражен в национальном стандарте, который ориентирован на произношение американцев Среднего Запада. После 1940-х годов произношение, транслируемое по национальному радио и телевидению, стало полностью ротическим. Таким образом, престиж неротичности изменился на противоположный [Fisher, 2001].

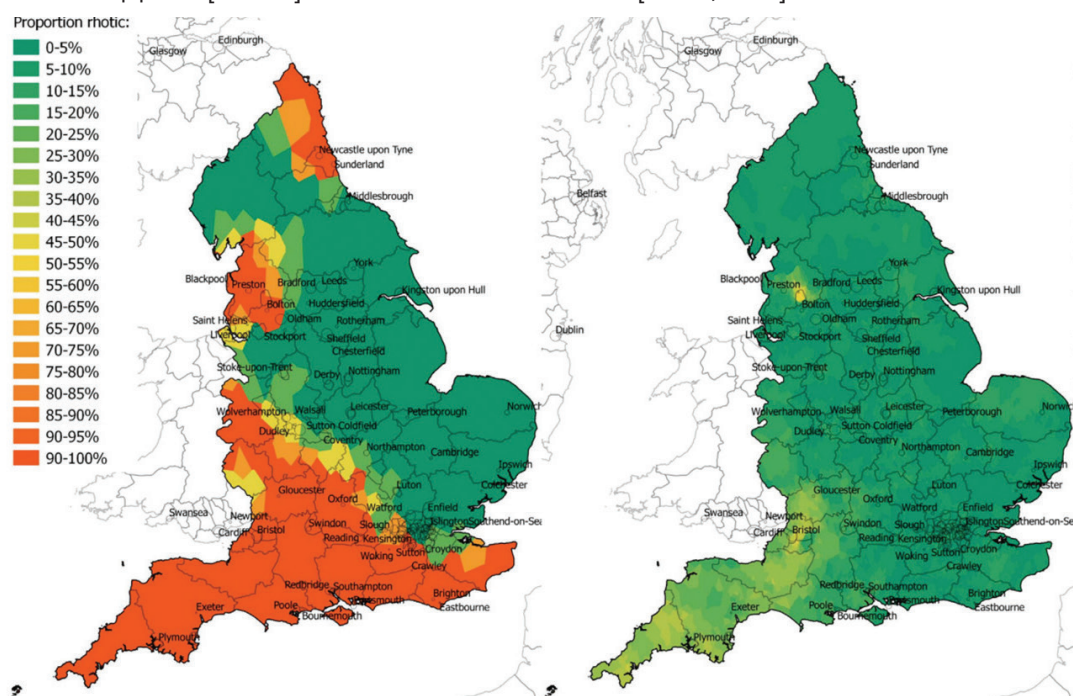

Рис. 1. Ротичность в слове *arm* на территории Англии
(взято из [Turton, Lennon, 2023])

В наше время заметными районами неротической речи остаются Новая Англия, Нью-Йорк, Бостон и регионы бывших южных плантаций. В южных штатах США вплоть до Второй мировой войны безэрность считалась престижной формой. Сейчас молодые белые южане, особенно женщины, предпочитают эрные формы. Афроамериканский просторечный английский, тем не менее, остается в значительной степени неротическим.

Предметом первого известного социофонетического анализа была ротичность в Нью-Йорке. Уже тогда, в 1966 году У. Лабов описал движение его жители к эрности как заметную речевую тенденцию [Labov, 2006]. Сейчас в Нью-Йорке престижно демонстрировать ротичность. Тенденция к ее более частотной реализации распространена среди молодежи и особенно женщин, принадлежащих к высоким слоям общества [Trudgill, Hannah, 2013].

Известно, что Бостон является центром коммерческой деятельности и университетской науки в США, поэтому было бы логично предположить, что представители более высоких социальных слоев будут стремиться употреблять наиболее престижные, эрные, варианты. Исследования произносительных тенденций в Бостоне показали, что за последнее время уровень эрности в Бостоне повышается, но этот процесс развивается намного медленнее, чем в Нью-Йорке. Большинство бостонцев остаются безэрными, однако женщины адаптируются к эрности быстрее, чем мужчины [Nagy, Irvin, 2010].

РОТАЦИЗМ В ЮЖНОМ ПОЛУШАРИИ

По общепринятому представлению английский язык был перенесен в страны Южного полушария – в Австралию, Новую Зеландию, Южную Африку – к началу XIX века. В этот период времени процесс вокализации в тех районах Великобритании, из которых, главным образом, уезжали в южные колонии, был в основном завершен. Считается, что переселенцы в Южное полушарие уже утратили поствокальный [r] в своей речи, что и является причиной безэрного статуса австралийского, новозеландского и южноафриканского вариантов английского языка [Trudgill, 1986]¹. Это объяснение казалось настолько очевидным, что никому не пришло в голову в нем сомневаться.

Хотя первые англоговорящие переселенцы начали прибывать в Новую Зеландию на стыке XVIII и XIX веков, широкомасштабная эмиграция из

Великобритании была заметна только около 1860-х годов. К тому времени, как принято считать, многие переселенцы уже стали безэрными.

Проанализировав архивные аудиозаписи новозеландцев первого и второго поколений, П. Традгилл и другие ученые с удивлением обнаружили, что уровень ротичности в речи первых переселенцев из Англии был достаточно высок. Поэтому авторы исследования полагают, что исчезновение поствокального [r] в Англии могло произойти позднее, чем это принято считать [Trudgill et al., 2000].

Новозеландцы, родившиеся ближе к концу XIX века, постепенно теряли эрность, и можно сказать, что к началу XX века эрность перестала быть чертой новозеландского варианта. Таким образом, новозеландский английский стал безэрным на стыке XIX и XX столетий (там же).

Дата рождения – не единственный параметр, влияющий на эрность в Новой Зеландии. Важное значение имеет район проживания. В наше время жители Северного острова в среднем только на 4 % эрные, в то время как жители Южного острова эрные на 12 %. Это, очевидно, связано с тем, что на Южном острове 61 % жителей – выходцы из Шотландии.

Было отмечено, что в Новой Зеландии эрность, в основном, проявляется в словах, связанных с сельским хозяйством и горной промышленностью: *turnip, tractor, miner, ore*.

Исследователи отметили гендерные, возрастные и фонологические особенности в распространении ротичности в Новой Зеландии. В речи как мужчин, так и женщин наблюдается более высокая ротичность в словах, типа *nurse*, т. е. после [з:], нежели в других фонологических контекстах, и эта тенденция увеличивается со временем. Однако различия в ротичности между контекстами *nurse / non nurse* наблюдаются в речи женщин старшего возраста и усиливаются в каждом поколении. Ротичность увеличивается в речи пожилых женщин постепенно. Мужчины старшего поколения всегда были в большей степени ротичны, чем женщины. Со временем последовала своего рода унификация: ротичность в сельской местности стала практически всеобщей. Мужчины, проживающие в сельской местности, более ротичны, чем городские жители [Villarreal et al., 2021].

П. Традгилл и Э. Гордон предположили, что, если речь в Новой Зеландии была ротической еще в конце XIX века, то в Австралии, которую англичане начали заселять на 40–50 лет раньше, наблюдалась та же лингвистическая ситуация. Они проанализировали архивные записи 12 человек: шести мужчин и шести женщин, родившихся в конце XIX века. Речь мужчин была описана авторами как остаточная

¹По приблизительной оценке английский язык в Австралии сформировался в период с 1800 по 1840 год, в Южной Африке с 1820 по 1860 год и в Новой Зеландии – с 1840 по 1880 год [Trudgill et al., 2000].

эрная, а речь женщин оказалась полностью безэрной. Очевидно, что данная гендерная диспропорция может говорить о развивавшейся деротизации, так как известно, что, женщины сознательно изменяют свое языковое поведение, следуя новым тенденциям [Trudgill, Gordon, 2006].

Примечательно, что поствокальный [r] в Австралии встречался, главным образом, в словах, типа *nurse, force u letter*, т. е. после звуков [z:], [ɔ:] и [ə], в отличие от новозеландского английского, в котором поствокальный [r] был замечен только после [z:]. Наиболее частотным словом, произносимым с поствокальным [r] в Австралии, является слово *horse* [там же].

Анализ архивных записей дает основание авторам предполагать, что австралийский, как и новозеландский вариант английского языка, изначально был ротическим и с течением времени ротичность убывала. Таким образом, ротичность, по мнению П. Труджилла и Э. Гордон, была перенесена в Австралию с переселенцами. (В то время они были ротичными.)

Подводя итог работе с архивными записями, авторы исследований определили, что ротичность была достаточно распространена в Англии еще в XIX веке. Очевидно, что процесс вокализации [r] проходил по-разному и занял больший промежуток времени, чем предполагалось ранее. Эрные и безэрные варианты, по всей вероятности, сосуществовали в одном районе на протяжении столетий. Впоследствии эрность одновременно стала исчезать в Англии, Австралии и Новой Зеландии, и к началу XX века эти варианты английского языка стали безэрными [там же].

Проблема ротичности в южно-африканском варианте английского языка исследована недостаточно. По некоторым наблюдениям, поствокальный [r] можно услышать в ЮАР в суффиксе *-er (writer)*. Очевидно, слабую ротичность можно считать отголоском того варианта английского языка, который был завезен с первыми колонистами. В таком случае незначительная ротичность южноафриканского английского является очередным подтверждением того, что вокализация [r] в Англии могла произойти в более поздний период. Не исключено так же, что объяснение остаточной ротичности можно найти во влиянии ротического языка африкаанс, который является родным для большей части белого и цветного населения ЮАР. В настоящее время поствокальный [r] все чаще проникает в речь молодого поколения, очевидно, под влиянием американских СМИ [Bowerman, 2004].

На материале речи черных представителей Д. Хартман и С. Зербиан определили, в какой степени гендер и социоэкономическая стратификация

общества влияют на эрность. Оказалось, что эрность в ЮАР – это исключительно женское явление. Речь женщин с высоким уровнем дохода преимущественно ротическая (90 % случаев), в то время как речь мужчин с невысоким уровнем дохода приближается к 0 % ротичности. Учитывая приверженность женщин к употреблению престижных форм, можно сказать, что в южноафриканском варианте английского языка наблюдается переход к новой языковой вариативности. Авторы так же предположили, что таким образом женщины черной расы пытаются обозначить свою этническую принадлежность [Hartmann, Zerbian, 2009].

РОТАЦИЗМ В СТРАНАХ ВНЕШНЕГО КРУГА

Среди стран Внешнего круга к ротическим принято относить такие варианты английского языка, как индийский, пакистанский, филиппинский, мальтийский. К неротическим относят английский в Гонконге, Сингапуре, Малайзии, Кении, Гане, Уганде, Танзании.

Отмечают несколько главных факторов, которые могут оказывать влияние на степень ротичности в постколониальных странах. Это, например, язык-субстрат, в котором могут быть или не быть аналогичные фонологические контексты; ориентированность школьного образования и СМИ на определенный вариант английского языка; источник, через который идет знакомство с английским языком, например, британский или американский стандарт; государственная политика; смешанные браки [Li, Kabak, 2017].

Английский язык в Индии считается ротическим, однако было замечено, что он постепенно переходит в разряд неротических. Только старшее поколение, жившее во времена до раздела колониальной Индии на Индию и Пакистан, демонстрирует ротичность под влиянием ротического языка-субстрата, среднее поколение использует неротический вариант, так как после раздела Индии в сфере образования произошла ориентация на RP. А молодые индийцы предпочитают быть ротичными дома и неротичными в формальных ситуациях [там же].

Диакроническое исследование английского языка на Мальте показало переход от стабильно ротического варианта к полностью неротическому и затем к возрастающему ротическому. Эти сдвиги являются отражением влияния нескольких социолингвистических ограничений – неприятия британского стандарта и ротического характера языка-субстрата [там же].

Предполагалось, что английский язык в Брунее должен быть безэрным, так как Сингапур и Малайзия, с которыми Бруней имеет тесные

экономические, исторические, этнические и культурные связи, были определены, как беззрны. При исследовании, однако, оказалось, что около 50 % англоговорящих в Брунее употребляют поствокальный [r]. Были выдвинуты две гипотезы, объясняющие полученные результаты. Первая из них заключается в том, что жители Брунея испытали на себе влияние ротического языка-субстрата. Вторая гипотеза состоит в том, что брунейский вариант английского языка сформировался позже малазийского и сингапурского, поэтому он подвержен внешнему влиянию. Его оказывают, в частности, американские СМИ [Sharbawi, Deterding, 2010].

Проблема ротичности в странах Внешнего круга наиболее полно исследовалась в сингапурском варианте английского языка. Обычно сингапурский английский описывают, как неротический. Однако, по последним наблюдениям, поствокальный [r] стал восприниматься некоторыми говорящими в качестве престижной формы.

Результаты сингапурского исследователя Й-Й Тан указывают на то, что существует прямая зависимость употребления поствокального [r] в сингапурском английском от уровня образования и социального положения. Говорящие с университетским образованием и высоким социальным статусом стремятся употреблять поствокальный [r] чаще, что объясняет высокую престижность этой черты в обществе [Tan, 2012].

Й-Й Тан так же провела исследование по восприятию эрности англоговорящими сингапурцами, имеющими высшее образование. Участникам эксперимента было предложено оценить говорящих по четырем параметрам: уровень образования, интеллект, приятность звучания, естественность звучания. Ответы по всем пунктам оценочного теста указывают на положительное отношение к поствокальному [r]. Речь тех, кто употребляют поствокальный [r],

воспринимается как естественная (67,5 %), приятная на слух (61,0 %), свидетельствует о высоком интеллекте (76,0 %) и высоком уровне образования (71,5 %). Объяснение этому, очевидно, следует искать во влиянии американских СМИ [там же].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ротацизм является самой яркой чертой, объединяющей / разъединяющей варианты английского языка. Приверженность варианта к ротической / неротической группе давно исследуется лингвистами как с позиций синхронии, так и с позиций диахронии.

Несмотря на такое бинарное разделение, ротичность, как любая социофонетическая черта, является, скорее, градиентным, нежели категориальным явлением, т. е. она может статистически чаще использоваться в речи одной социальной группы, чем в речи другой. Такие факторы, как возраст, гендер, этничность, социально-экономическое положение могут влиять на степень ее проявления. Поэтому ротичность во времени и пространстве всегда проявляется вариативно. В связи с этим Ш. Марсден предлагает отказаться от разделения языков на ротические и неротические и рассматривать ротичность как континуум в использовании поствокального [r] [Marsden, 2017].

На территории Великобритании существуют районы, в которых исторически преобладают ротические варианты, и, наоборот, в США существуют районы, в которых исторически преобладают неротические варианты. Тем не менее исследования последних двух-трех десятилетий показали, что тенденции к ротичности развиваются в них в противоположных направлениях, т. е. наблюдается движение в сторону престижного варианта – RP на большей части Великобритании и общеамериканского на большей части США.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Wells J. C. Accents of English: in 3 vols. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. Vol. 1: An Introduction.
2. Gordon E. et al. New Zealand English. Its Origins and Evolution. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
3. Turton D., Lennon R. An acoustic analysis of rhoticity in Lancashire, England // Journal of Phonetics. 2023. Vol. 101. 10.1016/j.wocn.2023.101280.
4. Fisher J. H. British and American, Continuity and Divergence // The Cambridge History of the English Language: in 6 vols / Ed. by J. Algeo. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. Vol. VI. English in North America. P. 59–85.
5. Labov W. The social stratification of English in New-York City. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 2nd ed.
6. Trudgill P., Hannah J. International English: A Guide to the Varieties of Standard English. 5th ed. Routledge, 2013.
7. Nagy N., Irwin P. Boston (r): Neighbor(r)s nea(r) and fa(r) // Language Variation and Change. 2010. Vol. 22. № 2. P. 241–278.
8. Trudgill P. Dialects in Contact. Oxford: Blackwell, 1986.
9. Trudgill P. et al. Determinism in new-dialect formation and the genesis of New Zealand English // Journal of Linguistics. 2000. Vol. 36. № 2. P. 299–318.
10. Villarreal D. et al. Gender separation and the speech community: rhoticity in early 20th century Southland New Zealand English // Language Variation and Change. 2021. Vol. 33. № 2. P. 245–266.
11. Trudgill P., Gordon G. Predicting the past: Dialect archaeology and Australian English rhoticity // English World-Wide. 2006. Vol. 27. № 3. P. 235–246.

12. Bowerman S. White South African English: phonology // A Handbook of Varieties of English: in 2 vols. / Ed. by E. Schneider, K. Burridge, B. Kortmann, R. Mesthrie, C. Upton. Berlin–NY: Mouton de Gruyter, 2004. Vol. 1: Phonology. P. 931–942.
13. Hartmann D., Zerbian S. Rhoticity in black South African English – a sociolinguistic study // Southern African linguistics and applied language studies. 2009. Vol. 27. № 2. P. 135–148.
14. Li Z., Kabak B. Rhoticity in Chinese English: An experimental investigation on the realization of the variant (r) in an Expanding Circle variety // Alicante Journal of English Studies. 2017. Vol. 30. P. 61–91.
15. Sharbawi S., Deterding D. Rhoticity in Brunei English // English World-Wide. 2010. Vol. 31. № 2. P. 121–137.
16. Tan Y.-Y. To r or not to r: social correlates of /ɹ/ in Singapore English // International Journal of the Sociology of Language. 2012. Vol. 218. P. 1–24.
17. Marsden Sh. Are New Zealanders “rhotic”? The dynamics of rhoticity in New Zealand’s small towns // English World-Wide. 2017. Vol. 38. № 3. P. 275–304.

REFERENCES

1. Wells, J. C. (1982). Accents of English (vol. 1. An Introduction): in 3 vols. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Gordon, E. et al. (2004). New Zealand English. Its Origins and Evolution. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Turlton, D., Lennon, R. (2023). An acoustic analysis of rhoticity in Lancashire, England. *Journal of Phonetics*, 101. 10.1016/j.wocn.2023.101280.
4. Fisher, J. H. (2001). British and American, Continuity and Divergence. In Algeo, J. (Ed.), *The Cambridge History of the English Language* (vol. VI: English in North America, pp. 59–85): in 6 vols. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Labov, W. (2006). *The social stratification of English in New-York City*. Cambridge: Cambridge University Press. 2nd ed.
6. Trudgill, P., Hannah, J. (2013). *International English: A Guide to the Varieties of Standard English*. Routledge. 5th ed.
7. Nagy, N., Irwin, P. (2010). Boston (r): Neighbor(r)s nea(r) and fa(r) *Language Variation and Change*, 22(2), 241–278.
8. Trudgill, P. (1986). *Dialects in Contact*. Oxford: Blackwell.
9. Trudgill, P. et al. (2000). Determinism in new-dialect formation and the genesis of New Zealand English. *Journal of Linguistics*, 2, 299–318.
10. Villarreal, D. et al. (2021). Gender separation and the speech community: rhoticity in early 20th century Southland New Zealand English. *Language Variation and Change*, 33(2), 245–266.
11. Trudgill, P., Gordon, G. (2006). Predicting the past: Dialect archaeology and Australian English rhoticity. *English World-Wide*, 27(3), 235–246.
12. Bowerman, S. (2004). White South African English: phonology. In Schneider, E. et al. (Eds.), *A Handbook of Varieties of English* (vol. 1: Phonology, pp. 931–942): in 2 vols. Berlin–NY: Mouton de Gruyter.
13. Hartmann, D., Zerbian, S. (2009). Rhoticity in black South African English – a sociolinguistic study. *Southern African linguistics and applied language studies*, 27(2), 135–148.
14. Li, Z., Kabak, B. (2017). Rhoticity in Chinese English: An experimental investigation on the realization of the variant (r) in an Expanding Circle variety. *Alicante Journal of English Studies*, 30, 61–91.
15. Sharbawi, S., Deterding, D. (2010). Rhoticity in Brunei English. *English World-Wide*, 31(2), 121–137.
16. Tan, Y.-Y. (2012). To r or not to r: social correlates of /ɹ/ in Singapore English. *International Journal of the Sociology of Language*, 218, 1–24.
17. Marsden, Sh. (2017). Are New Zealanders “rhotic”? The dynamics of rhoticity in New Zealand’s small towns. *English World-Wide*, 38(3), 275–304.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Буряя Елена Анисимовна

кандидат филологических наук, доцент

доцент кафедры фонетики английского языка факультета английского языка

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Buraya Elena Anisimovna

PhD (Philology), Associate Professor

Associate Professor at the Department of English Phonetics,

English Language Faculty, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

17.11.2023
15.12.2023
22.01.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Дискурсивные особенности и супraseгментные характеристики конфликтного общения

М. А. Демина

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
demina.malvina@gmail.com*

Аннотация. Цель исследования – выявление дискурсивных особенностей и интонационных характеристик вербального взаимодействия, указывающих на конфликтное речевое поведение коммуникантов. Фонопрагматический анализ англоязычного разговорного подкаста позволил проследить динамику развития идейного противостояния общающихся. Полученные результаты свидетельствуют о том, что речевая конфронтация реализуется в женской и мужской речи по-разному, затрагивая дискурсивные и интонационные характеристики коммуникации. Супraseгментное оформление реплик может также указывать на скрытую агрессивность и враждебность взаимодействия, которые не находят эксплицитное выражение в речи коммуникантов.

Ключевые слова: конфликтное общение, речевая конфронтация, скрытая агрессия, разговорный подкаст, дискурсивный маркер, супraseгментные характеристики, интонационное оформление, фонопрагматический анализ

Для цитирования: Демина М. А. Дискурсивные особенности и супraseгментные характеристики конфликтного общения // Вестник Московского лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 1 (895). С. 45–51.

Original article

Discursive Features and Suprasegmental Characteristics of Conflict Communication

Malvina A. Demina

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
demina.malvina@gmail.com*

Abstract. This study aims at identifying discursive practices and intonation characteristics indicating conflict communicative behavior. A detailed phonopragmatic analysis of the English-language conversational podcast made it possible to trace the dynamics of ideological communicative confrontation. The results of the study indicate that the communicative conflict is realized in female and male speech differently, affecting discursive features and intonational characteristics of speech. The suprasegmental design of utterances can also indicate hidden aggression and hostility of communicants, which are not explicitly reflected in the verbal component of their interaction.

Keywords: conflict communication; speech confrontation; hidden aggression; conversational podcast; discourse marker; suprasegmental characteristics; intonation design; phonopragmatic analysis

For citation: Demina, M. A. (2024). Discursive features and suprasegmental characteristics of conflict communication. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(895), 45–51. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Конфликтное общение, будучи противоположным полюсом гармоничного, вежливого и терпеливого взаимодействия, имплементирует деструктивные вербальные и невербальные практики, направленные на создание коммуникативного дисбаланса. Сегодня конфликтологическое направление всё более востребовано и распространено в лингвистике [Комалова, 2016; Сейранян, 2016; Киндеркнехт, 2023]. Актуальность подобных работ трудно переоценить, поскольку конфликтное взаимодействие могут сопровождать повышенная эмоциональность, оценочность, угроза социальному имиджу, речевая агрессия. В этой связи результаты конфликтологических исследований имеют очевидную практическую значимость для организации повседневной и деловой коммуникации, а также для регулирования общения в профессиональной деятельности. Данные по изучению маркеров эксплицитной и имплицитной конфронтации особенно ценятся в корпоративной среде, где на основе исследовательских выводов разрабатываются различные тактики урегулирования конфликтов на рабочих местах, выстраиваются стратегии их предотвращения и сценарии их благополучного разрешения.

Научная новизна данной работы заключается в выявлении дискурсивных и супrasegmentных признаков конфликтного взаимодействия коммуникантов в процессе интервью. Материал исследования представлен записью англоязычного интервью, которое вошло в один из выпусков британского подкаста. Ведущая программы и приглашенный гость обсуждают сложные, неоднозначные психологические, социальные и философские проблемы, взгляды на которые кардинально расходятся в научном сообществе. Длительность аудиозаписи звучащей речи, подвергнутой лингвистическому и слуховому анализу, а также детальному интонационному аннотированию, составляет около 60 минут.

Примечательно, что традиционный формат разговорного подкаста предполагает такую организацию коммуникации, при которой общение участников протекает максимально гармонично и благозвучно для аудитории. Данный перцептивный эффект достигается, прежде всего, благодаря использованию определенных интонационно-просодических средств, обеспечивающих плавную и согласованную смену коммуникативных ролей в дискуссии, реализующих тактики вежливого обращения к собеседнику, создающих дружескую тональность общения и даже способствующих речевому сближению, созвучию коммуникантов

[Демина, Иванова, 2019; Demina, 2021; Абдуллина, 2024]. В настоящей работе впервые устанавливаются дискурсивные характеристики, указывающие на конфликтное взаимодействие интервьюера и респондента и свидетельствующие о наличии идейной конфронтации между ними. Фонопрагматический ракурс исследования позволил также впервые выявить супrasegmentные черты коммуникативного поведения, которые могут являться признаками скрытой речевой агрессии участников интервью.

Основными задачами данной работы стали: (1) описание дискурсивных особенностей конфликтного взаимодействия в процессе интервью и (2) определение фонопрагматически обусловленных признаков речевой конфронтации и скрытой агрессии в звучащей речи, которые могут провоцировать негативную реакцию партнера по общению.

Теоретической основой данной статьи служат основополагающие работы по конверсационному анализу [Sacks et al., 1974], исследования, выполненные в русле лингвистики конфликтологии и речевой агрессии [Scott, 2002; Закоян, 2008; Комалова, 2016], а также фундаментальные труды по теории дискурса [Van Dijk, 1993; Fairclough, 1995] и концепции вежливости [Brown, Levinson, 2013], принципы и постулаты которых легли в основу фонопрагматической интерпретации функционирования супrasegmentных явлений в звучащей речи [Демина 2014].

Методы исследования для решения поставленных задач включают лингвистический анализ вопросных и ответных реплик интервью, конверсационный анализ речевого взаимодействия его участников и слуховой анализ речи коммуникантов с последующей фонопрагматической интерпретацией установленных явлений.

Практическая значимость работы определяется тем, что результаты исследования могут найти отражение в учебных пособиях по обучению деловой и профессиональной коммуникации на английском языке, а также в практических курсах, направленных на развитие англоязычных коммуникативных навыков и формирование прагматической, дискурсивной, стратегической и социокультурной компетенций у обучающихся.

СТАДИИ КОНФЛИКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Исследователи признают, что для коммуникативного конфликта характерны типовые сценарии речевого взаимодействия, существование которых обусловлено правилами поведения, установленными в данном лингвокультурном

сообществе [Сейранян, 2016]. В этой связи конфликт представляет собой динамический процесс смены контрпродуктивных действий общающихся, сопровождаемых негативными эмоциями с обеих сторон. При этом традиционное понимание развития конфликта предполагает несколько стадий:

- 1) предварительная стадия (латентный конфликт) – формирование и накопление недовольства одной стороной или обеими сторонами ввиду разных интересов, приоритетов, взглядов, ценностей;
- 2) возникновение конфликта – появление разногласий в общении сторон, которое становится очевидным при непосредственном коммуникативном контакте;
- 3) острая конфронтация – эскалация противостояния, выражающаяся в повышении уровня эмоциональности и речевой агрессии и наносящая урон взаимоотношениям и социальному имиджу оппонентов;
- 4) кульминация противостояния – манифестация основных антагонистических разногласий, приводящая к осознанию необходимости разрешения конфликтной ситуации;
- 5) урегулирование конфликта – окончание открытой конфронтации [Chernenko, 2019].

Финальная стадия конфликта может иметь благоприятный и неблагоприятный сценарий. К благоприятному исходу относят достижение компромисса, согласие на уступки, общие договоренности, что в деловом общении описывается как ситуация «win-win» [Hames, 2012]. Неблагоприятными считаются сценарии торжества одной из сторон («win-lose»), конфронтационного тупика и отложенного конфликта, соотносимые с коммуникативной неудачей и взаимным поражением («lose-lose»).

СТРАТЕГИИ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СИТУАЦИИ КОНФЛИКТА

Главные макро-стратегии коммуникативного поведения получили широкое описание в литературе, посвященной особенностям бизнес-коммуникации и ведению деловых переговоров. В зависимости от коммуникативного намерения говорящего его взаимодействие с партнером по общению будет представлено либо как конфронтационное, либо как кооперативное. В числе неконструктивных стратегий поведения исследователи перечисляют: конкурирование, избегание открытой конфронтации, аккомодацию [Chernenko, 2019]. Интересно, что явление аккомодации в данном

случае рассматривается как пассивное потакание доминирующему или агрессивному коммуниканту и расценивается как псевдоурегулирование конфликтной ситуации. Конструктивными стратегиями при конфронтации считаются умение идти на компромиссы, а также инициирование и организация на добровольной основе совместной деятельности по разрешению противоречий.

В научном описании особенностей коммуникативного поведения в случаях конфронтации учитывается роль гендерного фактора. Результаты исследований в данной сфере показывают, что мужчины и женщины выражают свою агрессию и справляются с ней в конфликтных ситуациях по-разному [Chernenko, 2019]. Так, мужчины признаются коммуникантами, менее готовыми идти на уступки и имплементирующими в большей степени стратегию конкуренции в своем коммуникативном поведении. В конфликтной ситуации они склонны контролировать развитие темы, использовать больше фактической информации, указывать на свой статус, устраивать вербальные баталии, прибегать к более прямолинейному формату общения и использовать речевые акты обезличенных обвинений, оскорблений, угроз, приказов и требований. Женщины в ситуации конфликта чаще прибегают к пассивным тактикам аккомодации и избегания открытой конфронтации. В случае использования контрпродуктивной стратегии конкуренции женщины реализуют речевые акты упрека, иронии, насмешки. Выбирая конструктивные пути разрешения конфликта, женщины идут на уступки, а мужчины демонстрируют свое доброжелательное расположение и готовность к поиску компромиссных решений.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Результаты проведенного анализа позволяют утверждать, что рассматриваемое интервью демонстрирует супraseгментные признаки и дискурсивные особенности конфронтационного взаимодействия коммуникантов. Несмотря на то, что медийный формат подкаста, рассчитанного на широкую аудиторию, сдерживает эмоциональность речи участников, глубокие противоречия в их взглядах, недоверие и скептическое отношение друг к другу находят выражение в супraseгментном строе их речи.

С самого начала интервью гость программы мужского пола (М) отрицательно реагирует на вопросы ведущей (Ф). При этом, если в примере 1 респондент старается смягчить негативный посыл, используя повторения, самокоррекцию и модальный маркер *would*, то в последующих

репликах отрицательные формы употребляются все более активно и прямолинейно (примеры 2–3).

- 1) M: [^]No [^]No [^]I... I wouldn't [^]say so.
- 2) M: [[^]No I don't]¹, I 'don't [^]think that [^]that is my [^]focus.
- 3) M: It's like, [^]sorry [^]'not [^]true.

Появление в коммуникации отрицательных маркеров знаменует начальную стадию развития конфликта, что в интонационном плане подчеркивается сменой более мягких нисходящих тонов неполного падения категоричными тонами высокого и низкого регистра. Согласно Теории вежливости [Brown, Levinson, 2013], употребление отрицательных форм при выражении несогласия, представляет угрозу «лицу», социальному имиджу собеседника и приводит к неизбежной конфронтации.

Другим признаком конфликтного общения является тактика представления личного суждения как обобщения, позволяющая абсолютизировать высказанное мнение и избежать ответственности за свои слова. Значимыми маркерами в этом случае выступают: *thousands, none of them, all of them, generally, lots of forces* и т. п., которые в большинстве случаев выделяются высокими эмфатическими нисходящими тонами неполного падения (примеры 4–5).

- 4) M: I 'meet } } I 'meet [^]thousands of [^]people [^]as a [^]consequence of [^]doing that [^]personally. [^]And [^]none of them [^]talk to me about [^]politics. [^]All of them [^]say the [^]same [^]thing.
- 5) M: [^]First of all [^]there's [^]lots of [^]forces at [^]play [^]that [^]aren't [^]mere [^]power.

Повышенная эмоциональность дискуссии проявляется в мужской речи в многочисленных повторах и заминках (пример 6), которые передают некомфортное состояние говорящего, столкнувшегося со скептически настроенным собеседником. Поскольку паузы в сознании конкурирующих оппонентов ассоциируются с потерей коммуникативного хода, в борьбе за его сохранение интервьюируемый заполняет их явлениями гезитации и самокоррекции.

- 6) M: [Well, 'I'm I'm I'm] } } [^]Well [^]'I'm I'm I'm a [^]ppalled } at the [^]role the uni-versities have [^]played in this [^]to to to [^]form [^]to to to have in'fluenced the [^]culture...

Антагонистическую позицию гостя программы подчеркивает также частотное употребление

¹Квадратными скобками в примерах отмечены участки наложения реплик коммуникантов.

местоимений второго лица в ударной позиции (примеры 7–8).

- 7) M: [^]Well [^]it de[^]pends on how [^]you de[^]fine e[^]quality.
- 8) M: [^]No [^]I 'don't... } } I 'think that the the [^]left [^]poses a [^]far [^]greater [^]danger [^]than than [^]your [^]your a[^]nalysis su[^]ggests.

К дискурсивным признакам, характерным для этапа кульминации конфронтации, можно отнести краткие и прямолинейные вопросительные высказывания, обращенные к ведущей, в которых оттенки сомнения, скептического настроения, недоверия и вызова передаются с помощью сложных тонов (примеры 9–10).

- 9) M: [^]Who wrote, [^]who did the [^]research?
- 10) M: The [^]question [^]is then [^]what is the [^]evidence?

Речь ведущей программы (F) также демонстрирует контрпродуктивные тактики ведения дискуссии. Желая доминировать в общении, она избирает стратегию конкурирования, что выражается в агрессивном перебивании собеседника и лишении его возможности закончить фразу (пример 11) или сформулировать мысль (пример 12).

- 11) M: That's [^]not a [^]it's an [^]increasingly [^]wide-spread [^]view [^]and I 'think it [^]poses [^]far [^]more [^]danger [^][than 'you [^]than you [^]think]
- F: [[^]Is it] 'is it [^]possible [^]that [^]views [^]be'come [^]more [^]attractive [^]when [^]something is di[^]satisfied...
- 12) M: [^]No. [But I'm [^]not [^]very [^]very ...]
- F: [But [^]would that [^]hypo-thetical i[^]deal] [^]be a [^]good i[^]deal or a [^]bad i[^]deal?

Агрессивная манера ведения дискуссии выражается также в навязывании аудитории определенной точки зрения, в дискредитации собеседника и стремлении уличить его в неверной интерпретации явлений и приведении ошибочных доводов. Данное намерение получает выражение в дословных повторах или перефразировании слов оппонента. Интонационное оформление таких речевых актов транслирует недоверие и иронию говорящего (например, смещение главного акцента на модальный маркер *would* и низкий регистр речи при повторе слов оппонента в примере 13).

- 13) F: 'What do you 'make of } } [^]liberalism?
- M: 'I would con[^]sider myself a [^]classic } } [^]liberal.

F: 'You \would consider yourself a [,classic \liberal?]

Смех в комментариях также воспринимается как деструктивная практика женской речи в условиях конфронтации (примеры 14 и 15).

14) F: Well, \that's six }} 'sixty-\fourty [it's \not (laughing) \that much of a ,margin.]

15) F: Well, 'let's 'put a→side that \ Scandi' navia is \not just }} (laughing) it's \not just \one \country \and it has \lots of ,different ,cultural, \ political \differences (laughing).

Стоит отдельно отметить своеобразную речевую манеру ведущей чередовать четкое и нечеткое произнесение высказываний. Так, при формулировании вопроса она часто добавляет комментарий, сопровождающийся резким снижением мелодического регистра, ускорением темпа и изменением тембральной окраски голоса на скрипучую, что затрудняет распознавание данных речевых участков на слух. Подобные дополнительные комментарии отличаются также высокой степенью редукции и небрежностью артикуляции (примеры 16–17). Представляется, что такое коммуникативное поведение можно интерпретировать как попытку доминирования в общении, как проявление скрытой агрессии и демонстративное выражение незаинтересованности во мнении собеседника. Похожие ассоциации скрипучей фонации с высокой степенью экспрессивности и оценочности, а также с сарказмом и «фигурой отрицания» в речи упомянуты в работах отечественных фонетистов [Кодзасов, 2009; Щербакова, 2006].

16) F: 'Do you 'want to en\large that \question on ↑\two \types of ,brain? \ (creaky voice) And ,then we can be a bit ,clearer on the \question.

17) F: 'But there are 'also }} 'there is 'also a \radical ,liberalism, (creaky voice) ,isn't there, \ (creaky voice) which ,feeds into \feminism, \ (creaky voice) which be\lieves that \ 'progress is }} is a \better \thing than \lack of ,progress. \ (creaky voice) I mean the e,conomy is ,founded on ,those basics.

Интересно, что развитие конфликта находит прямое отражение в длительности реплик коммуникантов. Если для более нейтрального начала разговора были характерны продолжительные высказывания обоих собеседников, то по мере

усиления конфронтации коммуникативные ходы становятся значительно короче и прямолинейнее. В острой фазе конфликта вопросительные реплики превращаются в низкоконтекстные, требующие немедленного ответа высказывания, в большинстве случаев произнесенные со ступенчатой шкалой и категоричными низкими нисходящими тонами (примеры 18–20).

18) F: 'What do you 'make of }} \liberalism?

19) F: 'What do you 'mean by the 'psycho'metric \work?

20) F: I mean, who \is the ,average ,woman?

В кульминационной фазе конфронтации ведущая употребляет краткие вопросительные высказывания с высоким восходящим тоном, выражающим скептическое отношение к услышанному, подвергающим сомнению доводы оппонента и, на наш взгляд, в таких случаях выступающим маркером латентной агрессии.

21) F: But \then } what \you ,have }} \isn't an 'ide'ology 'or?

22) F: But 'would it 'necessarily 'be \such a 'bad i'dea?

23) F: [\That's 'it?]

24) F: We... we \don't \know \after ↑3'5 \years? \ 'Wouldn't it be 'possible }} to 'figure 'something 'out?

Употребление низкого восходящего тона в подобных контекстах также придает звучанию реплик провокационность, враждебность и скрытый агрессивный посыл (примеры 25–26).

25) F: Am ,I the 'average 'woman?

26) F: Is there ,more 'to it than 'that?

Таким образом, приведенные примеры отражают деструктивные тактики речевого взаимодействия коммуникантов, которые, вступая в противоборство за доминирование в общении, транслируют негативные эмоции и враждебность в супraseгментном оформлении высказываний.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленный анализ позволяет выделить следующие аспекты конфликтного взаимодействия коммуникантов в условиях радиointервью:

1. Дискурсивными особенностями коммуникативной конфронтации в мужской речи являются частотные отрицания, обобщения, тактики уклонения от ответственности, употребление

местоимения второго лица, феномены хезитации и самокоррекции.

2. Для женской речи в ситуации коммуникативного конфликта в большей степени характерны супrasegmentные модуляции звучащей речи: резкие изменения мелодики и темпа, а также качества голоса. Понижение мелодического уровня, ускорение темпа, небрежность в артикуляции и появление скрипучего голоса при этом расцениваются как попытки доминирования в дискуссии, как признаки скрытой агрессии, сарказма и демонстративной незаинтересованности во мнении собеседника.

3. Острая фаза вербального противостояния характеризуется сокращением длительности высказываний и употреблением низкоконтекстных вопросов в речи обоих коммуникантов. При этом

в женской речи прямолинейные вопросы произносятся с высокими или низкими восходящими тонами, носящими оттенок недоверия, сомнения или враждебности. Прямолинейные вопросы в мужской речи чаще оформляются сложными тонами и могут указывать на скептический настрой говорящего или вызов собеседнику.

Проведенное исследование вносит вклад в развитие конфликтологического направления в современной лингвистике за счет привлечения фонопрагматического аспекта функционирования дискурсивных маркеров конфронтационного общения. Дальнейшее развитие темы предполагает расширение списка фонетических особенностей речи, провоцирующих коммуникативную конфронтацию и ведущих к формированию отрицательного поля речевого взаимодействия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Комалова Л. Р. Межличностная коммуникация: От конфликта к консенсусу: монография. М., 2016.
2. Сейранян М. Ю. Конфликтный дискурс и его просодический строй. М.: МПГУ, 2016.
3. Киндеркнехт А. С. Конфликт в исследованиях по лингвистике // Научный диалог. 2023. Вып. 12 (1). С. 45–68.
4. Демина М. А., Иванова А. М. Темпоральная аккомодация коммуникантов в процессе общения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 5 (821). С. 47–58.
5. Demina M. A. An investigation into gender specifics of communicants' pitch attunement in natural English conversation // XLinguae. 2021. № 14 (2). P. 142–156. DOI: 10.18355/XL.2021.14.02.11.
6. Абдуллина Р. Э. Тактики мелодической конвергенции в общении носителей британского варианта английского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2 (883). С. 9–15.
7. Sacks H., Schegloff E. A., Jefferson G. A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation // Language. 1974. Vol. 50. № 4. P. 696–735.
8. Scott S. Linguistic feature variation within disagreements: An empirical investigation // Text. 2002. Vol. 22. № 2. P. 301–328.
9. Закоян Л. М. Речевая агрессия как предмет лингвистических научных исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2008. № 2. С. 46–52.
10. Van Dijk T. A. Principles of Critical Discourse analysis // Discourse & Society. 1993. Vol. 4. P. 249–283.
11. Fairclough N. Critical discourse analysis. London: Longman, 1995.
12. Brown P., Levinson S. C. Politeness. Some universals in language usage. Cambridge University Press, 1987.
13. Демина М. А. Фонопрагматический подход к анализу дискурса теленовостей // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2014. Вып. 1 (687). С. 76–87.
14. Chernenko O. Pragmatic peculiarities of the final phase of conflict interaction in fiction discourse // Lege artis. Language yesterday, today, tomorrow. 2019. Vol. IV. № 2. P. 147–153.
15. Hames D. S. Negotiation. Closing Deals, Setting Disputes, and Making Team Decisions. Sage Publication, Inc., 2012.
16. Кодзасов С. В. Исследования в области русской просодии. М.: Языки славянских культур, 2009.
17. Щербакова Л. А. Гортанный смычный согласный в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.

REFERENCES

1. Komalova, L. R. (2016). Interpersonal Communication: From conflict to consensus: monograph. Moscow. (In Russ.)
2. Seiranyan, M. Yu. (2016). Conflict Discourse and its prosodic organization. Moscow: MPSU. (In Russ.)

3. Kinderknekht, A. C. (2023). Conflict in Linguistic Researches. Nauchnyi dialog, 12(1), 45–68. (In Russ.)
4. Demina, M. A., Ivanova, A. M. (2019). Temporal accommodation of communicants' speech in the course of interaction. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(821), 47–58. (In Russ.)
5. Demina, M. A. (2021). An investigation into gender specifics of communicants' pitch attunement in natural English conversation. XLinguae, 14 (2), 142–156. 10.18355/XL.2021.14.02.11.
6. Abdullina, R. E. (2024). Tactics of pitch convergence in natural British English conversation. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(883), 9–15. (In Russ.)
7. Sacks, H., Schegloff, E. A., Jefferson, G. (1974). A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation. Language, 50(4), 696–735.
8. Scott, S. (2002). Linguistic feature variation within disagreements: An empirical investigation. Text, 22(2), 301–328.
9. Zakoyan, L. M. (2008). Speech aggression as a subject of linguistic scientific research. RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices, 2, 46–52.
10. Van Dijk, T. A. (1993). Principles of Critical Discourse analysis. Discourse & Society, 4, 249–283.
11. Fairclough, N. (1995). Critical discourse analysis. London: Longman.
12. Brown, P., Levinson, S. C. (1987). Politeness. Some universals in language usage. Cambridge University Press.
13. Demina, M. A. (2014). Phonopragmatic approach to analysing television news discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 687(1), 76–87. (In Russ.)
14. Chernenko, O. (2019). Pragmatic peculiarities of the final phase of conflict interaction in fiction discourse. Lege artis. Language yesterday, today, tomorrow, IV(2), 147–153.
15. Hames, D. S. (2012). Negotiation. Closing Deals, Setting Disputes, and Making Team Decisions. Sage Publication, Inc.
16. Kodzasov, S. V. (2009). Issledovaniya v oblasti russkoj prosodii = Studies in the field of Russian prosody. Moscow: LRC Publishing House. (In Russ.)
17. Shcherbakova, L. A. (2006). Gortannyj smychnyj soglasnyj v russkom jazyke = Laryngeal consonant in the Russian language: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Демина Мальвина Александровна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры фонетики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета
доцент кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Demina Malvina Aleksandrovna

PhD (Philology), Associate Professor
Associate Professor at the Department of English Phonetics
Faculty of the English language, Moscow State Linguistic University;
Associate Professor at the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication
Financial University under the Government of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию	12.11.2024	The article was submitted
одобрана после рецензирования	20.12.2024	approved after reviewing
принята к публикации	09.01.2025	accepted for publication

Качество голоса как социофонетическая переменная в британском и американском лингвокультурном контексте

Ю. В. Карташевская

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
juliakar@mail.ru

Аннотация. В статье представлены данные исследования немодальной (скрипучей) фонации как маркера социальной вариативности англоязычной речи. Цель исследования – выявить перцептивно-акустические признаки скрипучей фонации и проанализировать социофонетические функции использования данного типа фонации в женской речи. Материалом исследования послужили образцы речи молодых женщин носителей британского и американского вариантов английского языка (n=6). Для проведения исследования применялись перцептивный, электроакустический и сопоставительный виды анализа. Показатели частоты основного тона (ЧОТ), джиттер-эффекта, шиммер-эффекта и соотношение гармоника / шум позволили выявить корреляты скрипучей фонации на акустическом уровне. Результаты исследования демонстрируют наибольшую частотность реализации скрипучей фонации в речи американских женщин.

Ключевые слова: качество голоса, скрипучая фонация, модальная фонация, фальцет, гендер, конвергенция, частота основного тона, джиттер-эффект, шиммер-эффект, соотношение гармоник и шума

Для цитирования: Карташевская Ю. В. Качество голоса как социофонетическая переменная в британском и американском лингвокультурном контексте // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1 (895). С. 52–60.

Original article

Voice Quality as a Sociophonetic Variable in American and British Linguocultural Context

Yulia V. Kartashevskaya

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
juliakar@mail.ru

Abstract. The paper presents the experimental data on non-modal (creaky) phonation viewed as a marker of social variation in English. The objective of the research is to analyse sociophonetic functions of creaky phonation and to collect data on the perceptual and acoustic features of this type of non-modal phonation. The research is based on voice samples of young British and American female speakers (n=6). Methods used in the research are: perceptual, acoustic and comparative analyses. Fundamental frequency (F0), jitter, shimmer and harmonics-to-noise ratio data revealed creaky phonation correlates at the acoustic level. The results demonstrate the highest frequency of creaky phonation occurrence in American female speech.

Keywords: voice quality, creaky phonation, modal phonation, falsetto, gender, convergence, fundamental frequency F0, jitter-effect, shimmer-effect, harmonics-to-noise ratio

For citation: Kartashevskaya, Yu. V. (2025). Voice quality as a sociophonetic variable in American and British linguocultural context. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(895), 52–60. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия возрос исследовательский интерес к изучению различных аспектов функционирования качества голоса как социофонетической переменной. В частности, особое внимание лингвистов направлено на изучение скрипучей фонации в качестве маркера социальной вариативности речи, обусловленной влиянием целого ряда экстралингвистических факторов: гендерного, возрастного, этнического и др. В этой связи примечательно исследование К. Далластон и Дж. Докерти, результаты которого были опубликованы в 2020 году на платформе PloSOne базы данных PubMed¹. Данная публикация мотивирована возросшим междисциплинарным интересом к рассматриваемому лингвистическому феномену. Она представляет собой систематический обзор научных исследований скрипучей фонации в речи представителей различных произносительных вариантов английского языка [Dallaston, Docherty, 2020].

Настоящее исследование является продолжением начатого нами ранее изучения фонопрагматической обусловленности использования немодальной (скрипучей) фонации в речи молодых женщин носителей британского и американского вариантов английского языка на материале интервью [Карташевская, 2020]. Полученные в 2020 году результаты позволили сформулировать гипотезу данного этапа исследования следующим образом: территориальный признак вариативности английского произношения является основным фактором, определяющим частотность появления скрипучей фонации в англоязычной женской речи.

Для достижения цели исследования были определены следующие задачи:

- 1) провести перцептивный и электроакустический анализ качественных характеристик модальной и скрипучей фонации в женской монологической речи на материале блогов;
- 2) выявить частотность использования скрипучей фонации представителями двух территориальных вариантов английского языка – британского и американского;
- 3) провести сопоставительный анализ использования немодальной фонации представителями двух лингвокультур;
- 4) выявить основные лингвистические и социокультурные факторы, предопределяющие изменение качества голоса и варьирование разных типов фонации;

- 5) наметить перспективу дальнейшего исследования качества голоса как социального маркера в лингвокультурном контексте.

СОЦИОФОНЕТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ НЕМОДАЛЬНЫХ ТИПОВ ФОНАЦИИ

Многие социофонетические исследования различных немодальных типов фонации (*non-modal phonation types*) указывают на их выраженную гендерную маркированность. Так, в ранних работах по изучению скрипучей фонации в англоязычной речи на материале шотландского произносительного варианта (речь жителей Эдинбурга [Esling, 1978], Глазго [Stuart-Smith, 1999]), а также речи носителей британского произносительного стандарта (RP) и модифицированного северного варианта английского языка (Modified Northern English) [Henton, Bladon, 1988] выявляется ассоциативная связь скрипучей фонации и маскулинности, что объясняется сходными низкими показателями ЧОТ, характерными как для мужских голосов, так и для данного немодального типа фонации. Подобным образом другой тип немодальной фонации, фальцет, для которого характерны высокие показатели ЧОТ, устойчиво ассоциировался с фемининностью.

Однако результаты последующих исследований социальной функции немодальных типов фонации свидетельствуют о том, что скрипучая фонация, несмотря на низкие показатели ЧОТ, не является исключительной характеристикой мужских голосов. Так, Д. Лефкович и М. Сиколи описывают «скрипучесть» голоса как характерную черту тембра молодых американок на материале речи учащихся колледжей штата Вирджиния [цит. по: Sicoli, 2015]. При этом исследователи отмечают существенную внутри-дикторскую вариативность в использовании немодальной фонации (как в мужской, так и в женской речи), обусловленную выбором стиля общения, при смене которого коммуниканты «переключают» один тип фонации на другой. Например, для выражения доминирующей коммуникативной позиции говорящий часто меняет фонацию с модальной на скрипучую, эксплицитно демонстрируя собеседнику свое превосходство и силу [Sicoli, 2015].

В исследовании, проведенном на материале речи молодых женщин, проживающих в штате Калифорния, также обнаруживается подтверждение тому, что женщины одной возрастной группы с мужчинами доминируют в плане использования скрипучей фонации. Автор полагает, что данный тип фонации позволяет молодым американкам с высоким социальным статусом,двигающимся вверх по карьерной лестнице, быть конкурентоспособными наравне с мужчинами. Можно сказать,

¹См. ссылку <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32160255/>

что социальный смысл использования скрипучей фонации кроется в желании женщин сознательно или неосознанно копировать мужскую речевую модель [Yuasa, 2010].

Р. Подесва, доцент факультета лингвистики Стэнфордского университета [Podesva, 2013], в своем исследовании проводит анализ социальной роли различных типов фонации (скрипучего голоса, фальцета, шепота) с учетом влияния гендерного, этнического и возрастного факторов. Материалом послужили 150 интервью с 32 афроамериканцами и белыми американцами, жителями города Вашингтон, округ Колумбия, в возрасте от 18 до 75 лет. Данные демонстрируют статистически значимые показатели ($p < 0.0003$) частотного использования скрипучей фонации женщинами, независимо от этнической принадлежности говорящего. Возрастной фактор оказывается неинформативным при анализе вариативности использования скрипучей фонации представителями данной гендерной группы. Изучение связи использования фальцета с гендерным и этническим факторами показывает, что такой тип немодальной фонации присущ, прежде всего, женщинам афроамериканкам, хотя в ряде исследований фальцет описывается как лингвокультурный феномен, характерный для речи мужчин афроамериканцев [цит. по: Podesva, 2013]. Данный тип фонации используется представителями афроамериканского сообщества для выражения экспрессивности, и эта форма коммуникативного поведения сходна для обеих гендерных групп.

Интересно сопоставить социолингвистические функции разных типов немодальной фонации, которые обнаруживаются в женских голосах в различных видах дискурса. Многие исследователи рассматривают скрипучую фонацию в женской речи как определенный паравербальный маркер гендерной идентичности, сигнализирующий о том, что говорящий «принимает авторитетную вербальную позу» (*takes an authoritative stance*), при этом не выражая агрессивного намерения [Sicoli, 2015; Yuasa, 2010; Podesva 2013]. В свою очередь, использование фальцета преимущественно женщинами афроамериканками мотивировано, главным образом, их неустойчивым социоэкономическим положением и гендерным неравенством, которое они испытывают, но о котором не высказываются открыто. Наиболее часто высокочастотные пики (до 500 Гц), характерные для фальцетного звучания, сопровождают фрагменты высказываний, содержащих негативную оценку происходящих событий, что может быть интерпретировано как «лингвистический акт сопротивления» (*a linguistic act of resistance*) враждебной среде, в которой они живут и работают [Podesva, 2013, с. 442].

КОНВЕРГЕНЦИЯ ПО КАЧЕСТВУ ГОЛОСА: СКРИПУЧАЯ ФОНАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОСОДИЧЕСКОЙ АККОМОДАЦИИ

Социофонетисты, изучающие процесс коммуникативного взаимодействия и рассматривающие просодию как средство речевой конвергенции (или аккомодации), приводят доказательства того, что в ходе общения собеседники демонстрируют коммуникативные стратегии согласованности мелодических, темпоральных и динамических характеристик речи [Абдуллина, 2024; Демина, Карташевская, 2017; Shevchenko, Gorbyleva, 2020]. Некоторые исследователи указывают на то, что наряду с мелодико-темпоральными средствами аккомодации в ряде случаев коммуниканты прибегают к конвергенции по качеству голоса. Иначе говоря, в процессе общения собеседники демонстрируют «сонастройку» немодальных типов фонации, таких как скрипучий, придыхательный или хриплый голос [Szczepek Reed, 2011].

Группа исследователей речи носителей американского варианта английского языка выявила гендерно маркированную конвергенцию по качеству голоса в разговорной речи общей длительностью 300 мин. [Wright, Mansfield, Panfili, 2019]. Результаты исследования, проведенного на материале 12 гомогенных гендерных диад (ММ / ЖЖ) и 8 смешанных гендерных диад (ЖМ), показывают, что женщины наиболее последовательны в реализации скрипучей фонации, однако независимо от типа диады качество женских голосов остается неизменным, т. е. женщины-коммуниканты не стремятся к аккомодации с фонацией собеседника. Коммуниканты-мужчины, напротив, варьируют фонацию своих голосов в зависимости от гендера собеседника: в разговоре с женщинами они значительно чаще используют скрипучую фонацию, чем при взаимодействии с мужчинами. Наблюдение за речевой коммуникацией показывает, что мужчины используют скрипучую фонацию как маркер гендера в начале беседы с незнакомой женщиной-собеседницей, а по мере развития диалога и узнавания коммуниканта, присутствие скрипучей фонации в их голосе снижается. В целом, данные исследования позволяют говорить о разных гендерных стратегиях коммуникативного поведения мужчин и женщин: мужчины в большей степени демонстрируют конвергенцию по качеству голоса как в гомогенных, так и гетерогенных диадах в отличие от женщин.

В процессе коммуникативного взаимодействия немодальные типы фонации выполняют прагматическую функцию маркирования завершенности высказывания и перехода коммуникативного

хода к собеседнику. Так, Р. Огден на материале финских радиопрограмм обнаружил, что в 70 % случаев финальная часть всех реплик говорящих сопровождалась немодальной фонацией (скрипучим или придыхательным голосом, шепотом). Низкий нисходящий тон, свидетельствующий о финализации реплики и ее синтаксической и прагматической завершенности, как правило, сопровождался одновременным изменением качества голоса. По данным исследователя, за завершающим фразу восходящим движением голоса также может последовать фрагмент скрипучей фонации, позволяющей говорящему сигнализировать собеседнику о своем коммуникативном намерении. Таким образом, скрипучая фонация оказывается неотъемлемым компонентом просодического уровня, маркирующим смену коммуникативных ролей в диалоге, и, по мнению Р. Огдена, может рассматриваться либо как вариант низкого нисходящего тона, либо как самостоятельная просодическая единица [Ogden, 2004].

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом для настоящего исследования послужили образцы звучащей речи из корпуса диалектов английского языка Accenthelp (accenthelp.com) и международного онлайн-сервиса Youtube. Всего было отобрано шесть записей (n=6) общей длительностью 20 минут (не менее трех минут звучания каждого диктора). Каждый произносительный вариант представлен тремя образцами речи: британский вариант – дикторы S1-S3, американский вариант – дикторы S4-S6. Возраст дикторов составил от 27 до 42 лет. Подробные экстралингвистические данные об информантах (год, место рождения, род занятий) представлены в таблице 1.

В ходе *перцептивного анализа* образцы речи неоднократно прослушивались и помечались фрагменты высказываний (от отдельных слов до коротких фраз), сопровождающихся скрипучей фонацией. Подробнее о критериях перцептивного уровня, на основании которых делался вывод о наличии скрипучей фонации¹.

Электроакустический анализ проводился с помощью компьютерной программы PRAAT², в ходе которого подвергались анализу показатели ЧОТ_{ср}, ЧОТ_{мин}, ЧОТ_{макс} (в Гц), а также шумовые параметры, позволяющие дать объективную оценку качества голоса: шиммер-эффект (в %), характеризующий амплитудную модуляцию основного тона; джиттер-эффект (в %), характеризующий отклонения в периодичности голосовых колебаний; соотношение гармоника/шум (в дБ) – показатель, определяющий количество аддитивного шума в голосовом сигнале.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Частотность скрипучей фонации в британской и американской речи

Результаты проведенного перцептивного и акустического анализа подтвердили высказанные ранее предположения о том, что речь американских дикторов женщин в большей степени, чем речь британок, характеризуется наличием скрипучей фонации. Результаты распределения модальной и скрипучей фонации в речи информантов наглядно представлены на рисунках 1 и 2.

¹ См. в: [Карташевская, 2020].

² Boersma P., Weenink D. Praat: doing phonetics by computer [Computer program]. Version 6.2.03. URL: <http://www.praat.org>

Таблица 1

ДИКТОРЫ: ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Диктор	Год рождения	Место рождения	Род занятий	Произносительный вариант
Lucy Moon (S1)	1995	Лондон	блогер в сфере красоты	британский
Elizabeth Hadfield (S2)	1992	Манчестер	блогер в сфере моды	британский
Vanessa (S3)	1990	Лондон	дизайнер	британский
Kára McCullough (S4)	1991	Вашингтон, округ Колумбия	специалист по ядерной химии, модель, Мисс США 2017	американский
Kirsten Dunst (S5)	1982	Нью Джерси	актриса	американский
Kylie Jenner (S6)	1997	Лос Анджелес, Калифорния	модель, дизайнер	американский

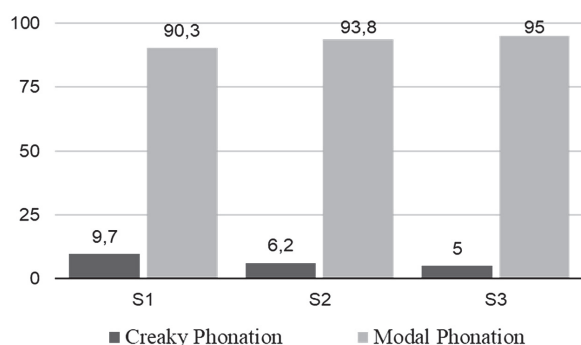

Рис. 1. Распределение модальной и скрипучей фонации в речи британок (дикторы S1–S3, в %)

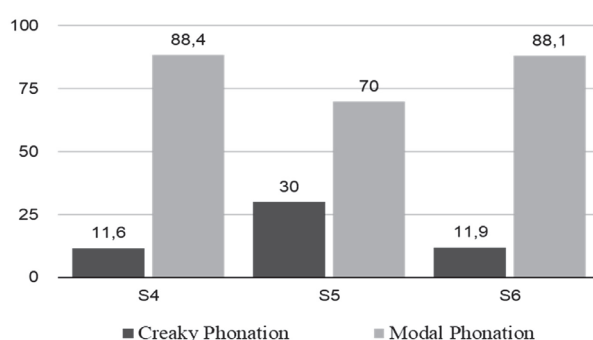

Рис. 2. Распределение модальной и скрипучей фонации в речи американок (дикторы S4–S6, в %)

Как следует из рисунка 1, в речи дикторов-британок скрипучая фонация присутствует в незначительной степени, частотность ее использования составляет от 5% до 9,7%. Все проанализированные случаи скрипучей фонации локализируются в конечной позиции фразы или синтагмы как сопровождающий компонент нисходящего движения голоса или низкого ровного тона. Интересно отметить некоторые индивидуальные особенности речи информантов, которые оказывают влияние на изменения качества их голоса. Так, диктор S2 является жителем Манчестера и демонстрирует фонетические черты регионального акцента. Аудиторы также отмечают некоторую хриплость голоса информанта, которая может рассматриваться как в качестве индивидуальной характеристики тембра говорящего, так и в качестве специфической черты манчестерского произношения. Известно, что типичной чертой этого акцента является очень низкий голосовой уровень по сравнению с другими произносительными вариантами. Однако на акустическом уровне не обнаружены корреляты хриплой фонации, такие как возможное повышение шумовых показателей джиттера, шиммера и понижение параметра гармоника / шум.

Диктор S3 в рассказе о себе говорит, что ее семья принадлежит к высшему классу, и вполне ожидаемо информант является носителем британского произносительного стандарта (RP). Однако, по словам диктора S3, она никогда не стремилась говорить только на RP и в повседневной речи часто переходит на стигматизированный акцент кокни, тем самым сознательно занижая свой социальный статус. В той части рассказа, где диктор говорит на кокни, качество ее голоса меняется и возрастает частотность скрипучей фонации.

Изучение региональной вариативности качества голоса в британском произношении не входило в задачи настоящего исследования, но, представляется, что сопоставление особенностей фонации стандартного и региональных произносительных вариантов может стать предметом дальнейшего исследования качества голоса в социолингвистическом аспекте.

Данные, представленные на рисунке 2, показывают, что в речи американских информантов скрипучая фонация реализуется чаще, от 11,6 % до 30 %, при этом наблюдается большая по сравнению с дикторами-британками вариативность внутри группы. В речи диктора S4 наряду с ожидаемым появлением скрипучей фонации в конце синтагмы или фразы, данный тип фонации в ряде случаев используется говорящим для эмфатического выделения семантически значимых слов, а также для тембрального оформления парентезы, которая, как правило, реализуется на низком голосовом уровне. На рисунке 3 приведен пример наиболее частотной локализации скрипучей фонации: слово *people* в конечной позиции во фразе сопровождается скрипучей фонацией и резким понижением линии ЧОТ.

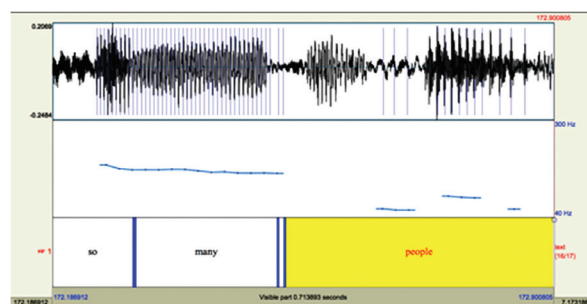

Рис. 3. Осциллограмма и контур ЧОТ фрагмента фразы: «[Opportunities, they kind of make me touch by] so many different *people*» (выделенное курсивом слово сопровождается скрипучей фонацией), диктор S5

Речь диктора S5 значительно превосходит речь всех информантов по частотности употребления скрипучей фонации, которая составляет 30 %. В поисках объяснения полученному результату отметим, что информант является известной

американской актрисой, речь которой охарактеризована аудитором как наиболее выразительная, что подтверждается данными акустического анализа: диапазон ЧОТ голоса актрисы варьируется от 40 до 316 Гц. Диктор S5 профессионально владеет техникой голосообразования, демонстрируя умение варьировать и диапазон, и качество своего голоса. Можно предположить, что таким образом информант, чередуя модальный и немодальный типы фонации, использует их как фонетические средства формирования своей персональной идентичности.

Диктор S6, Кайли Дженнер, американская модель и предприниматель, является представителем известной семьи Кардашьян, члены которой славятся своим характерным «скрипучим» тембром. Скрипучая фонация голоса S6 является частью ее образа успешной медийной персоны, трендсеттера для миллионов женщин, желающих подражать своим инфлюенсерам и покупать рекламируемые ими продукты. Также в речи S6 обнаруживаются случаи использования скрипучей фонации с целью эмфазы слов-интенсификаторов (выделено курсивом), например «*lip liner would be completely sold out everywhere*».

Акустические корреляты скрипучей фонации

Результаты электроакустического анализа, представленные в сводных таблицах 2 и 3, позволяют сделать вывод относительно информативности исследуемых акустических параметров. Показатели ЧОТ_{ср} для модальной фонации составили 223 Гц в диапазоне от 181 Гц до 279 Гц для британских информантов и 216 Гц в диапазоне от 156 Гц до 293 Гц для американских информантов соответственно. Показатели ЧОТ_{ср} для фрагментов скрипучей фонации сокращаются до 129 Гц (диапазон 65-196 Гц) в речи британок и в речи американок до 102 Гц (диапазон 57-147 Гц). Таким образом, спад ЧОТ в два раза может маркировать появление скрипучей фонации в голосе диктора-женщины. Очевидно, что изменение (понижение) ЧОТ может быть акустическим коррелятом нисходящего голосового движения, который не всегда сопровождается немодальной фонацией, поэтому считать этот параметр информативным можно только в комплексе с шумовыми параметрами (джиттер, шиммер, соотношение гармоника / шум).

Как следует из данных таблицы 3, в речи американских информантов показатели всех трех

Таблица 2

АКУСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КАЧЕСТВА ГОЛОСА БРИТАНСКИХ ДИКТОРОВ (S1–S3)

	ЧОТ _{ср} (Гц)	ЧОТ _{мин} (Гц)	ЧОТ _{макс} (Гц)	Джиттер (локальный), %	Шиммер (локальный), %	Соотношение гармоника/шум (дБ)
Модальная фонация	223	181	279	2,05	12,64	9,05
Скрипучая фонация	129	65	196	2,33	12,63	5,96
Разность средних значений	94	116	83	-0,28	0,01	3,09
Соотношение Скрип / мод фонация	0,58	0,36	0,70	1,14	0,99	0,66

Таблица 3

АКУСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КАЧЕСТВА ГОЛОСА АМЕРИКАНСКИХ ДИКТОРОВ (S4–S6)

	ЧОТ _{ср} (Гц)	ЧОТ _{мин} (Гц)	ЧОТ _{макс} (Гц)	Джиттер (локальный), %	Шиммер (локальный), %	Соотношение гармоника / шум (дБ)
Модальная фонация	216	156	293	1,88	12,62	9,14
Скрипучая фонация	102	57	147	3,38	17,06	3,99
Разность средних значений	114	99	146	-1,5	-4,44	5,15
Соотношение Скрип / мод фонация	0,47	0,37	0,50	1,8	1,35	0,44

шумовых параметров меняются при переходе от модальной к скрипучей фонации: показатели джиттер увеличиваются с 1,88 % до 3,38 % и шиммер – с 12,62 % до 17,06 % соответственно; соотношение гармоника / шум уменьшается с 9,14 до 3,99 дБ. Для британской речи результаты не столь однозначны: если параметр гармоника / шум демонстрирует схожую тенденцию к уменьшению показателей с 9,05 до 3,09 дБ, то показатели джиттера и шиммера остаются почти неизменными для модальной и скрипучей фонации (джиттер 2,05 % и 2,33 %, шиммер 12,64 % и 12,63 % соответственно).

Все рассмотренные нами акустические характеристики, как показатели ЧОТ, так и шумовые параметры, оказываются информативными маркерами модальной и немодальной фонации в речи американских дикторов. На материале образцов британской речи нашего исследования модальная и скрипучая типы фонации не имеют выраженных акустических коррелятов. Исключение составляют лишь показатели ЧОТ. Полагаем, что расширение корпуса британской речи в последующих исследованиях позволит скорректировать полученные результаты и описать более полно реализацию скрипучей фонации на акустическом уровне в данном произносительном варианте.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного исследования позволяют говорить о том, что женщины носители американского произносительного варианта демонстрируют бóльшую частотность скрипучей фонации в своей речи по сравнению с носителями британского варианта. На выбор немодальной тембральной окраски голоса говорящего влияют как лингвистические, так и социальные факторы. Фрагменты скрипучей фонации часто локализуются в финальной части фразы и сопровождают нисходящее движение

голоса, маркируя смысловую завершенность высказывания. В ряде случаев скрипучая фонация либо выступает как средство эмфатический выделенности коммуникативного центра, либо используется говорящим для оформления парентезных конструкций. Социальная роль скрипучей фонации проявляется в ее использовании говорящим с целью создания персональной идентичности. Таким образом, скрипучая фонация может служить маркером узнаваемости образа, формируемого посредством переключения модальной и скрипучей фонации.

Безусловно, настоящее перцептивно-акустическое исследование немодальной фонации на материале женской речи в британской и американской лингвокультурах не может считаться исчерпывающим. Перспективы дальнейшего исследования качества голоса в социофонетическом контексте нам видятся в следующем:

- 1) Для более глубокого понимания причин вариативности использования немодальных типов фонации в речи необходимо расширение экспериментального корпуса по территориальному принципу за счет привлечения информантов из различных регионов англоговорящего сообщества.
- 2) Затронутое нами в вводной части направление исследований, посвященное изучению конвергенции по качеству голоса коммуникантов в процессе общения, может стать предметом отдельного фонетического исследования, так как на сегодняшний день не является достаточно разработанным.
- 3) Анализ восприятия немодальных типов фонации в англоязычной речи неносителями английского языка может стать важной составляющей исследований в рамках перцептивной диалектологии, одного из актуальных направлений современных социофонетических исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Dallaston K., Docherty G. The quantitative prevalence of creaky voice (vocal fry) in varieties of English: A systematic review of the literature // PLoS ONE. 2020. Vol. 15 (3). e0229960. DOI: 10.1371/journal.pone.0229960.
2. Карташевская Ю. В. Фонопрагматическая обусловленность изменения качества голоса в англоязычном дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 1 (830). С. 101–112.
3. Esling J. The identification of features of voice quality in social groups // Journal of the International Phonetic Association. 1978. № 8. P. 18–23.
4. Stuart-Smith J. Voice quality in Glaswegian // Proceedings of the International Congress of Phonetic Sciences. 1999. Vol. 14. P. 2553–2556.

5. Henton C., Bladon A. Creak as a sociophonetic marker // *Language, Speech, and Mind* / Ed. by L. Hyman, Ch. N. Li. London: Routledge, 1988. P. 3–29.
6. Sicoli M.A. Voice Registers // *The Handbook of Discourse Analysis, Second Edition* / Ed. by D. Tannen, H. E. Hamilton, D. Schiffrin. John Wiley & Sons, 2015. Vol. I. P. 105–126.
7. Yuasa I. P. Creaky voice: A new feminine voice quality for young urban-oriented upwardly mobile American women? // *American Speech*. 2010. № 85. P. 315–337.
8. Podesva R. J. Gender and the social meaning of non-modal phonation types // *Proceedings of the 37th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society* / Ed. by Ch. Cathcart, I.-H. Chen, G. Finley, Sh. Kang, C. S. Sandy, E. Stickles. 2013. Vol. 37. № 1. P. 427–448.
9. Абдуллина Р. Э. Тактики мелодической конвергенции в общении носителей британского варианта английского языка // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2024. Вып. 2 (883). С. 9–15.
10. Демина М. А., Карташевская Ю. В. Гендерно маркированные модели просодической согласованности коммуникантов в small talk // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2017. Вып. 5 (776). С. 9–31.
11. Shevchenko T., Gorbyleva A. Temporal concord in speech interaction: overlaps and interruptions in spoken American English // *Speech and Computer. SPECOM 2020. Lecture Notes in Computer Science*, 12335. 2020. P. 490–499.
12. Szczepek Reed B. *Analysing conversation: an introduction to prosody*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011.
13. Wright R., Mansfield C., Panfili L. Voice quality types and uses in North American English // *Anglophonia. French Journal of English Linguistics*. 2019. No 27. DOI: <https://doi.org/10.4000/anglophonia.1952>.
14. Ogden R. Non-modal voice quality and turn-taking in Finnish // *Sound Patterns in Interaction* / Ed. by E. Couper-Kuhlen, C. E. Ford. Amsterdam: Benjamins, 2004. P. 29–62.

REFERENCES

1. Dallaston, K., Docherty, G. (2020). The quantitative prevalence of creaky voice (vocal fry) in varieties of English: A systematic review of the literature. *PLoSOne*, 15(3):e0229960. [10.1371/journal.pone.0229960](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0229960).
2. Kartashevskaya, Y. V. (2020). Phonopragmatic conditioning of voice quality modification in English discourse. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 1(830), 101–112. (in Russ.)
3. Esling, J. (1978). The identification of features of voice quality in social groups. *Journal of the International Phonetic Association*, 8, 18–23.
4. Stuart-Smith, J. (1999) Voice quality in Glaswegian. *Proceedings of the International Congress of Phonetic Sciences*, 14, 2553–2556.
5. Henton, C., Bladon, A. (1988). Creak as a sociophonetic marker. In Hyman, L., Li, Ch. N. (Eds.), *Language, Speech, and Mind* (pp. 3–29). London: Routledge.
6. Sicoli, M. A. (2015). Voice Registers. In Tannen, D., Hamilton, H. E., Schiffrin, D. (Eds.), *The Handbook of Discourse Analysis* (vol. I, pp. 105–126). Second Edition. John Wiley & Sons.
7. Yuasa, I. P. (2010). Creaky voice: A new feminine voice quality for young urban-oriented upwardly mobile American women? *American Speech*, 85, 315–337.
8. Podesva, R. J. (2013). Gender and the social meaning of non-modal phonation types. In Cathcart, Ch., Chen I.-H., Finley, G., Kang, Sh., Sandy, C. S., Stickles, E. (Eds.), *Proceedings of the 37th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*, 37(1), 427–448.
9. Абдуллина, Р. Э. (2024). Tactics of pitch convergence in natural British English conversation. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2(883), 9–15. (In Russ.)
10. Demina, M. A., Kartashevskaya, Y. V. (2017). Gender-marked patterns of prosodic attunement in small talk. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 5(776), 9–31. (In Russ.)
11. Shevchenko, T., Gorbyleva, A. (2020). Temporal concord in speech interaction: overlaps and interruptions in spoken American English. *Speech and Computer. SPECOM 2020* (pp. 490–499). *Lecture Notes in Computer Science*, 12335.
12. Szczepek Reed, B. (2011). *Analysing conversation: an introduction to prosody*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
13. Wright, R., Mansfield, C., Panfili, L. (2019). Voice quality types and uses in North American English. *Anglophonia. French Journal of English Linguistics*, 27. <https://doi.org/10.4000/anglophonia.1952>.
14. Ogden, R. (2004). Non-modal voice quality and turn-taking in Finnish. In Couper-Kuhlen, E., Ford, C. E. (Eds.), *Sound Patterns in Interaction* (pp. 29–62). Amsterdam: Benjamins.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ**Карташевская Юлия Владимировна**

кандидат филологических наук, доцент

заведующий кафедрой фонетики английского языка факультета английского языка

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR**Kartashevskaya Yulia Vladimirovna**

PhD (Philology), Associate Professor

Head of the English Phonetics Department

Faculty of English, Moscow State linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

15.11.2024
24.12.2024
09.01.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Повествование в судебном дискурсе: как юристы используют жесты при смене перспективы во вступительной речи

А. В. Леонтьева¹, О. В. Агафонова²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

^{1,2}Институт языкознания РАН, Москва, Россия

¹lentevanja27@gmail.com, ²olga.agafonova92@gmail.com

Аннотация. В исследовании рассматривается использование юристами вербальных и невербальных средств коммуникации во вступительной речи во время судебных процессов, в частности проанализированы случаи смены перспективы для использования «голосов» других участников процесса. Во вступительной речи излагаются позиции как обвинения, так и защиты, юристы используют при этом перспективу («голоса») различных сторон процесса – свидетелей, жертв, экспертов и обвиняемых для того, чтобы укрепить доверие и вызвать эмоциональный отклик у присяжных. Проведенное полимодальное исследование речевых паттернов, а также жестов, сопровождающих речь, в двух уголовных делах показало ряд особенностей в использовании юристами прямой и косвенной речи. Результаты анализа речевого поведения юристов показывают, что использование жестов не только способствует поддержанию линии повествования, но и помогает присяжным в восприятии уголовного дела.

Ключевые слова: жесты, смена перспективы, полимодальная коммуникация, судебный дискурс, анализ дискурса

Благодарность: Разделы «Введение» и «Методы и материал исследования» разработаны в рамках Государственного задания Минобрнауки РФ «Креативность в повседневной коммуникации: анализ устной речи с учетом полимодальности» в Московском государственном лингвистическом университете. Остальные разделы выполнены в рамках Государственного задания Минобрнауки РФ «Социопрагматические факторы адаптации вербального и кинетического поведения в русском звучащем и русском жестовом языках» в Институте языкознания РАН.

Для цитирования: Леонтьева А. В., Агафонова О. В. Повествование в судебном дискурсе: как юристы используют жесты при смене перспективы во вступительной речи // Вестник Московского лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1 (895). С. 61–67.

Original article

Narration in Law Discourse: How Attorneys Gesture When Changing Voices in Opening Statements

Anna V. Leonteva¹, Olga V. Agafonova²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

^{1,2}Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia

¹lentevanja27@gmail.com, ²olga.agafonova92@gmail.com

Abstract. This research examines how attorneys employ verbal and nonverbal communication means in their opening statements during trials, with a particular focus on how they use voices. Opening statement presents the stances of both the prosecution and defense teams, often incorporating various voices – such as those of witnesses, victims, experts and defendants – to bolster credibility

and elicit emotional responses from jurors. By conducting a multimodal analysis of speech patterns and co-speech gestures in two high-profile criminal cases, the study uncovers several distinctions in the use of direct and indirect speech. The results indicate that the incorporation of gestures not only supports spoken narratives but also assists jurors in grasping complex scenarios.

Keywords: gesture, stance, multimodal communication, law discourse, discourse analysis.

Acknowledgments: Sections “Introduction” and “Data and methods” were devised under the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education ‘Creativity in everyday communication: the analysis of speech in context of multimodality’ at Moscow State Linguistic University. All the other sections were devised under the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education ‘Sociopragmatic factors of adaptation of verbal and non-verbal behavior in the Russian language and the Russian sign language’ at Institute of Linguistics RAS.

For citation: Leonteva, A. V., Agafonova O. V. (2025). Narration in law discourse: How attorneys gesture when changing voices in opening statements. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 1(895), 61–67.

INTRODUCTION

The language in court is considered as a tool used by the opposing sides to compete over the outcome of the process. In order to do that, the arguments and facts are presented. In the current study we concentrate on the very first step of a trial, opening statements, the roadmap that is presented to outline the major events and the position of each side. Opening statements quite often take a shape of a narrative, that describes past, present and even future events. To accomplish the narration and to make it more persuasive the attorneys can resort to different voices that they use throughout their speech in order to present facts and arguments which would make their statement more credible [Supardi, 2016]. As the opening statements are a roadmap, they are the first chance for speakers to address the jury and to present their versions of the same story, which is both informative and argumentative in its nature [Chaemsaitong, 2017]. One of the aspects of this nature is related to various use of stance by attorneys. Moreover, the strategic use of voice in opening statements not only enhances persuasion but also serves to construct a multifaceted narrative that resonates with jurors on emotional and cognitive levels. By integrating various perspectives—whether through direct quotations from witnesses or hypothetical scenarios – the attorney can evoke empathy and challenge preconceived notions held by the jury [Chaemsaitong, 2018]. This interplay of voices creates a dynamic discourse that reflects the complexities of human experience, compelling jurors to engage more deeply with the presented case. Furthermore, the effectiveness of these narratives often hinges on linguistic techniques such as metaphor, repetition, and rhetorical questioning, which serve to reinforce key arguments while

simultaneously inviting jurors to question their biases and assumptions about the events being recounted [Supardi, 2016]. In this way, the opening statement becomes not just an introduction to the trial, but a powerful tool for shaping perceptions and influencing outcomes right from the outset.

THEORETICAL FRAMEWORK

The terms stance [Biber et al., 1999], footing [Goffman, 1981], voice [Ivanič, Camps, 2001], and point of view [Simpson, 1993] are widely applied in linguistics when describing the attitude of a speaker towards some topic. They can be expressed through different lexical markers, e.g., hedges [Brown, Levinson, 1978], adverbs of evidentiality [Chafe, 1985], “speaker-oriented” adverbs [Jackendoff, 1972] or “disjuncts” – adverbs that are used to modify the whole sentence / expression, e.g., *truthfully*, *certainly*, etc., [Quirk et al., 1985], epistemic expressions (expressing precision / limitation, certainty / doubt), utterances indicating attitudes or feelings, and style-related collocations [Biber et al., 1999]. In legal discourse stance is also important and is expressed frequently through such evaluative adjectives and adverbs as *correct(ly)*, *reasonable(ly)*, and *appropriate(ly)* [Breeze, 2011]. Taking into consideration that one of the main objectives of the law discourse according to its genre is to be unbiased and impersonal, i.e., to present information as it is, several studies claim that this type of discourse is quite evaluative and interpersonal as the speakers use strategic word choice of different language means in order to support their claims, beliefs, intentions through evaluation, comparison and contrast [Harris, 2005; Cotterill, 2010]. M. Toolan mentions, that using stance markers turns such narratives into “evaluated point-laden” type [Toolan, 2005].

Other discourse-related markers are those which indicate other people's voices through speech and thought, e.g., *I heard / told / remember / thought* [Clift, 2006].

DATA AND METHODS

In this study we concentrate on voices that attorneys use when presenting their stance. The use of such voices can make the speech more credible, as it is not the attorney speaking, but the witness / expert / defendant / victim. Voices can also help to align the chronotope of the story as each voice tells a particular episode that he/she participated in [Chaemsaithong, 2017].

For the purposes of the study, the multimodal analysis has been conducted, i.e., it included the analysis of two communication levels: speech and gesture. To analyze both speech and gesture we used ELAN as an annotating tool¹.

The speech was first separated into elementary discourse units (EDUs) [Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса, 2009] and then the markers of voices were searched for and annotated according to if the speech was direct: quotes (*boy, I've made a mistake; Brenda said "that's enough"*), shifts to the first person singular (*he gave it to her; I gave it to him*), addressing (*listen, if you're not working*) or indirect: past tenses (*thought she had a rebound marriage and what that did...*) use of third person pronouns (*he talks with them and tells them... that on that weekend, that he had Kylie*) [Chaemsaithong, 2017]. Also, each EDU was

¹ELAN (Version 6.6) [Computer software]. (2024). Nijmegen: Max Planck Institute for Psycholinguistics. The Language Archive. URL: <https://archive.mpi.nl/tla/elan>

annotated according to the voice the speaker used: witness, expert (police, paramedics, doctors, etc.), defendant and victim.

The nonverbal part of the communication, co-speech gestures, was studied from the angle of the functional approach to explore the alignment between speech and gesture based on semiotic studies of O. Iriskhanova and A. Cienki [Iriskhanova, Cienki, 2018]. Following this typology, we can differentiate several **types of gestures** based on 15 functions: deictic (pointing, touching, direction), representational (holding, molding, embodying, acting, tracing), pragmatic (discourse structuring, discourse representational, discourse emphatic, expressing attitude / evaluation, contact establishing gestures), adapters (self-adapters and object-adapters) (cf. [Iriskhanova O. et al., 2023]). For the purposes of our study, we exclude the latter category as there were only 2 cases of the adapter use in the current corpus.

The material is a video recording of two high-profile criminal cases, presented by both prosecution and defense. The total duration of the videocorpus is 76 minutes, the total amount of the analyzed EDUs accounts for 1531.

RESULTS

The analysis of the speech showed that the attorneys used 231 EDUs that represented direct/indirect speech of the others, which allows us to observe a tendency to narrate events from a different perspective. In addition, the discourse of prosecution included 91 EDUs with voices, whereas the discourse of the defense 234 EDUs of the kind. It appears that the difference in proportions of the use of voices can

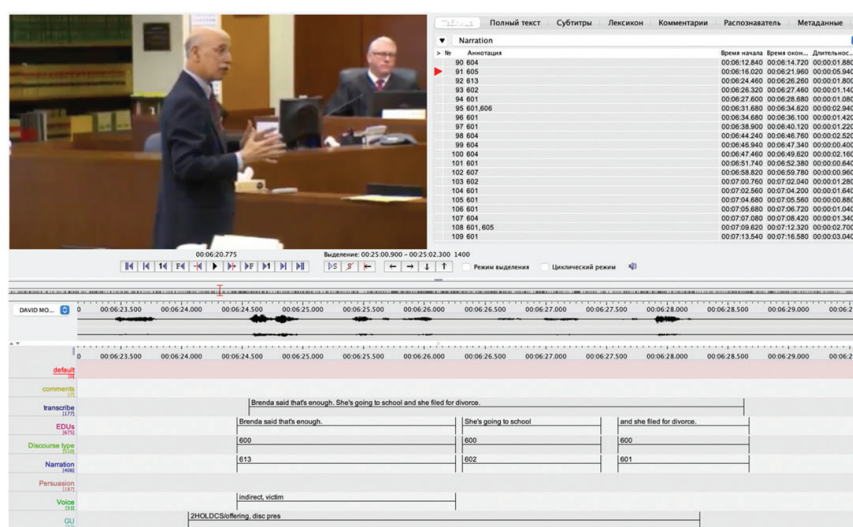

Fig. 1. The example of the analysis in ELAN

be observed between the two types of discourse. The difference in the use of voices between the opposing sides can indicate that the defense tends to narrate stories through the voices of others. The results are consistent with the those obtained by K. Chaemsaithong and might be a specific trait of the defense opening statements [Chaemsaithong, 2017].

Both sides use direct and indirect speech when using voices of other participants of the trial. The total amount of EDUs with indirect speech is 199 and direct speech amounts to 126 EDUs. Prosecution used 43 EDUs with indirect speech and 48 EDUs with direct. The defense used 156 EDUs with indirect speech and 78 with direct. Hence, the allocation of direct and indirect speech differs between the prosecution and defense. While the prosecution tends to use both types of speech equally, the defense relies more heavily on indirect speech. This preference for indirect speech by the defense may suggest an attempt to portray events more objectively, as if recounting them rather than reenacting them.

The distribution of the voices showed that the speakers spoke as experts (52), witnesses (68), opposing side (11), victims (43) and the defendant (107).

The scattering of the voices used by the prosecution is as follows: experts (26), witnesses (11), victims (38) and the defendant (16). The voice of the victim is the most frequently used by the prosecution, which can indicate the need for emotional response from the audience and can also be dictated by the absence of the victim at court. In addition, it adds to the credibility of the arguments, presented by the speakers.

Voices used by the defense illustrate a bit different tendency: experts (69), witnesses (57), opposing side (11), victims (5) and the defendant (91). First, it should be noted, that the voices of the opposing side were used only by the defense attorneys (e.g., *and the state talks about; now, the state may say, for them, that's good enough to call it arson*) and not by the prosecution. The use of the voice of the opposing side by the defense might be explained by the order in which the attorneys present their speech. The defense always presents second, so they might have time to listen and after that use what they have heard from the statements of the prosecution. Also, as it can be seen, the defense tends to speak from the defendant's perspective. It might be interpreted by the circumstances, i.e., the defense lawyers spend more time consulting their client, so they naturally take his/her point of view. In addition, as the defendant cannot take part in the discussion, the lawyers act as his/her voice during the statements. In addition, the defense uses

witnesses' and experts' voices quite often in order to support their arguments, presenting their point of view in favour of their statement.

The nonverbal analysis showed that EDUs were mostly accompanied by gestures: only 46 EDUs out of 231 were used without co-speech gestures. The prosecution used pragmatic (26), representational (22), and deictic (4) gestures. The defense also used pragmatic (128), representational (21), and deictic (58) gestures. The difference in the prevalence of gestures with the defense lawyers might be due to the distribution of voices in general (the defense tends to use voices more). The prosecution uses nearly the same amount of pragmatic and representational gestures, however, the defense resorts to pragmatic gestures, especially with the emphatic function (Fig. 2).

...because the state wants to tell you...

Fig. 2. Example of a pragmatic (emphatic) cutting gesture

The distribution of gestures and voices showed the following results. The prosecution (*see* Table 1) mostly used pragmatic gestures while using the victim's voice.

This can be seen in the frequent case of the palm up / lateral / down open hand, which is usually used when addressing the listener and/or presenting information (17 cases). As it is represented in Fig. 3, the speaker enacts the action of the victim, recreating a dialogue between her and her attacker, the ex-husband.

Table 1

THE DISTRIBUTION OF VOICE AND GESTURE IN PROSECUTION DISCOURSE

Gesture Voices	Deictic	Pragmatic	Representational	Total (N)
Direct, expert	2	3	10	15
Direct, victim	0	15	6	21
Direct, witness	0	3	0	3
Indirect, defendant	0	0	0	0
Indirect, expert	2	4	5	11
Indirect, witness	0	4	0	4
Total (N)	4	26	22	52

Hey, make sure you have Kylie ready to go at 7. I'll be there at 7.

Fig. 3. Example of a pragmatic (addressing) offering gesture

(the only thing we can't eliminate) is arson

Fig. 4. Example of a representational (holding) gesture

but had her own garage door opener

Fig. 5. Example of a pragmatic (discourse presenting) offering gesture

(the defendant's voice) upstairs

Fig. 6. Example of a deictic (pointing) palm lateral up gesture

The distribution also shows some noticeable use of representation with experts' voice. It might be explained by the specifics of their speech, as their voice is used to introduce facts and details, which might be a bit complicated for the general public and thus, accompanied by illustrative representation (Fig. 4).

The analysis of the defense statements (see Table 2) revealed a prevalence in pragmatic gestures with different types of voices, especially when enacting the defendant (59 cases in total). It might indicate a need to appeal to the listeners and the jury from the defendant's side (Fig. 5).

Table 2

THE DISTRIBUTION OF VOICE AND GESTURE IN DEFENSE DISCOURSE

Gesture Voices	Deictic	Pragmatic	Representational	Total (N)
Direct, defendant	9	8	3	20
Direct, expert	4	17	0	21
Direct, victim	0	4	0	4
Direct, witness	11	12	2	25
Indirect, defendant	11	51	4	66
Indirect, expert	11	18	10	39
Indirect, opposite side	4	5	0	9
Indirect, witness	8	12	2	22
Indirect, victim	0	1	0	1
Total (N)	58	128	21	207

Deictic gestures are also quite frequent with the defense and were implemented when speaking from

the defendant's (20), witnesses' (19) and experts' (15) perspectives.

Deictic gestures can add to the organization of time and space around speakers, that is why their use can be relevant as for the attorney, in order to continue one's speech, and for the listeners, as these gestures can help recreate the location and, consequently, a scene from the past/future, which adds to the credibility of the overall argumentation (see Fig. 6 as an instance).

CONCLUSION

To summarize, the opening statements in legal proceedings represent a crucial moment where lawyers skillfully employ verbal and non-verbal communication to mold jurors' perceptions and sway case results. This research underscores the complex nature of narratives presented during these statements, stressing the significance of voice and stance in crafting persuasive arguments. A thorough examination of both speech and gestures demonstrates that attorneys adopt various personas, including those of witnesses, victims, and experts, to bolster credibility and elicit emotional responses, thus engaging jurors on deeper cognitive and affective levels. The study reveals significant distinctions in the use of direct and indirect speech between prosecution and defense, with the latter utilizing a wider range of voices to support their clients. The incorporation of multimodal elements, especially gestures, further emphasizes the dynamics of courtroom discourse as they reinforce spoken narratives and facilitate jurors' comprehension of intricate events [Yuan, 2019]. In essence, this investigation contributes to the understanding of legal rhetoric, demonstrating how the interaction between language and non-verbal cues can impact judicial proceedings [Lipovsky, 2017].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Supardi S. Language power in courtroom: the use of persuasive features in opening statement // *Indonesian Journal of Applied Linguistics*. 2016. Vol. 6. № 1. P. 70.
2. Chaemsaithong K. Speech reporting in courtroom opening statements // *Journal of Pragmatics*. 2017. Vol. 119. P. 1–14.
3. Chaemsaithong K. Use of voices in legal opening statements // *Social Semiotics*. 2018. Vol. 28, № 1. P. 90–107.
4. Biber D. [et al.]. *Longman Grammar of Spoken and Written English* / D. Biber, S. Johansson, G. Leech, S. Conrad, E. Finegan. Essex: Pearson Education Ltd., 1999.
5. Goffman E. *Forms of talk*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1981.
6. Ivanič R., Camps D. I am how I sound: Voice as self-representation in L2 writing // *Journal of Second Language Writing*. 2001. Vol. 10. № 1–2. P. 3–33.
7. Simpson P. *Language, ideology, and point of view*. London ; New York: Routledge, 1993.
8. Brown P., Levinson S. *Universals in Language Usage: Politeness Phenomena* // *Questions and Politeness: Strategies in Social Interaction* / Ed. by E. Goody. Cambridge: Cambridge University Press, 1978.
9. Chafe W. L. Linguistic differences produced by differences between speaking and writing // *Literacy, Language, and Learning: The Nature and Consequences of Reading and Writing* / Ed. by D. R. Olson, N. Torrance, A. Hiidyard. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
10. Jackendoff R. *Semantic Interpretation in Generative Grammar*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1972.
11. Quirk R. et al. *A Comprehensive Grammar of the English Language*. London: Longman, 1985.
12. Breeze R. Disciplinary Values in Legal Discourse: A Corpus Study // *Ibérica*. 2011. Vol. 21. P. 93–116.
13. Harris S. J. Telling stories and giving evidence: The hybridisation of narrative and non-narrative modes of discourse in a sexual assault trial // *Studies in Narrative* / Ed. by J. Thornborrow, J. Coates. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2005. Vol. 6. P. 215–237.
14. Cotterill J. Interpersonal issues in court: Rebellion, resistance and other ways of behaving badly // *Interpersonal Pragmatics* / Ed. by M. A. Locher, S. L. Graham. Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 2010. P. 353–380.
15. Toolan M. J. *Narrative. A Critical Linguistic Introduction*. London: Routledge, 2005.
16. Clift R. Indexing stance: Reported speech as an interactional evidential // *Journal of Sociolinguistics*. 2006. Vol. 10. № 5. P. 569–595.
17. Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса / под ред. А. А. Кибрик, В. И. Подлесская. М.: Языки славянских культур, 2009.
18. Iriskhanova O. K., Cienki A. The semiotics of gestures in cognitive linguistics: Contribution and challenges // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2018. № 4. С. 25–36.
19. Multimodal collaboration in expository discourse: Verbal and nonverbal moves alignment / O. Iriskhanova et al. // *Speech and Computer* / Ed. by A. Karpov et al. Cham: Springer Nature Switzerland, 2023. Vol. 14338. P. 350–363.
20. Yuan C. A battlefield or a lecture hall? A contrastive multimodal discourse analysis of courtroom trials // *Social Semiotics*. 2019. Vol. 29. № 5. P. 645–669.
21. Lipovsky C. Storytelling in legal settings: A case study from a Crown Prosecutor's opening statement // *Australian Review of Applied Linguistics*. 2017. Vol. 40. № 1. P. 71–91.

REFERENCES

1. Supardi, S. (2016). Language power in courtroom: The use of persuasive features in opening statement. *Indonesian Journal of Applied Linguistics*, 6(1), 70.
2. Chaemsaithong, K. (2017). Speech reporting in courtroom opening statements. *Journal of Pragmatics*, 119, 1–14.
3. Chaemsaithong, K. (2018). Use of voices in legal opening statements. *Social Semiotics*, 28(1), 90–107.
4. Biber, D., Johansson, S., Leech, G., Conrad, S., Finegan, E. (1999). *Longman Grammar of Spoken and Written English*. Pearson Education Ltd.
5. Goffman, E. (1981). *Forms of talk*. University of Pennsylvania Press.
6. Ivanič, R., Camps, D. (2001). I am how I sound: Voice as self-representation in L2 writing. *Journal of Second Language Writing*, 10(1–2), 3–33.
7. Simpson, P. (1993). *Language, ideology, and point of view*. London ; New York: Routledge.
8. Brown, P., Levinson, S. (1978). *Universals in Language Usage: Politeness Phenomena*. In Goody, E. (Ed.), *Questions and Politeness: Strategies in Social Interaction*. Cambridge: Cambridge University Press.
9. Chafe, W. L. (1985). Linguistic differences produced by differences between speaking and writing. In Olson, D. R., Torrance, N., Hiidyard, A. (Eds.), *Literacy, Language, and Learning: The Nature and Consequences of Reading and Writing*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Jackendoff, R. (1972). *Semantic Interpretation in Generative Grammar*. Cambridge, Mass.: MIT Press.

11. Quirk, R., Greenbaum, S., Leech, G., Svartvik, J. (1985). A Comprehensive Grammar of the English Language. London: Longman.
12. Breeze, R. (2011). Disciplinary Values in Legal Discourse: A Corpus Study. *Ibérica*, 21, 93–116.
13. Harris, S.J. (2005). Telling stories and giving evidence: The hybridisation of narrative and non-narrative modes of discourse in a sexual assault trial. In Thornborrow, J., Coates, J. (Eds.), *Studies in Narrative* (vol. 6, pp. 215–237). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.
14. Cotterill, J. (2010). Interpersonal issues in court: Rebellion, resistance and other ways of behaving badly. In Locher, M. A., Graham, S. L. (Eds.), *Interpersonal Pragmatics* (pp. 353–380). Berlin, New York: De Gruyter Mouton.
15. Toolan, M. J. (2005). *Narrative. A Critical Linguistic Introduction*. London: Routledge.
16. Clift, R. (2006). Indexing stance: Reported speech as an interactional evidential. *Journal of Sociolinguistics*, 10(5), 569–595.
17. Kibrik, A. A., Podlesskaya, V. I. (Eds.). (2009). *Night Dream Stories: A corpus study of spoken Russian discourse*. Moscow: LRC Publishing House. (In Russ.)
18. Iriskhanova, O. K., & Cienki, A. (2018). The Semiotics of Gestures in Cognitive Linguistics: Contribution and Challenges. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 4, 25–36.
19. Iriskhanova, O. et al. (2023). Multimodal Collaboration in Expository Discourse: Verbal and Nonverbal Moves Alignment. In Karpov, A. et al. (Eds.), *Speech and Computer* (vol. 14338, pp. 350–363). Cham: Springer Nature Switzerland.
20. Yuan, C. (2019). A battlefield or a lecture hall? A contrastive multimodal discourse analysis of courtroom trials. *Social Semiotics*, 29(5), 645–669.
21. Lipovsky, C. (2017). Storytelling in legal settings: A case study from a Crown Prosecutor's opening statement. *Australian Review of Applied Linguistics*, 40(1), 71–91.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Леонтьева Анна Васильевна

кандидат филологических наук
старший научный сотрудник Центра социокогнитивных исследований дискурса (СКоДис)
старший преподаватель кафедры фонетики английского языка
Московского государственного лингвистического университета
младший научный сотрудник Лаборатории мультимедийной коммуникации
Института языкознания Российской академии наук

Агафонова Ольга Владимировна

младший научный сотрудник Центра социокогнитивных исследований дискурса (СКоДис)
старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий
Московского государственного лингвистического университета
младший научный сотрудник Лаборатории мультимедийной коммуникации
Института языкознания Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Leonteva Anna Vasilievna

PhD in Philology
Senior Researcher at the Centre for Sociocognitive Discourse Studies (SCoDis)
Senior Lecturer at the Department of English phonetics, Moscow State Linguistic University
Junior Researcher at the Laboratory of Multichannel Communication, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Agafonova Olga Vladimirovna

Junior Researcher at the Centre for Sociocognitive Discourse Studies (SCoDis)
Senior Lecturer at the Department of linguistics and professional communication in the sphere of media technologies
Moscow State Linguistic University
Junior Researcher at the Laboratory of Multi-Channel Communication
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

12.11.2024
22.12.2024
09.01.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 81'25:(811.161.1=811.222.1)

К вопросу о способах передачи персидских реалий

А. Н. Рогожина

*Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия
rogozhina-alina@mail.ru*

Аннотация. В статье ставится проблема передачи персидских реалий в рамках двух основных переводческих стратегий: доместикации и форенизации. Целью данного исследования является определение наиболее часто используемой стратегии при переводе персидских реалий в художественных текстах. Автор приводит примеры реалий из персидской литературы, а также способы их передачи на русский язык. Научная новизна работы обусловлена сравнением языковых картин мира России и Ирана. В результате исследования была определена основная стратегия при передаче персидских реалий и способы их передачи.

Ключевые слова: реалии, персидские реалии, языковая картина мира, способы перевода, переводческие стратегии, доместикация, форенизация

Для цитирования: Рогожина А. Н. К вопросу о способах передачи персидских реалий // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1 (895). С. 68–74.

Original article

On the Question of Methods of Conveying Persian Realias

Alina N. Rogozhina

*Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia
rogozhina-alina@mail.ru*

Abstract. The article deals with such a problem as the translating of Persian realias through two main translation strategies: domestication and foreignization. The purpose of this study is to determine the most frequently used strategy in translating Persian realities in fiction. The author gives examples of realias from Persian literature and the ways of translating them into Russian. The scientific novelty of the work lies in the comparison of the language picture of Russia and Iran. As a result of the study, the main strategy for translating Persian realities and the methods of translating them were determined.

Keywords: realias, Persian realias, language picture of the world, translation methods, translation strategies, domestication, foreignization

For citation: Rogozhina, A. N. (2025). Translating methods of persian realias. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(895), 68–74. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Передача реалий является одной из самых сложных задач для любого переводчика. Под этим термином понимаются специфические понятия, которые существуют в исходной культуре, но отсутствуют в культуре переводящего языка. Для того, чтобы передать реалии, переводчику необходимо не только грамотно воспроизводить смыслы, отсылки, аллюзии и передавать значения незнакомых явлений на другом языке, но и владеть знаниями о неотделимой от него картине мира.

Языковая картина мира является ключевым аспектом культурной идентичности народа и отражает его уникальные ценности, традиции и образ жизни, поскольку формируется под влиянием исторических, социокультурных и религиозных факторов, опыта общения и взаимодействия с другими этническими сообществами.

В рамках теории перевода существует два абсолютно разных подхода при передаче языковых реалий: доместикация и форенизация. Доместикация минимизирует чужеродность исходного текста средствами родного языка, в то время как форенизация направлена на максимальное сохранение этой чужеродности.

Актуальность данного исследования обусловлена особой общностью Ирана и России. Она, в свою очередь, сформировалась благодаря сотрудничеству двух стран. Результатом этого сотрудничества стал интерес в России к Ирану и в Иране к России. Тем не менее долгий период закрытости Ирана сильно повлиял на степень осведомленности русской аудитории об Иране и о персидской культуре. Именно по этой причине передача персидских реалий, понятная для носителей русского языка, представляет собой сложную и ответственную задачу: именно от мастерства переводчика зависит, какой предстанет страна, ее нация и быт для представителей другой культуры. В связи с этим перевод персидских реалий на русский язык с одновременным сохранением и их колорита, и их значения продолжает оставаться предметом интереса множественных лингвистических исследований.

Данная статья представляет собой исследование, направленное на определение основной стратегии для передачи персидских реалий в художественных текстах в рамках двух основных переводческих стратегий. Согласно цели исследования, предлагается решить следующие задачи:

- рассмотреть понятие «реалии» и «языковой картины мира»;
- сопоставить языковые картины мира Ирана и России;

- определить способы перевода реалий при доместикации и форенизации;
- выявить основную стратегию при передаче персидских реалий в художественных текстах.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Источником материала явились произведения персидской литературы в переводе на русский язык: Хабиб Ахмад-заде «Шахматы с машиной страшного суда» (2015); «Свет любви и веры». Современная иранская проза (2018); Реза Амир-Хани «Её я» (2021); Мониру Раванипур «Долгая ночь» (1988); Махшид Амиршахи «Сборник После последнего дня. Рассказ Интервью» (2015); Махшид Амиршахи «Сборник После последнего дня. Рассказ Имя-наречение» (2015); Шахрияр Замани «Нахид» (2020).

Основными методами исследования являются сопоставительный и описательный методы, использующиеся для сравнения языковых элементов и их подробного описания.

Теоретической базой исследования послужили следующие работы в области лингвистики, посвященные изучению такого языкового явления, как реалии: С. Влахова, С. Флорина [Влахов, Флорин, 1980], Г.Д. Томашина [Томахин, 1981; Томахин, 1988], М. Л. Алексеевой [Алексеева, 2007] и др.; в области лингвокультурологии, посвященные описанию связи языка и культуры: М. Л. Вайсбурда [Вайсбурд, 1972], В. Гумбольдта [Гумбольдт, 1984], Й. Л. Вайсгербера [Вайсгербер, 2004] и др.; в области перевода, описывающие такие переводческие стратегии как доместикацию и форенизацию: Л. Вентути [Venuti, 1995], С. Басснетт и А. Лефевр [Bassnet, Lefevere, 1998], Ю. Найда [Nida, 2001] и др.

ПОНЯТИЕ «РЕАЛИЯ»

В ранних теоретических работах, посвященных проблемам перевода, понятие «реалия» не обладало терминологической закрепленностью.

Такой термин был предложен С. И. Влаховым и С. П. Флориным после публикации книги «Непереводимое в переводе», в которой содержалось следующее определение: «Реалии — это слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и / или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках и, следовательно, не поддаются переводу на общих основаниях, требуя особого подхода» [Влахов, Флорин, 1980, с. 47].

Обратимся к Толковому переводоведческому словарю Л. Л. Нелюбина, в котором дано такое определение реалиям: «слова или выражения, обозначающие предметы, понятия, ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке» (с. 178)¹.

С лингвистической точки зрения реалия – это величина, которая обеспечивает связь предметного содержания языковой единицы с особым историческим отрезком [Томахин, 1981]. Историзм придает реалии особый национальный колорит.

Тем не менее специфика реалий до сих пор изучена не в полном объеме, поэтому единых и четких критериев для определения принадлежности слова или словосочетания к реалиям нет. Например, М. Л. Вайсбурд относил к реалиям такие явления как: общественные и культурные события, общественные организации и учреждения, произведения литературы и искусства, природные объекты и т. д. [Вайсбурд, 1972]. Томахин считал реалиями цитаты и крылатые слова [Томахин, 1988]. По мнению М. Л. Алексеевой, реалии – это нарицательные существительные или выражения [Алексеева, 2007].

Иными словами, реалии – это культурно-специфическая лексика, обозначающая предметы, явления, присущие другому языковому сообществу и отсутствующие в переводящем языке, именно поэтому реалии являются неотъемлемой частью языковой картины мира любого народа.

ПОНЯТИЕ «ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА»

Впервые об особом языковом мировоззрении заговорил В. Гумбольдт в своей книге о внутренней форме языка и духе народа [Гумбольдт, 1984]. Согласно Гумбольдту, язык не просто средство коммуникации, а особая форма мышления, которая отражает уникальное отношение человека к миру. Ученый считал, что каждый язык имеет свою собственную структуру и специфику, которая определяет способ мышления и восприятия носителей этого языка.

Сам термин «языковая картина мира» получил распространение в научной среде в работах немецкого лингвиста Л. Вайсгерберера [Вайсгербер, 2004]. На основе учения В. Гумбольдта Вайсгербер разработал собственное учение о языковой картине мира. Он утверждал, что язык не только передает информацию о мире, но и активно формирует наше понимание реальности. По убеждению ученого, языковая картина мира описывает специфическую систему ценностей, норм, верований и обычаев, воплощенных в языке

и отражающих культурные особенности определенного сообщества.

Согласно гипотезе лингвистической относительности, известной как гипотеза Сепира-Уорфа, структура языка, на котором говорит человек, влияет на его способы мышления, восприятия мира и культурные представления. По сути люди мыслят одними и теми же логическими категориями (пол, время, пространство), но в разной языковой форме передают эту объективную реальность. Несмотря на то, что научное сообщество отнеслось к этой гипотезе весьма скептически, именно идеи Сепира и Уорфа стали основой для дальнейших исследований в области языка, культуры и психологии.

Таким образом, *языковая картина мира* представляет собой определенную зафиксированную схему восприятия действительности. Она строится на языковом и экстралингвистическом опыте прошлых поколений.

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА РОССИИ И ИРАНА

Учитывая географическое соседство и тесное взаимовыгодное сотрудничество России и Ирана на протяжении долгого исторического периода, не удивительно, что в Иране возрос интерес к русскому языку. Впрочем, этот процесс нельзя назвать односторонним. Персидский язык стал одним из самых изучаемых и исследуемых восточных языков в России.

Русский и персидский языки входят в единую индоевропейскую семью, но не являются близкородственными. Есть основания говорить лишь о заметном влиянии, которые эти языки оказали друг на друга в силу множественных исторических и культурных контактов. Взаимовлияние двух языков отразилось, прежде всего, на лексическом уровне. Так, в русском языке появились такие реалии, как *شال* (šāl) – «шаль», *شاهمات* (šāhmāt) – «шахматы», *پیاله* (piyāle) – «пиала», *جامدان* (jāmedān) – «чемо-дан», *پادشاه* (pādešāh) – «падишах», *چادر* (čādor) – «чадра», *نوروز* (nowruz) – «ноуруз» и т. п., а в персидском языке: *سوخاری* (suxāri) – «сухари», *واگن* (vāgon) – «вагон», *ساموار* (samāvar) – «самовар», *کالاسکه* (kālaske) – «коляска», *بالالایکا* (bālālāykā) – «балалайка», *اشکاف* (eškāf) – «шкаф», *پیراشکی* (pirāški) – «пирожки» и др.

Появление таких реалий в языках объясняется, в первую очередь, множественными точками соприкосновения России и Ирана. Но несмотря на наличие общего между этими двумя странами, культуры России и Ирана сильно различаются.

Рассмотрим эти отличия на примере языковых картин мира русского и персидского языков.

¹Толковый переводоведческий словарь / под ред. Л. Л. Нелюбина. 3-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 178.

Таблица 1

СРАВНЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА
РОССИИ И ИРАНА

Категория сравнения	Россия	Иран
Цвета, символизирующие:		
Процветание, здоровье	Красный	Зеленый
Траур	Черный	Синий
Несчастливая любовь	Желтый	Золотистый
Кухня	Разрешено все	Есть ограничения
Ручные промыслы	Гжель	میناکاری Minākāri («Минакари»)
Страна	Светская	Религиозная
Праздники	Новый год День Победы	نوروز Nowruz («Ноуруз») روز انقلاب اسلامی Ruz-e enyelāb-e eslāmi («День Исламской Революции»)
Календарь	Григорианский	هجری شمسی/قمری Hejri-ye šamsi/ yomari (Солнечная / лунная хиджра)
Начало недели/ выходные дни	Понедельник / суббота, воскресенье	Суббота/четверг, пятница
Отношение ко време- ни / грамматическая категория времени	Опоздание неприемлемо Настоящее и будущее время (отдельно)	Опоздание приемлемо Настоящее-будущее время
Темперамент нации	Спокойный	Вспыльчивый
Жестикуляция	Пассивная	Активная
Выражение согласия / отказа	Покачивание головой	Приподнятие бровей, «цыканье»
Встреча	Рукопожатие, объятие	Троекратный поцелуй
Восприятие звуков животных:		
петух	Кукареку	قو قولى کوکو yūyuliyūyulī
утка	Кря-кря	کواک کواک kvāk-kvāk
волк	У-у-у	زوزه zu-ze
лягушка	Ква-ква	قورقور yur-yur
Обращение к младенцу	Зайка	گوگولی مگولی gugulī mogulī
	котенок и т.д.	کچولو موچولو kučulu mučulu

Официальная денежная единица	Рубль	ریال riāl («риал»)
Обращение к женщине	Девушка / женщина	خانم xānom («Госпожа»)
Обращение к мужчине	Молодой человек / мужчина	آقا āyā («Господин»)

Так, мы видим сильные различия в цветовосприятии русских, с одной стороны, и персов – с другой: на протяжении всей своей истории русские отдавали предпочтение красному цвету, о чем свидетельствуют национальные костюмы, национальная символика, роспись на посуде и т.д. В христианской религии красный цвет является символом крови Христа и новой жизни. Для иранцев таким цветом стал зеленый.

Категория времени также по-разному отражается в языковой картине мира русских, с одной стороны, и иранцев – с другой. Рабочая неделя в Иране начинается с субботы, живут иранцы по солнечной и лунной хиджре, а большинство национальных иранских праздников имеют связь с религией. В русском языке будущее и настоящее время четко разграничивается при помощи грамматических показателей, тогда как в персидском языке существует настоящее-будущее время, обладающее как признаками настоящего времени, так и будущего.

Приведенные выше примеры отражают различия в языковых картинах мира Ирана и России, а также показывают, как представители разных народов воспринимают мир и оценивают одни и те же явления через призму своего языка и культуры.

**ПЕРЕДАЧА РЕАЛИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ:
ДОМЕСТИКАЦИЯ И ФОРЕНИЗАЦИЯ**

В большинстве случаев реалии не имеют эквивалентов в языке, поэтому правильнее будет говорить не о переводе реалий, а о передаче реалий в процессе перевода. Так, для осуществления передачи реалий переводчику необходимо овладеть знаниями о культурно-поведенческих особенностях народа-носителя исходного языка, прежде всего, речь идет об этнографических реалиях [Семенов, 2008].

Можно выделить две основные проблемы при передаче реалий: отсутствие эквивалента, отражающего местный колорит, и недостаток лингвострановедческих знаний.

Основными стратегиями перевода являются доместикация и форенизация [Venuti, 1995]. Споры по поводу того, какая из этих стратегий лучше, до сих пор продолжаются. Однако после так называемого культурного поворота, произошедшего в 1990-е

годы, конфликт между доместикацией и форенизацией перешел на новый уровень и стал рассматриваться не только с лингвистической, но и с социальной, культурной и исторической точек зрения.

В это же время А. Лефевр и С. Басснетт предложили изучать способы культурного взаимодействия, в том числе и перевод, в рамках двух стратегий перевода, поскольку с их помощью можно составить четкую картину особенностей той или иной культуры в конкретный период времени [Bassnet, Lefevere, 1998]. Теоретики перевода также обратили особое внимание на тип целевых читателей, характер текста и исторический период времени, все эти факторы требуют разных норм перевода.

Под доместикацией понимается стратегия, при которой переводчик ориентируется на читателей и ставит в приоритет передачу смысла. В этом случае незнакомые реалии сглаживаются или заменяются привычными языковыми средствами так, что «читатели переведенного текста должны быть способны понять и оценить его по существу так же, как и первоначальные читатели» [Nida, 1995, с. 118]. С одной стороны, благодаря такому подходу аудитория перевода увеличивается, становясь более разнообразной по своему составу. С другой стороны, в результате применения этой стратегии теряется национальный колорит и индивидуальность исходного текста, а соответственно и степень его воздействия на читателя.

Форенизация подчеркивает чужеродность текста и погружает читателя в новый мир путем сохранения непривычной формы и незнакомых языковых средств. Цель такой стратегии — привить читателю уважение к «чужой» культуре, сохранить самоидентичность подлинника в процессе перевода. Однако стремление переводчика сохранить форму может привести к потере содержания. Кроме того, принцип форенизации, которым руководствуется переводчик, может потребовать дополнительных усилий со стороны читателя. Таким образом, тексты, переведенные по принципу форенизации, неизбежно адресованы узкоспециальной аудитории читателей.

Безусловно, как доместикация, так и форенизация имеют свои достоинства и недостатки. Доместикация легче понимается и принимается читателями благодаря понятности и узнаваемости перевода в пределах их родного языка, что достигается за счет частичной утраты формы подлинника. Форенизация, напротив, сохраняет формальные черты исходного текста, позволяющие читателю получить убедительные представления о культуре исходного языка. В то же время особенности чуждого читателю языка (и неотделимые от них явления чуждой ему ментальности) могут привести к информационной перегрузке читателя. Единственное, в чем сходятся

обе стратегии — потери, которые неизбежны в процессе перевода. Несмотря на рекомендации многих исследователей не совмещать доместикацию и форенизацию, в настоящее время переводчики, как правило, не ограничиваются применением только одной стратегии.

В рамках этих противоположных переводческих стратегий основные способы и приемы перевода можно поделить на две категории: *замена исходной единицы* (экспликация, функциональный аналог, контекстуальная замена, опущение) и *сохранение исходной единицы* (транскрипция, транслитерация, описание, калькирование, неологизм).

Рассмотрим примеры перевода реалий в переводах персидской литературы.

Представленные выше примеры из переводов приводят нас к следующим выводам: большая часть персидских реалий передается и при помощи форенизации, которая служит для сохранения иноязычных элементов в исходной (или близкой к исходной) форме и для демонстрации самобытности персидской культуры. Наиболее частым способом сохранения исходной единицы выступала транслитерация совместно с описанием.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Благодаря языковой картине мира можно увидеть особенности мышления и восприятия мира народа через призму его языка. Территориальная близость и относительно единое историческое прошлое России и Ирана обусловили их живой интерес к жизни, быту, культуре, литературе и языку Ирана в России. Взаимный интерес к стране-партнёру отчётливо прослеживается в Иране. В персидский язык вошло большое количество русских реалий и, наоборот, персидские реалии прижились в русском языке, что говорит о наличии множественных языковых контактов между двумя странами. Проанализировав и сравнив языковые картины русского и персидского языков, мы обнаружили, что они обладают следующими лингвокультурологическими различиями: ценностные и общественные ориентации, отношение к категории времени, цвето- и звуковосприятие и др.

Языковые различия в мировоззрении и менталитете двух стран, прежде всего, находят свое отражение в реалиях. Их передача является непростой задачей для переводчика. Он вынужденно находится перед выбором, чем пожертвовать: содержанием и формой (экспликация, функциональный аналог, контекстуальная замена, опущение) или национальным колоритом (транскрипция, транслитерация, описание, калькирование, неологизм). Особенно сложно сделать этот выбор, если речь

идет о языках, менталитет и культура которых сильно отличаются друг от друга.

В результате анализа русских переводов персидской литературы мы установили, что основной стратегией для передачи реалий была выбрана форенизация. Этот выбор можно объяснить значительными различиями в культурах и малой осведомленностью русской аудитории об Иране. Следовательно, для создания аутентичной «восточной» атмосферы в тексте необходимо присутствие исконной, так называемой национально-культурной

лексики, совместно с ее кратким описанием. В связи с этим наиболее часто используемым способом передачи персидских реалий в русском языке является транслитерация + описание, которое, как правило, дается в виде сноски.

В силу растущих языковых контактов и культурных обменов между Россией и Ираном появилась необходимость в дальнейшем исследовании национально-культурных реалий двух стран с целью преодоления культурного разрыва между ними.

Таблица 2

ПРИМЕРЫ ПЕРЕВОДА ПЕРСИДСКИХ РЕАЛИЙ

Источник	Реалия	Перевод	Способ перевода	Стратегия перевода
Хабиб Ахмад-заде Шахматы с машиной страшного суда (2015)	حسینیّه hoseyniye	Хусейние — особое помещение, в котором происходит обряд оплакивания имама Хусейна и иногда устраиваются религиозные мистерии	Транслитерация + описание	Форенизация
	محرم moharram	Мохаррам — название первого месяца мусульманского лунного года	Транслитерация + описание	Форенизация
	خورش xoreš	Хореш — кушанье из мелко нарезанного мяса, тушенного с овощами в томатном соусе, подаваемое с рисом	Транслитерация + описание	Форенизация
	جانماز jānamāz	Молитвенный коврик	Контекстуальная замена	Доместикация
Свет любви и веры. Современная иранская проза (2018)	مسجد قند masjed-e yānd	«Сахарная мечеть», (мечеть Канд)	Калькирование	Форенизация
	باقلاوا bāylavā	Баклава — пирожное в виде трубочек с начинкой из миндаля и т. п.	Транслитерация + описание	Форенизация
	داشتی dašti	«Дашти» — название одной из мелодий иранской классической музыки	Транслитерация + описание	Форенизация
Реза Амир-Хани Её я (2021)	آباد ābād	«Абад» значит «обводненный и благоустроенный»	Экспликация	Доместикация
	صنار sanār	Саннар — старинная иранская монета, равнявшаяся 100 динарам	Транслитерация + описание	Форенизация
	قورمه سبزی yorme sabzi	Гормэсаби — жареное мясо с зеленью; приправа к плову	Транслитерация + описание	Форенизация
Мониру Раванипур Долгая ночь (1988)	نقل noyl	Засахаренные орехи	Контекстуальная замена	Доместикация
Махшид Амиршахи Сборник После последнего дня. Рассказ Интервью (2015)	ماست māst	Сметана	Функциональный аналог	Доместикация
Махшид Амиршахи Сборник После последнего дня. Рассказ Имянаречение (2015)	مژگان možgān	Ресницы	Экспликация	Доместикация
Шахрияр Замани Нахид (2020)	شهریور šahrivar	Шахривар — шестой месяц иранского солнечного календаря...	Транслитерация + описание	Форенизация

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Влахов С., Флорин С. Непереваемое в переводе. М.: Международные отношения, 1980.
2. Томахин, Г. Д. Реалии в культуре и языке // Иностранные языки в школе. 1981. № 1. С. 64–69.
3. Томахин Г. Д. Прагматический аспект лексического фона слова // Филологические науки. 1988. № 5. С. 77–85.
4. Алексеева М. Л. Русские реалии в разновременных немецких переводах романов Ф. М. Достоевского: словарь-справочник. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2007.
5. Вайсбурд М. Л. Реалии как элемент страноведения // Русский язык за рубежом. 1972. № 3. С. 98–100.
6. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 35–298.
7. Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2004.
8. Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. London & New York: Routledge, 1995.
9. Bassnett S., Lefevere A. Constructing Cultures: Essays on Literary Translation Topics in Translation. Multilingual Matters, 1998.
10. Nida E. Language and Culture-Contexts in Translation. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2001.
11. Семенов А. Л. Основы общей теории перевода и переводческой деятельности. М.: Академия, 2008.

REFERENCES

1. Vlahov, S., Florin, S. (1980). Neperevodimoe v perevode = The Untranslatable in Translation. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.)
2. Tomakhin, G. D. (1981). Realii v kulture i yazyke = Realias in culture and language. Inostrannye yazyki v shkole, 1, 64–69. (In Russ.)
3. Tomakhin, G. D. (1988) Pragmaticheskij aspekt leksicheskogo fona slova = Pragmatic aspect of the lexical background of a word. Philological sciences, 5, 77–85. (In Russ.)
4. Alekseeva, M. L. (2007). Perevod i sopostavitelnye analiz realij = Translation and comparative analysis of realias. Study Guide. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. (In Russ.)
5. Vajsburd, M. L. (1972). Realii kak element stranovedeniya = Realias as an element of regional studies. Russkij yazyk za rubezhom, 3, 98–100. (In Russ.)
6. Humboldt, V. von (1984). O razlichii stroeniya chelovecheskikh yazykov i ego vliyanii na dukhovnoe razvitie chelovechestva = About the differences in the structure of human languages and its influence on the spiritual development of mankind. Izbrannye trudy po yazykoznaniiy. Moscow: Progress. PP. 35–298. (In Russ.)
7. Weisgerber, Jo. L. (2004). Rodnoj yazyk i formirovanie dukha = Native language and formation of spirit. 2nd ed. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
8. Venuti, L. (1995). The Translator's Invisibility: A History of Translation. London & New York: Routledge.
9. Bassnett, S., Lefevere, A. (1998). Constructing Cultures: Essays on Literary Translation Topics in Translation. Multilingual Matters.
10. Nida, Eu. (2001). Language and Culture-Contexts in Translation. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press.
11. Semenov, A. L. (2008) Osnovy obshchej teorii perevoda i perevodcheskoj deyatel'nosti = Fundamentals of the general theory of translation and translation activity. Moscow: Akademiya. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рогожина Алина Николаевна

преподаватель кафедры средневосточных языков

Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rogozhina Alina Nikolaevna

Lecturer at the Department of Middle Eastern Languages

of the Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

15.11.2024
20.12.2024
09.01.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Фонетические признаки сближения британской произносительной нормы и американского произносительного стандарта в современном английском языке

Е. Ю. Романова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
catrom@rambler.ru*

Аннотация. Целью настоящего исследования является сопоставление фонетических признаков современного британского и американского произносительных стандартов и выявление их общих характеристик, свидетельствующих о наличии схожих тенденций в их развитии. Методом аудиторского анализа в речи молодых британцев и американцев были выявлены сегментные и супraseгментные особенности. Они были сопоставлены с данными предыдущих исследователей и проанализированы на предмет взаимного сходства или различия. Результаты проведенного эксперимента доказали наличие общих тенденций в исследуемых произносительных стандартах как на уровне реализации отдельных звуков и словесного ударения, так и в ритмических, тембральных и мелодических характеристиках.

Ключевые слова: британская произносительная норма, американский произносительный стандарт, слияние слабых гласных, выпадение звука [j], модель словесного ударения, трансформация утверждений в вопросы, «скрипучий» тембр голоса

Для цитирования: Романова Е. Ю. Фонетические признаки сближения британской произносительной нормы и американского произносительного стандарта в современном английском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1 (895). С. 75–81.

Original article

Phonetic Similarities of Received Pronunciation and General American in Contemporary English

Ekaterina Yu. Romanova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
catrom@rambler.ru*

Abstract. The purpose of the research is to analyse phonetic features of contemporary British and American pronunciation standards and to describe the ones, which present similar tendencies in their development. The auditory analysis of speech samples of young British and American informants was performed and the systematic review of the data on the prevalence of certain segmental and suprasegmental features was offered. The results of the experiment revealed RP and GA common tendencies in sound realization (weak vowel merger and yod-dropping), word stress placement, rhythm, timbre (creaky voice) and melodic characteristics (Uptalk).

Keywords: Received Pronunciation, General American, weak vowel merger, yod-dropping, word stress pattern, Uptalk, vocal fry

For citation: Romanova, E. Yu. (2025). Phonetic Similarities of Received Pronunciation and General American in Contemporary English. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(895), 75–81. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о статусе британской произносительной нормы и американского произносительного стандарта представляет интерес для лингвистов на протяжении многих лет, имеет основательную теоретическую и экспериментальную базу, однако до сих пор является открытым. Так, актуальность проведенного автором статьи экспериментального исследования определяется тем, что британский произносительный стандарт, даже с учетом некоторых диалектных вариаций, является базовым и нормообразующим для всех национальных стандартов, диалектов и акцентов, существующих в современном мире, а американский вариант произношения является самым распространенным и влиятельным в современном мире.

Новизна исследования подтверждается фактом постоянного обновления фонетического строя английского языка в целом и его региональных, диалектных и социальных разновидностей в частности, а также появления в нем новых современных произносительных тенденций, подлежащих систематическому и детальному изучению на экспериментальном уровне.

Задачи настоящего исследования автор видит в том, чтобы:

- проследить историю возникновения и становления британского и американского произносительных стандартов;
- проанализировать и систематизировать наиболее значимые фонетические тенденции, появившиеся в них в последнее время;
- выявить общие характеристики, сближающие обе нормы, и дать им лингвистическую интерпретацию.

Для выполнения поставленных задач автором исследования был проведен фонетический эксперимент, в ходе которого методом слухового анализа были изучены речевые отрывки носителей британского и американского произносительного стандарта, чья речь по своим характеристикам была максимально лишена диалектных черт и приближена к норме. В качестве респондентов были отобраны молодые британцы и американцы в возрасте 20–30 лет, как мужчины, так и женщины, проживающие в разных регионах Англии и США и принадлежащие к среднему классу. Выявленные в ходе эксперимента сегментные и супraseгментные особенности речи респондентов были сопоставлены с данными предыдущих исследователей, систематизированы, фонетически интерпретированы и проанализированы на предмет взаимного сходства или различия, что отражено в общих выводах работы.

Практическая ценность исследования выражается в возможности использования материалов эксперимента в курсе лекций по теоретической фонетике и на занятиях по практической фонетике.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ БРИТАНСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНОЙ НОРМЫ

Периодом становления британской произносительной нормы (Received Pronunciation – RP) принято считать начало XIX века, когда представители высших сословий британского общества стали копировать языковые модели и звучание речи лондонской элиты. До этого времени речь большинства британцев отличалась разнообразием, однако уже в 1869 году фонетист Александр Эллис писал о наличии устоявшегося варианта произношения, принятого на территории всей страны и в обязательном порядке используемого во всех общественных структурах¹. Для нового произносительного стандарта были характерны тенденции, недавно зародившиеся на юге Великобритании. Так, в слове *after* появился новый гласный /ɑ:/ и выпал финальный *r*, в то время как, например, в Америке сохранялся более привычный для того времени /æ/ с реализацией *r* в конце слова. Возникновение острой необходимости в создании унифицированного варианта английского произношения исследователи связывают с увеличивающимися размерами британской империи. Четыре столетия Британия доминировала над огромной территорией, после потери американских колоний продолжив вторжение в Азию и Африку и подчинив Китай и Аргентину. Единственным способом удержания подвластных государств столь маленькой по площади Великобританией был тотальный контроль и жесткое соблюдение иерархии власти. Одним из эффективных средств для достижения данной цели был английский язык, насаждаемый в колониях в том виде, в каком он звучал из уст представителей правящего класса, то есть в виде искусственно созданной произносительной нормы. Проводниками RP среди населения стали элитарные школы, словари и чуть позже радио.

Наступление XX века связано с расцветом массовой коммуникации, и вначале это еще больше способствовало закреплению за RP статуса произносительного эталона, так как в течение 50 лет голоса дикторов BBC, главного радио страны, неизменно звучали на RP. Однако, начиная с 60-х годов, социально-политическая ситуация в

¹Ellis A. On Early English Pronunciation. Trübner, 1869.

Великобритании резко изменилась: верхушка власти подорвала свой незыблемый авторитет чередой политических скандалов, что дало право медийным представителям выступать с политической критикой и сатирой. В то же время поп-культура всколыхнул феномен группы Битлз (the Beatles), членами которой были простые «парни из низов». Социальные привилегии теперь считались не престижными, а несправедливыми. Все больше представителей непривилегированных сословий получали возможность подняться вверх по карьерной лестнице. Так, все пятеро премьер-министров периода 1964–1997 годов были выпускниками обычных государственных школ. Подобные серьезные изменения не могли не коснуться статуса английского языка в стране и, в частности, отношения общества к его произносительной норме. Речевые стандарты, принятые в высшем обществе, утратившем былой авторитет, стали объектом высмеивания и отрицания. Английский язык начал возрождаться во всем многообразии форм и вариантов, что можно наблюдать в Великобритании и сегодня. Современная произносительная норма представляет собой трансформированный и адаптированный к новым условиям вариант RP, который, однако, также основан на лондонском диалекте среднего и высшего среднего класса. В современной литературе он часто именуется южным британским произносительным стандартом (Standard Southern British pronunciation – SSB) или общебританским (General British), хотя в социальном и региональном аспектах он гораздо уже общеамериканской нормы [Cruttenden, 2014].

В США языковая ситуация сложилась иначе. Регион проживания и социальное происхождение здесь всегда играли второстепенную роль, у высшего общества не было необходимости специально овладевать аристократическими манерами, а иммигранты могли копировать речь простых американцев, не пользуясь для этого учебниками и словарями. Таким образом, американский произносительный стандарт (General American – GA) развился из системы региональных диалектов и местных акцентов, на которых разговаривало большинство жителей страны [Lindsey, 2019].

СОВРЕМЕННЫЕ БРИТАНСКИЕ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫЕ «АМЕРИКАНИЗМЫ»

Как же сегодня складываются взаимоотношения двух самых влиятельных произносительных стандартов в современном мире, RP и GA? Какой вариант доминирует и возможны ли у них общие тенденции в развитии? Языковые процессы зависят от множества внеязыковых факторов. Американская

массовая культура, бизнес-модели и политика в наше время оказывают огромное влияние на мировое сообщество в целом. Результаты проведенного автором фонетического исследования еще раз подтверждают данный факт: в современном англоговорящем мире британские произносительные тенденции во многих случаях сближают норму RP с американским произносительным стандартом. Также известны примеры американизации британской грамматики (употребление простого прошедшего времени вместо перфекта *I just ate*), а также использования американских фраз, идиом и не типичных для британцев значений слов (*awesome*, *cool* в значении «good», *movie*, *get your act together*, *it's not rocket science*, *do the math*, *dumbing down*). Возвращаясь к характерным для современной британской речи произносительным «американизмам», рассмотрим подробнее некоторые из них.

Слияние слабых (безударных) гласных

Традиционно в безударных слогах перед согласными в RP использовались гласные [ɪ] и [ʊ], которые сейчас все больше заменяются на шва [ə], что раньше было характерно для GA [Carley, Mees, Collins, 2017]. В современном южном британском стандарте подобная замена чаще происходит с безударным [ʊ], которому предшествует [j]: *ambulance*, *articulate*, *education*, *particular*, *population*, *stimulate*, поэтому теперь предпочтительный вариант произношения – *particular* [pə'tɪkjələ]. Многие слова со слабым [ɪ] в RP также проявляют тенденцию произноситься со шва: *foreign*, *arbitrary*. Тем не менее следует обратить внимание на пары слов, которые в GA давно стали омофонами, однако в британском английском сохранили разницу в произношении: *Lenin* с [ɪ], *Lennon* с [ə]. Многие аффиксы также сохранили традиционное произношение с [ɪ]: префиксы *dis-*, *in-*, *im-*, *mis-*, окончания *-ic*, *-id*, *-ing*, *-ish*.

В британском стандарте сохраняется разница в произнесении окончаний *-es* (*teaches*, *manages*) и *-ers* (*teachers*, *managers*), [ɪz] и [əz] соответственно. По тому же принципу произносятся окончания *-ed* (*counted*, *tended*) и *-ered* (*countered*, *tendered*) – [ɪd] и [əd] соответственно.

В некоторых случаях звуки [ɪ] и [ə] являются взаимозаменяемыми, например, в слабых префиксах *be-*, *de-*, *pre-*, *re-*, где также можно услышать долгий гласный [i:].

В ряде окончаний, содержащих букву *e*, нормы RP предусматривали звук [ɪ], хотя в современной речи все чаще можно услышать шва: *-et* (*interpret*, *magnet*, *Margaret*, *tablet*, *secret*), *-est* (*latest*, *biggest*), *-less* (*regardless*, *wireless*), *-ness* (*business*, *fitness*, *illness*,

witness), -red (*Alfred, hatred, sacred*), -ress (*actress, matress, waitress*).

Имена существительные / прилагательные на -ate традиционно произносились с окончанием [ɪt], которое сегодня в большинстве случаев звучит как [ət]: *appropriate, candidate, chocolate, corporate, delicate, desperate, graduate, immediate, intimate, passionate, separate, ultimate*. Однако в двусложных словах (*climate, private, senate*) сохраняется звук [ɪ]. В глаголах, оканчивающихся на -ate, проявляется тенденция к употреблению дифтонга [eɪ] в безударной позиции: *to appropriate, to separate*.

Выпадение [j] в безударной позиции

Для произносительной нормы RP были характерны звуко сочетания [tj] и [dj] (*situation, perpetual, tune; due, education, gradual*), которые в современном южном британском стандарте все чаще заменяются на аффрикаты [tʃ] и [dʒ], причем не только в безударных слогах, но и в ударных (*Tuesday, during*). Данный процесс также широко распространен в диалектной речи и имеет несколько названий: yod-dropping, yod-coalescence, palatalization, affrication [The Handbook of World Englishes, 2020]. Можно привести примеры использования аффрикат [tʃ] и [dʒ] и в классическом RP (*culture, future, picture, soldier*). Однако, по мнению известного фонетиста Джона Уэллса, в начале 1980-х годов в Англии произношение [tʃ] в словах типа *situation* считалось простонародным [Wells, 1982]. Сейчас вариант [ˌsɪtʃw'eɪʃən] является допустимым для британского стандарта. Согласно данным последних изданий произносительных словарей (например, Cambridge English Pronouncing Dictionary¹), первыми вариантами произношения следующих слов являются варианты с аффрикатами [tʃ] и [dʒ]: *Tuesday, tuna, tune, tuition, tutor, YouTube; dual, due, duplicate, durable, during, duty*.

По-другому ведут себя в современном южном британском стандарте кластеры [sj] и [zj]. В начале слова сочетание [sj] в большинстве случаев упрощается до [s] с выпадением [j]: *suit, suitable, super, supermarket, supervise*. Не в начальной позиции кластеры [sj] и [zj] иногда трансформируются в [ʃ] и [ʒ], но могут произноситься и без изменений: *assume, pursue, presume*.

Изменение модели словесного ударения, дополнительная акцентуация окончаний

Английский язык, как и другие германские языки, обладает тактосчитающим ритмом, для которого

¹Roach P., Setter J., Esling J. The Cambridge English Pronouncing Dictionary. Cambridge University Press, 2011. 18th ed.

характерно четкое чередование ударных и безударных слогов:

A 'rose by 'any 'other 'name would 'smell as 'sweet.

Несмотря на это, британский произносительный стандарт RP всегда допускал наличие в слове нескольких безударных слогов подряд: *'customer, de'velopment, 'difficulty, 'knowledgeable, 'neverthe'less, 'speculatively*, что сохраняется и в современной речи [Carley, Mees, Collins, 2017], однако в некоторых словах по аналогии с GA наблюдается устойчивая тенденция к смещению ударения для сокращения цепочки безударных слогов: *applicable* (RP) [ˈæplɪkəbəl] – (SSB) [əˈplɪkəbəl], *disciplinary* (RP) [ˈdɪsɪplɪnəri] – (SSB) [ˌdɪsəˈplɪnəri].

Еще одним способом избежать нескольких безударных слогов подряд является выпадение одного из них, обычно первого, что особенно характерно для многосложных слов, оканчивающихся на -able: *comfortable* [ˈkɒmfɪtəbəl], *considerable* [kənˈsɪdrəbəl], *favourable* [ˈfeɪvərəbəl], *vegetable* [ˈvedʒtəbəl], *vulnerable* [ˈvʌnrəbəl], где вместе с первым безударным слогом также выпадает первый [l]. В некоторых словах могут проявляться обе тенденции, например, *comparable* может произноситься как трехсложное слово [ˈkɒmpərəbəl] или, особенно в речи молодежи, сохранять структуру четырехсложного, но со смещением на второй слог ударением [kəmˈparəbəl].

В некоторых трехсложных словах также наблюдается тенденция к смещению ударения с начального слога по нормам RP на срединный (*communal, exquisite*) или наоборот, со срединного на начальный (*sonorous*). Альтернативная стратегия изменения количества слогов с выпадением первого безударного (особенно перед [r] и [l]) наблюдается в словах *chocolate* [ˈtʃɒklət], *camera* [ˈkæmrə], *diamond* [ˈdaɪmənd], *violence* [ˈvaɪləns].

Еще одна тенденция, характерная для нормы американского английского, выявлена в словах с окончанием -ary (*necessary, February, ordinary, secretary*): [ˈnesəsəri] и -on (*aeon, paragon, polygon*). Слова, оканчивающиеся на -ary в RP произносились с [rəri], теперь же чаще с выпадением первого безударного слога, то есть с [rɪ]: *library* [ˈlaɪbrɪ].

Смещение ударения в начало слова

Известно, что в американском английском словесное ударение во многих случаях расположено ближе к началу слова, чем в британском [Labov, Ash, Boberg, 2006; Wolfram, Schilling, 2016]. Однако результаты анализа современной звучащей речи демонстрируют аналогичную тенденцию к смещению ударения влево и в современном южном

британском стандарте. В специальной литературе данное явление получило название «westward stress shift», то есть смещение ударения влево, «на запад». Например, согласно классическим нормам RP, ударение в словах *donate, inquiry, spectator, urinal* падает на второй слог, а в GA – на первый, в именах собственных и составных существительных британский вариант произношения сильнее акцентирует вторую часть словосочетания, американский – первую: *boy scout, pork chop, Robin Hood, Hong Kong*. Современная британская произносительная норма стирает подобные различия, однако новые правила расстановки ударения еще не определены. Так, в слове *ice cream* предпочтительно ударение на первой части слова, особенно по мнению пожилых людей; в слове *weekend* возможно как начальное, так и конечное ударение; непривычным для британцев является ударение на первом слоге в слове *Pakistan*, хотя такой вариант можно услышать в речи молодежи [Trudgill, 2000].

Безусловно, тенденция к смещению словесного ударения на первый слог сформировалась под влиянием американского варианта произношения, однако современное звучание некоторых слов является исключением. Например, в глаголах *contribute* и *distribute*, согласно нормам как британского, так и американского английского, ударение падает на второй слог, но в современной британской речи довольно часто можно услышать вариант с первым ударным слогом.

Слова, заимствованные из французского языка (*ballet, café, massage, salon*), традиционно произносятся с ударением в начале слова по нормам RP и в конце слова – в GA. Сегодня британская модель произнесения подобных слов все чаще напоминает американскую с ударением на последнем слоге, особенно в речи молодежи: *potpourri, debris*.

В качестве примера приводим список слов, в которых современное британское произношение допускает акцент на первом слоге по аналогии с нормой американского произносительного стандарта: *Big Mac, cigarette, cottage cheese, co-worker, cream cheese, French fries, furthermore, headquarters, ice cream, magazine, mayonnaise, parmesan, peanut butter, polar bear, princess, salad dressing, shortcut, weekend; to finance, to protest, to transport, research* (существительное и глагол).

Трансформация утверждений в вопросы

Это фонетическое явление, широко известное как «Uptalk» (в британской литературе также «High Rising Terminal» или «High Bounce»), сближает современный южный британский произносительный стандарт не только с американской, но

и с австралийской, новозеландской произносительной нормой, а также с некоторыми британскими региональными стандартами, например, североирландским. Впервые данное явление было отмечено в речи австралийской и новозеландской молодежи еще в 50–60-е годы XX века, в 80-х годах – в США и с тех пор география его распространения постоянно расширяется. Она включает новых пользователей, преимущественно молодых людей. Среди них встречаются как носители английского языка, так и те, для кого английский язык является иностранным. Данная интонационная модель заключается в использовании высокого восходящего тона. Он характерен для общих вопросов или переспросов и употребителен в утвердительных предложениях. Означенный интонационный прием используется для того, чтобы получить ответную реакцию собеседника. Поэтому высокий восходящий тон часто употребителен в спонтанных диалогах [Безбородова, Медведева, 2018]. По данным современных британских исследователей, случаи использования «Uptalk» были зафиксированы во время эксперимента в речи профессора при чтении лекции. «Uptalk» служил для установления более тесного контакта с аудиторией [Lindsey, 2019]. По аналогии с указанной интонационной моделью в речи функционируют вопросительные концовки типа *okay? yeah? right?*, также произнесенные с высоким восходящим тоном:

You 'need to fill out this form, o'kay? – You 'need to fill out this 'form (?)

We 'went to that new restaurant, yeah? – We 'went to that new restaurant (?)

Использование «скрипучего» тембра голоса («vocal fry»)

Это явление также родом из Америки, хотя пожилые британцы-носители RP, обычно мужчины, использовали в речи подобную голосовую окраску в конце фраз, завершающихся нисходящим тоном. Под словом *fry* понимается низкочастотный скрипучий, хриплый тембр голоса, напоминающий звук булькающего масла на раскаленной сковороде (*fry* – жарить), поэтому другое название данного явления, чаще используемое именно в британской литературе, – «creaky voice» [Lindsey, 2019]. Создание эффекта скрипучего голоса возможно благодаря частичному смыканию голосовых связок с непостоянной амплитудой колебаний. Как было отмечено выше, британская норма RP допускала подобный прием в речи пожилых мужчин, однако

современный британский произносительный стандарт позволяет использовать его британцам всех возрастов, включая молодых девушек¹.

В дополнение к анализу фонетических особенностей, сближающих современные произносительные нормы GA и RP, можно привести список слов, произношение которых все чаще совпадает в британском и американском стандартах:

- 1) *ate* – [et] (классический вариант), [eit / ɛjt] (новый вариант нормы, исходящий из правил чтения и уравнивающий американское и британское произношение);
- 2) *debris* – ['deɪbri:] (классический вариант с первым ударным слогом) – [də'brɪ: / də'brɪj / 'dɛbrɪj] (новый вариант нормы, допускающий ударение как на первом, так и на втором слоге с соответствующим изменением гласного звука);
- 3) *excursion* – *excur*[ʃən] (классический вариант с глухим фрикативным), *excur*[ʒən / ək'skə:ʒən] (новый вариант нормы со звонким фрикативным). Интересно, что как в RP, так и в современном британском стандарте сосуществовали оба варианта произнесения, однако сейчас усиливается тенденция к реализации звонкого фрикативного аналогично американской норме. Начальный безударный гласный может произноситься как [ə], [ɪ] или [e];
- 4) *exit* – e[ks]it (классический вариант с сочетанием глухих согласных), e[gz]it / ['ɛgzɪt] (новый американизированный вариант нормы с сочетанием звонких согласных). Тем не менее старый вариант произношения до сих пор встречается в речи британцев. Подобное развитие произносительной нормы можно наблюдать в неологизме Brexit;
- 5) *gotten* – *got* (до недавнего времени единственно правильный вариант прошедшего времени глагола *get* в британском английском), *gotten* ['gɒtən] (форма причастия прошедшего времени, давно вышедшая из употребления в Британии, однако до сих пор широко используемая в Америке). Согласно результатам новейших исследований, под влиянием американского стандарта форма *gotten* теперь также является вариантом нормы для британцев, особенно среди молодежи.

¹URL: <https://www.english-speechservices.com/blog/britney-pitney-and-vocal-fry/>

- 6) *harass* – ['hærəs] (классический вариант с ударением на первом слоге и безударным шва), [hə'ræs / hə'ras] (новый вариант нормы с «зеркальной» структурой слова, где за безударным [ə] следует второй ударный слог). Тем не менее традиционные произносительные словари предупреждают о возможных негативных коннотациях, возникающих у представителей консервативного британского произношения, особенно зрелого возраста, в связи с использованием американизированного [hə'ræs]².
- 7) *mayor* – [meə] (классический вариант произнесения дифтонга [eə] в односложном слове), ['meɪə / 'meɪjə] (новый вариант нормы, где происходит замена дифтонга и слово становится двусложным, что сближает произношение с написанием слова и с американской транскрипцией).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, проследив историю возникновения и становления британского и американского произносительных стандартов, проанализировав и систематизировав наиболее значимые фонетические тенденции, проявившиеся в них за последнее время, можно сделать вывод о том, что современный южный британский произносительный стандарт во многих случаях действительно отходит от норм традиционного RP и приближается к американской фонетике. Наиболее значимыми характеристиками, сближающими обе произносительные нормы, на наш взгляд, являются:

- Слияние слабых гласных и превращение их в безударный шва;
- Замена кластеров взрывных согласных со звуком [j] на аффрикаты [tʃ] и [dʒ] в безударной позиции («yod-dropping»);
- Изменение модели словесного ударения: дополнительная акцентуация окончаний или смещение ударения в начало слова;
- Трансформация утверждений в вопросы («Uptalk»);
- Использование «скрипучего» тембра голоса («vocal fry»).

²Roach P., Setter J., Esling J. The Cambridge English Pronouncing Dictionary. Cambridge University Press, 2011. 18th ed.

Wells J. C. Longman Pronunciation Dictionary. Longman, 2008. 3rd ed.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Cruttenden A. Gimson's Pronunciation of English. 8th ed. Routledge, 2014.
2. Lindsey G. English After RP: Standard British Pronunciation Today. London: Palgrave Macmillan, 2019.
3. The Handbook of World Englishes / Ed. by C. L. Nelson, Z. G. Proshina, D. R. Davis. 2nd ed. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 2020.
4. Wells J. C. Accents of English. Cambridge University Press, 1982.
5. Carley P., Mees I., Collins B. English Phonetics and Pronunciation Practice. Routledge, 2017.
6. Labov W., Ash Sh., Boberg Ch. The Atlas of North American English: Phonetics, Phonology and Sound Change. Berlin: Mouton de Gruyter, 2006.
7. Wolfram W., Schilling N. American English: Dialects and Variation. Wiley Blackwell, 2016. 3rd ed.
8. Trudgill P. Sociolinguistics: An Introduction to Language and Society. 4th ed. Penguin, 2000.
9. Безбородова М. В., Медведева Т. В. Явление «uptalk» в речи молодых носителей британского варианта английского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 10 (803). С. 21–35.

REFERENCES

1. Cruttenden, A. (2014). Gimson's Pronunciation of English. 8th ed. Routledge.
2. Lindsey, G. (2019). English After RP: Standard British Pronunciation Today. London: Palgrave Macmillan.
3. Nelson, C. L., Proshina, Z. G., Davis, D. R. (Eds.). (2020). The Handbook of World Englishes. 2nd ed. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell.
4. Wells, J. C. (1982). Accents of English. Cambridge University Press.
5. Carley, P., Mees, I., Collins, B. (2017). English Phonetics and Pronunciation Practice. Routledge.
6. Labov, W., Ash, Sh., Boberg, Ch. (2006). The Atlas of North American English: Phonetics, Phonology and Sound Change. Berlin: Mouton de Gruyter.
7. Wolfram, W., Schilling, N. (2016). American English: Dialects and Variation. Wiley Blackwell. 3rd ed.
8. Trudgill, P. (2000). Sociolinguistics: An Introduction to Language and Society. Penguin. 4th ed.
9. Bezborodova, M. V., Medvedeva, T. V. (2018). Uptalk in the speech of young Britons. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(803), 21–35. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Романова Екатерина Юрьевна

кандидат филологических наук, доцент

доцент кафедры фонетики английского языка факультета английского языка

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Romanova Ekaterina Yurevna

PhD (Philology), Associate Professor

Associate Professor at the Department of English Phonetics

Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

19.11.2024
20.12.2024
09.01.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 81'42:(811.161.1=811.111)

Особенности воздействия в российском и зарубежном образовательном медиадискурсе

О. В. Сергеева¹, М. Р. Желтухина²

¹Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

²Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия

¹docsov117@mail.ru, ²zzmr@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается специфика воздействия в современном образовательном медиадискурсе в различных лингвокультурах. Материалом исследования выступают медиасообщения, отобранные приемом сплошной выборки, транслируемые в российских и зарубежных СМИ в рамках образовательной медиакommunikации. Цель работы заключается в выявлении основных особенностей воздействия в современном образовательном медиадискурсе. Цель исследования достигается путем применения следующих методов: описательный метод, индуктивно-дедуктивный метод, лексический анализ, грамматический анализ, стилистический анализ, дискурс-анализ, контент-анализ, интерпретативный анализ, количественный анализ. Установлено, что в образовательной медиакommunikации актуализируются такие аспекты воздействия, как ценность, оценочность, функциональность, подражательность и суггестивность.

Ключевые слова: образовательный медиадискурс, языковая личность педагога, воздействие, подражание, суггестия, внушение, ценность, оценка, функция, роль

Для цитирования: Сергеева О. В., Желтухина М. Р. Особенности воздействия в российском и зарубежном образовательном медиадискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1 (895). С. 82–91.

Original article

Features of Influence in the Russian and Foreign Educational Media Discourse

Olga V. Sergeeva¹, Marina R. Zheltukhina²

¹Kuban State University, Krasnodar, Russia

²Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

¹docsov117@mail.ru, ²zzmr@mail.ru

Abstract. The article reveals the specifics of the influence in the modern educational media discourse in different linguocultures. The research material includes media messages selected by continuous sampling, broadcast in Russian and foreign media as part of educational media communication. The goal of the article is to identify the main features of the influence in the modern educational media discourse. The goal is achieved by applying the following research methods: descriptive method, inductive-deductive method, lexical analysis, grammatical analysis, stylistic analysis, discourse analysis, content analysis, interpretive analysis, quantitative analysis. It has been established that in educational media communication such aspects of impact as value, evaluation, functionality, imitation and suggestiveness are updated.

Keywords: educational media discourse, teacher's language personality, suggestion, influence, imitation, suggestion, value, evaluation, function, role

For citation: Sergeeva, O. V., Zheltukhina, M. R. (2025). Features of influence in the Russian and foreign educational media discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(895), 82–91. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В XXI веке одной из актуальных проблем лингвистики выступает проблема воздействия в разных типах дискурса. Особый исследовательский интерес представляют различные типы дискурса в процессе их рассмотрения сквозь призму массмедиа. Коммуникативное поведение участников образовательного медиадискурса зависит от реализации когнитивных и эмоциональных составляющих процесса интеракции. В течение этого процесса проявляются различные аспекты воздействия. Причем усвоение системы традиционных или нетрадиционных ценностей создает основу для формирования внутренней системы одобрения или неодобрения того или иного типа коммуникативного поведения. При этом коммуникантом поощряются одобренные и принятые им установки. Тем самым в образовательной коммуникации актуализируются такие аспекты воздействия, как ценностность, функциональность, подражательность и суггестивность. Новизна исследования заключается в его цели, ранее последовательно не поставленной в лингвистике: выявить особенности воздействия в современном образовательном медиадискурсе. Теоретическая значимость полученных результатов определяется вкладом, который авторы исследования вносят в развитие психолингвистики, социолингвистики, когнитивной лингвистики, прагматической лингвистики, дискурсивной лингвистики, медиалингвистики, теории языковой личности, теории воздействия. Практическая ценность результатов исследования определяется возможностью их использования в образовательном процессе. Он включает в себя множество направлений: образовательная медиакommunikация, формирование цифровой среды обучения и др.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Проблема воздействия в медиадискурсе интересует многих исследователей реального и виртуального дискурсов [Карасик, 2002; Tezer et al., 2019; Желтухина, Спорова, 2024; Сергеева, Желтухина, 2024; Гусейнова, Горожанов, 2023a]. Внимание ученых привлекает лингвокогнитивное и лингвопрагматическое направления языкознания [Ленец, 1999; Карасик, 2002; Матвеева, Ленец, Петрова, 2019; Желтухина, Спорова, 2024; Гусейнова, Горожанов, 2023b]. Значительное количество научных изысканий проводится в области стилистики [Manis, Armstrong, 1971; Karpovskaya, Shiryayeva, Zheltukhina, 2019]. Психолингвистические исследования политического [Leech, 1983; Сорокин, 1985; Lakoff, 1990; Емчура, 2000; Желтухина, 2003; 2011;

Tameryan et al., 2018], педагогического [Антонова, 2007; Подгурецкий, 2012] и образовательного медиадискурса [Сергеева, 2009; Желтухина, Сергеева, 2023] анализируют вербальные и невербальные средства воздействия коммуникативного поведения адресанта на адресата в образовательном медиадискурсе. Цель работы состоит в выявлении основных особенностей воздействия в современном образовательном медиадискурсе. Она достигается путем решения основных задач исследования. К их числу относится раскрытие сущности основных аспектов воздействия в образовательной медиакommunikации. Данная задача решается путем применения следующих методов: описательный метод, индуктивно-дедуктивный метод, лексический анализ, дискурс-анализ, контент-анализ, интерпретативный анализ, количественный анализ.

В качестве материала исследования представлены медиасообщения в рамках образовательной медиакommunikации, которые отобраны в результате сплошной выборки из российских и зарубежных СМИ. Общий объем текстов составляет 10 авт. листов.

В результате проведенного исследования были выявлены такие особенности воздействия в образовательном медиадискурсе, как подражательность и суггестивность, ценностность, оценочность, функциональность, на которых остановимся далее подробнее.

Подражательность воздействия в образовательном медиадискурсе

В контексте социальной передачи культурных и общественных традиций подражание рассматривается как важный элемент аналогичный биологической эволюции. Современное общество может не придавать подражанию большого значения. Однако оно остается ключевым фактором формирования установок, необходимых для понимания общества как сложной социальной структуры.

Языковой личности педагога необходим арсенал образцов для подражания. Они востребованы в различных коммуникативных ситуациях, которые могут возникнуть в образовательном медиадискурсе. Овладение им формирует сознание. Механизм подражания основывается на врожденном стремлении повторять поведение других. Реализация этого стремления делает возможным усвоение новых моделей и эмоциональную адаптацию. Важным условием этого процесса является признание определенных достижений как привлекательных: без этой убежденности человек не будет подражать. Если обучающийся стремится к конкретной цели, он ищет способы ее достижения. Если

обучающийся видит, что кто-то уже достиг этой цели и замечает свое сходство с иным субъектом, вероятность подражания возрастает. Таким образом, можно сказать, что первопроходцы, достигшие цели, указывают путь остальным.

Подражание не происходит беспричинно, оно может возникать также из эстетических побуждений. Личность, которой подражают, обычно обладает особенностями, более развитыми, чем у подражающего. Правильно ориентированное подражание способствует развитию личности подражающего, а также формированию его установок. Однако подражание не является механическим процессом, подражающий усваивает только те установки, которые он воспринимает, а не истинные установки модели.

Статико-динамический аспект языковой личности педагога подтверждает, что чаще всего подражают долговременно или кратковременно значимым личностям (родители, руководители, знаменитости, звезды шоу-бизнеса, блогеры и т. п.), а также ярким личностям, которые очаровывают субъекта подражания определенными качествами и поступками. Учитель в этом контексте должен способствовать формированию подражания, воспитывая новые социальные установки обучающихся. Для этого необходимо представлять надлежащие модели поведения и акцентировать их позитивные стороны, а также формировать круг значимых личностей, которые могут служить примерами для подражания. Этот избранный круг включает исторические фигуры. Знакомство с ними обучающихся может осуществляться через документальные и художественные фильмы, беседы и т. п. Кроме того, в качестве образцов для подражания могут выступать наставники, которые на своем примере и на примере других смогут изменить установки сознания обучающихся.

Современный наставник – он какой? Что это за человек, какими компетенциями он должен обладать? Отвечаем на этот и другие вопросы в новом выпуске подкаста Института молодежи «Просто верь ИМ».

- Почему в наставничестве нет места тщеславию?
 - Как быть тем, кто вырос без наставника? (Спойлер: так не бывает)
 - Что делать, если наставник и родители взрослого молодого человека расходятся во мнении по поводу его будущего? Как часто случаются такие конфликты?
 - Может ли наставлять искусственный интеллект? А выдуманный персонаж из книги или сериала?
- У нас в гостях генеральный директор Центра Знаний «Машук», заместитель генерального директора Российского общества «Знание» Антон Сериков¹.

¹Сериков А. Современный наставник – он какой? URL: https://t.me/serikov_channel/828.

Значимой формой подражания является идентификация. Этот механизм активно действует в образовательной среде, особенно у детей и молодежи, которые часто отличаются эмоциональностью и увлеченностью. Обучающиеся, ценящие участие в школьной или университетской группе, идентифицируют себя с ее целями и идеалами, например: *Я как студент МГУ... / As a Harvard student, I...* и т. п.

Идентификация противоположна отчуждению: в случае отчуждения обучающийся становится безразличным к окружающим. И, напротив, идентификация помогает защищать интересы группы как свои собственные. Это правило подтверждается в педагогике, психологии и социологии, что видно на таких примерах, как восстановление заводов рабочими после войны.

Для языковой личности педагога как в статике, так и в динамике, важно отметить, что идентификация реализуется во взаимодействии с различными акторами из разных сфер деятельности человека. Означенное взаимодействие осуществляется как в институциональном, так и в персональном аспектах в социально-полезном ключе. Детская и юношеская идентификация может иметь негативные последствия, так как могут привести к манипуляции еще не окончательно сформировавшимся сознанием. Примеры включают сознательное управление поведением обучающихся через создание образа для подражания как в положительном, так и в отрицательных направлениях (авторитарный стиль, идентификация с преступниками и недовольными).

Ярким примером может служить американская статья старшего научного сотрудника по вопросам права Центра юридических и судебных исследований имени Миза при фонде «Наследие» Сары Паршалл Перри «Заражающий умы трансвирус мутирует. ТАС: если люди отрицают биологическую реальность, их ждет моральный упадок», которая выступает против нарушения традиционных ценностей гендерной идентификации в обществе.

We were called alarmists. Bigoted. Christo-fascists. After all, the transgender contagion was not spreading, drag was just an art form, and school employees were not facilitating children's social gender transitions and hiding it from their unwitting parents. Except, none of this was true. Turned out, the trans movement pointed not to a slippery slope, but to a cliff. Earlier this year, the International Commission of Jurists (ICJ), a self-described defender of human rights around the world, presented to the United Nations Human Rights Council a report titled The 8 March Principles for a Human Rights-Based Approach to Criminal Law Proscribing Conduct Associated with Sex, Reproduction, Drug Use, HIV, Homelessness and

Poverty¹. – Нас клеймили паникерами. Фанатиками и ханжами. Даже христофашистами. Ведь трансгендерная зараза даже не думает распространяться, переодевание в женское платье – это, чтобы вы знали, вид искусства, а школьные учителя никоим образом не подзуживают детей на общественные перемены тайком от родителей. Однако все это оказалось неправдой. И выяснилось, что трансдвижение – не просто скользкая дорожка, а ведет напрямик к обрыву. В начале года Международная комиссия юристов (МКЮ), самопровозглашенная защитница прав во всем мире, представила Совету по правам человека при ООН доклад под названием «Принципы 8 марта», в котором излагается «основанный на правах человека» подход к уголовному праву и наказуемости сексуального поведения, употребления наркотиков, ВИЧ, полового и репродуктивного здоровья, бездомности и нищеты².

Продолжением темы гендерной идентификации в образовательном медиадискурсе выступает британская публикация *Гарри Уинтера*, представляющая собой исповедь школьного учителя о гендерной идентичности и воздействии гендерной идеологии на обучающихся в школе в образовательном медиадискурсе, насыщенная эмоционально окрашенной лексикой, терминами, повторами:

‘As a gay teacher, I tried to help LGBT students feel included – only for them to turn on me when I failed to endorse their gender ideology’: Educator’s warning from a rural comprehensive where ‘kids seem to shop for sexualities and change pronouns weekly’³. – «Как учитель-гей, я пытался помочь ЛГБТ-ученикам чувствовать себя включенными – только для них, чтобы включить меня, когда я не смог поддержать их гендерную идеологию»: Предупреждение воспитателя из сельского сообщества, где «дети, кажется, делают покупки для сексуальных отношений и меняют местоимения еженедельно».

Идентификация становится своеобразным социальным знанием, так как возникает из потребности индивида осознать свое место в социальной структуре. Обучающийся реализует себя

в обществе через класс, и осознание принадлежности к группе помогает ему формулировать свои цели. Роль учителя в этом процессе заключается в помощи обучающимся сформулировать верные цели, которые находятся в нормативно-правовом поле государства и соответствуют традиционным духовно-нравственным ценностям социума.

Суггестивность воздействия в образовательном медиадискурсе

Педагогическая практика активно реализует такой механизм формирования сознания, установок поведения, как внушение. Мастерство языковой личности педагога заключается в умении применять внушение ответственно и осторожно с учетом контроля границ индивидуальной свободы обучающегося, его свободы выбора ценностей, идеалов и жизненных норм. В условиях быстро меняющегося общества внушение может развивать в человеке категоричность суждений, негибкость, неспособность к адаптации к новым социальным условиям, что не соответствует требованиям динамичного существования в образовательной группе. Деятельность языковой личности педагога следует рассматривать с позиции суггестора через его воздействие на разум, чувства и волю адресата для трансформации собственных убеждений, замены их на чужие без критического анализа. При этом наблюдается влияние социальных и психологических факторов на восприятие через эмоциональную сферу. Данная тенденция способствует внушению. Внушение может применяться в манипулятивных целях и обретать морально-негативный оттенок.

Особую роль в функционале языковой личности педагога играет внушение через авторитет. Некоторые личности воспринимаются как авторитеты, лидеры мнений (моральные, экспертные, статусные и др.). Через подсознательную покорность и уважение к авторитету обучающийся может перейти к культу личности авторитета, воспринимая его любые высказывания как непреложные истины и директивы путем снятия психической блокировки принятия, усвоения информации, оценки и реализации получаемых социальных установок. Поэтому встречи с выдающимися личностями, экспертами, моральными авторитетами важны в образовательной медиасфере, необходимо популяризировать их мнения, способствовать поддержанию авторитета для достижения учебных и воспитательных целей.

Например, медиасообщение Алены Удовенко I Формула Имиджа (76,4 тыс. подписчиков).

¹Perry S.P. The Trans Mind-Virus Is Mutating. The normalization of transgenderism leads inevitably to the normalization of other sexual disorders. The American Conservative. May 19, 2023. URL: <https://www.theamericanconservative.com/the-trans-mind-virus-is-mutating/>

²Зд. и далее перевод наш. – О. С., М. Ж.

³Winter H. As a gay teacher, I tried to help LGBT students feel included - only for them to turn on me when I failed to endorse their gender ideology: Educator’s warning from a rural comprehensive where ‘kids seem to shop for sexualities and change pronouns weekly’. Daily Mail. 27 March 2023. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-11908547/I-tried-help-students-turn-failed-endorse-ideology.html>

«Вас сильно удивит, каким знаменитостям доверяют россияне»: Ромир» опубликовал рейтинг инфлюенсеров. В нем ведущие из телевизора попеременно с певцами и актерами и совсем немножко общественных деятелей. Это люди, мнению которых доверяют россияне.

Россияне старше 14 лет ответили на вопрос: «Кому из публичных личностей России Вы доверяете? Назовите 7 человек, где первым будет тот, кому Вы доверяете больше всего». По результатам опроса составлялся рейтинг личностей. На 1 месте – Владимир Соловьев. На 2 месте – Никита Михалков... <...> Список 50 самых известных людей нашей страны. Какие времена, такие и инфлюенсеры. Патриарх соседствует со Шнуром. А Настя Ивлеева, которая очень долго была в топ 5, теперь не вошла и в топ 50. Но самый странный момент в этой рокировке лидеров мнений: неужели те, кто выбирал авторитетом Ивлееву теперь считают своим лидером Шамана.¹

Внушающий эффект фиксируется в результате применения механизма иррадиации чувств, когда чувства адресата перенаправляются от привлекательного объекта к другому, находящемуся рядом. Например, фотографии с популярными личностями в знаковых местах повышают статус менее известных личностей, присутствующих на фотографии, наделяют их положительными характеристиками, если ими обладает авторитет на фотографии.

Функциональность воздействия в образовательном медиадискурсе

Другим важным механизмом формирования установок в педагогической коммуникации является выполнение роли. Изменение установок происходит не только под воздействием внешних факторов, но и через собственные действия. После овладения конкретной функцией мы ценим ее больше, нежели более интересные, но еще не освоенные функции. Это относится и к профессии, которую не хочется менять многим, хотя она их не устраивает. Если говорить о педагогических функциях, то овладение ими в образовательной коммуникации позволяет языковой личности педагога посвятить себя своей профессии до конца жизни, несмотря на все трудности педагогической миссии.

Экспериментальные исследования подтверждают влияние коммуникативных функций на изменение установок в образовательной коммуникации.

Например, участникам одного образовательного эксперимента, не увлеченным кино, было дано задание написать сообщение о том, насколько кино замечательное, что изменяло установки относительно кино на позитивные; аналогические результаты зафиксированы при изучении роли слушателя в восприятии информации по конкретному предмету: те, кто слушал для расширения собственных знаний, быстрее изменяли свои установки, нежели те, кто собирался пересказать разговор позже [Емчура, 2000]. Данный факт необходимо учитывать в учебно-воспитательном процессе, часто организовывать встречи, поручать обучающимся делать самостоятельные доклады, так как их активная роль в образовательном процессе создает условия для более значительных и устойчивых изменений установок.

Ценность воздействия в образовательном медиадискурсе

Важным аспектом в педагогической воздействующей коммуникации выступает формирование ценностей. Ценности как многозначный междисциплинарный термин подразумевают и объективные факты, например, Библию или книгу «Педагогическая поэма» А. С. Макаренки, и субъективные возвышенные переживания [Макаренко, 2016].

Важнейшей функцией ценностей является служение критериями для выбора целей человеческих стремлений. Языковая личность педагога рассматривает коммуникативное поведение обучающихся как адекватное, если они демонстрируют осознанные стремления проецировать на него свои ценности. При этом данные ценности представляют собой не биологические, а социокультурные характеристики различных профессиональных, локальных, классовых групп. Например, желание стать учителем часто является результатом привязанности, в том числе подражающей или династической, к этой социальной роли и профессиональной деятельности.

Наличие разных возможностей требует обоснования для выбора одной возможности с отказом от остальных. Данный выбор формирует будущего человека, в том числе и языковой личности педагога. Ценности и установки взаимно не тождественны, хотя и определяют этот выбор. Они дифференцируют приспособление к новым объектам не только на основании «нравится – не нравится», а с учетом индивидуальной выгоды, будущих последствий, предпочтений в развитии и симпатий, базирующихся на жизненном опыте.

¹URL: https://dzen.ru/a/Zj_auH4Mm1SYu-JF

Оценочность воздействия в образовательном медиадискурсе

Добавление в характеристику языковой личности положительных, но менее выразительных черт объекта может ослабить общую оценку. Для повышения общей оценки необходимо акцентировать внимание на положительных аспектах языковой личности. Поступательное представление положительных качеств повышает признание. Аналогично обстоит дело с отрицательными оценками. Если указываются три крайне негативные и три умеренные черты, общая оценка языковой личности будет менее подавляющей, нежели в случае трех исключительно негативных ее характеристик. Данные психологические факторы необходимо учитывать в учебной коммуникации. Следует сначала сообщать важную информацию, а потом ее углублять, расшифровывать, а также добавлять второстепенную, но необходимую информацию.

Существуют различные модели формирования общей оценки в образовательном медиадискурсе, которые в контексте педагогического дискурса подробно описывает в своем научном труде Т. Емчура [Емчура, 2000]. Две модели представляют интерес для нашего исследования: кумулятивная модель и модель средних величин. Автор отмечает, что присвоение объекту двух противоположных характеристик с одинаковой интенсивностью приближает общую оценку по обеим моделям к нулю, с увеличением числа конкретных характеристик в кумулятивной модели отмечается более высокая общая оценка, а в модели средних величин ее повышение возможно путем последовательного представления позитивных характеристик с нарастающей абсолютной ценностью. Пошаговое изложение двух-трех оценочных характеристик языковой личности более последовательно повышает общую оценку, нежели в случае средних значений. Данная закономерность придает плюсы кумулятивной модели.

По модели средневзвешенных величин единая общая оценка языковой личности формируется по мере того, как взаимно сопоставляются и поэтапно суммируются разные ее оценки [Подгурецкий, 2012]. Явление или личность оценивается на основе характеристик, которые рассматриваются первыми, и элементы, представленные ранее, значимее последующих.

Т. Емчура отмечает «эффект первенства» как запоминание и оценивание обучающимися всех характеристик [Емчура, 2000]. В связи с тем что коммуниканты акцентируют обычно первый элемент [там же], мы можем констатировать тот факт, что для популяризации явления или личности

в образовательной коммуникации нужно сначала представить наиболее привлекательную характеристику. Например, если языковая личность педагога или языковая личность обучающегося называется *интеллигентной, честной, общительной*, то она будет оцениваться иначе, чем та, которая описывается как «общительная, интеллигентная, честная».

«Эффект первенства» добавляется «эффектом окончания»: последняя черта в списке, как и первая, имеет большой вес, лучше воспринимается и оценивается адресатом, остается в его памяти.

Также следует учитывать «эффект величины». Если оценка состоит из шести одинаково интенсивных черт, она будет выше оценки трех положительных характеристик. Если перечисляются незначительные черты, то оценка будет, скорее, отрицательной.

«Эффект крайности» фиксируется в избегании формулировки средних оценок, участники склонны формулировать свои оценки под влиянием наиболее радикального высказывания, которые воспринимаются как более личные, особенно если в их социальной группе распространены [Eagly, Manis, 1966; Manis, Armstrong, 1971; Емчура, 2000].

«Эффект величины» и «эффект крайности» в характеристике людей и ситуаций осуществляются в обобщении или сверхообобщении. В качестве примера можно рассмотреть следующие характеристики языковой личности педагога: «N – моральный, честный, правдивый», что семантически избыточно в случае эквивалентности «морального», «соблюдающего нормы морали», так как «честный» и «правдивый» не несут новой информации [Емчура, 2000]. Результаты исследований показывают, что обобщение приводит к более высокой общей оценке по сравнению с оценкой по одному параметру, а также при использовании оценочных характеристик, которые друг друга контрастно дополняют. Этот принцип соположения оценочных характеристик может быть противопоставлен их семантическому дублированию. Величина общей оценки есть среднее между величиной отдельной черты и результатом действия множества дополняющих черт участников образовательного процесса.

Формирование общей оценки в рамках педагогической коммуникации касается индивидов, институтов, социальных систем и других объектов. Эта оценка является результатом интеграции частных суждений. Оценки, касающиеся индивидов и социальных ситуаций, отличаются от оценок предметов тем, что они не основываются на объективной шкале. Например, для оценки доски в классе применяются метрические показатели, а

оценка самоотверженности человека, помогающего спасти ребенка на пожаре, требует другого подхода. Мотивы таких действий могут значительно варьироваться, и отсутствуют единые объективные критерии.

В поисках оценки социальных ситуаций разработана психологическая «якорная точка». Она определяется либо сравнением оцениваемого объекта с аналогичными, либо установлением принципа, по которому объект можно оценить. Например, если учитель или обучающийся замечает множество положительных аспектов своей институции, он будет оценивать другие учреждения, опираясь на свое восприятие. Таким образом, формируется исходная установка, которая влияет на дальнейший отбор информации о явлении.

Экспериментальные исследования дополнительных оценок показали, что коммуниканты в образовательном медиадискурсе, чья точка отсчета к представленной в сообщении, минимизируют различия между самими собой и сообщением, воспринимая его как родственное своей позиции. Описанное явление представляет собой «эффект ассимиляции» и наблюдается в повседневных ситуациях педагогической коммуникации, в том числе и в СМИ. Напротив, те, кто располагает другими взглядами, склонны преувеличивать различия, проявляя «эффект контраста».

В контексте языковой личности педагога также важно рассмотреть механизм нормативного соотнесения и изменения установок (Емчура, 2000). Установочные суждения могут меняться под влиянием как внутренних знаний, так и мнений окружающих. Коммуниканты стремятся оценивать себя через сравнение с другими, выбранными в группе по определенным критериям (профессиональным, национальным и др.).

На основе ключевых закономерностей оценочного педагогического процесса [Емчура, 2000] выделяются основные аспекты образовательного медиадискурса:

- 1) субъективная оценка стабилизируется, когда коммуникант сравнивает себя с другими участниками учебной группы, причем колебания оценки уменьшаются при анализе множества учебных групп;
- 2) сравнение с другими изменяет меру ценности при стремлении коммуниканта быть похожим на объект сравнения; в нестандартных ситуациях применяются разные основания для оценки;
- 3) низкая оценка фиксируется при несовпадении поведения коммуникантов и необходимости подстраивания под других в группе;

- 4) отмечается мотивированность коммуникантов к сглаживанию явных или скрытых различий в мнениях и поведении; для акцентирования положительных качеств коммуниканта, обладающего отрицательными характеристиками, применяются защитные сравнения.

Изучение особенностей воздействия языковой личности педагога в образовательной медиакommunikации показывает результативность применения ею инструментария поощрений и наказаний в учебно-воспитательном процессе. В результате проведения мини-эксперимента установлено, что публичное поощрение на уроках иностранного языка трансформирует установку в 92 % случаев, а наказание в 7 %. Учет психологического аспекта реагирования обучающегося на интенции языковой личности педагога позволяет констатировать тот факт, что поощрения эффективнее наказаний при формировании установок, так как раскрывает перспективу движения к цели. Наказание представляет собой блокировку стремлений без дальнейшего развития и предложения иного позитивного пути реализации цели (*выговор при классе или группе, оценка '2' и т. п.*). Рекомендуется минимизировать применение наказания как более сильного воздействующего средства в обучении и воспитании, тем более в публичном пространстве, в образовательном медиaprостранстве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все сказанное подтверждает значимость формирования коммуникативных навыков и умений языковой личности педагога для эффективной деятельности в образовательной медиакommunikации. В результате проведенного исследования выявлены основные особенности воздействия в образовательном медиадискурсе. К ним относятся подражательность, суггестивность, функциональность, ценностность, оценочность.

Рассматриваемые подражательные и суггестивные аспекты воздействия важны для процесса социализации обучающихся. Языковая личность учителя должна учитывать их и использовать в интересах общества, помогая обучающимся разобраться, кем и какими быть. Польза от такой деятельности велика, так как обучающийся стремится стать частью группы при гарантии его позитивного самоощущения, гордости принадлежностью к группе. Идентификация проявляется при каждой дифференциации позиций и характеристик, что важно помнить. Необходимо поощрять все стремления обучающихся стать полноправными членами коммуникативного образовательного

пространства школы и вуза в современных цифровых условиях образовательной медиакommunikации. В качестве перспективы исследования рассматривается лингвокультурное сопоставительное

изучение прагматического аспекта воздействия в образовательном медиадискурсе на материале российских, британских, американских, немецких и испанских СМИ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Карасик В. И. Язык социального статуса: Социолингвистический аспект. Прагматический аспект. Лингвосемантический аспект. М.: Гнозис, 2002.
2. Trends of augmented reality applications and research throughout the world: meta-analysis of theses, articles and papers between 2001–2019 years / M. Tezer et al. // International Journal of Emerging Technologies in Learning. 2019. Т. 14. № 22. С. 154–174.
3. Желтухина М. Р., Спорова И. П. Человек и его дискурс – 8: политическое медиавоздействие – цифровые технологии – гражданская лингвопрагматика. М.–Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2024.
4. Сергеева О. В., Желтухина М. Р. Лингвопрагматика языковой личности педагога: монография / под науч. ред. М. Р. Желтухиной. М.: ИНФРА-М, 2024.
5. Гусейнова И. А., Горожанов А. И. Коннотированный образ как способ конструирования информационного противостояния в художественно-публицистическом жанре // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023а. Т. 16. № 6. С. 911–920.
6. Ленец А. В. Прагматическая диагностика особенностей речевого поведения немецкого учителя: дис. ... канд. филол. наук. Пенза, 1999.
7. Матвеева Г. Г., Ленец А. В., Петрова Е. И. Основы прагматической лингвистики. 4-е изд., стереотип. М.: ФЛИНТА, 2019.
8. Гусейнова И. А., Горожанов А. И. Идеология как фактор перевода: традиции в инновациях // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2023б. Т. 22. № 3. С. 67–76. DOI 10.15688/jvolsu2.2023.3.6.
9. Manis M., Armstrong G. W. Contrast Effects in Verbal Output // Journal of Experimental Social Psychology. 1971. № 7. Р. 381–388.
10. Karpovskaya N. V., Shiryayeva O. V., Zheltukhina M. R. Stylistic means of headline creating in the information-analytical media text: pragmasemantic aspect of metaphor. XLinguae, 2019. Vol. 12. № 4. Р. 173–182. DOI 10.18355/XL.2019.12.04.15.
11. Leech G. N. Principles of Pragmatics. London, New York: Longman, 1983.
12. Сорокин Ю. А. Психолингвистические аспекты изучения текста. М.: Наука, 1985.
13. Lakoff R. T. Talking power: The politics of language in our lives. New York: Basic Books, 1990.
14. Емчура Т. Коммуникативный механизм социальной регуляции: дис. ... канд. социол. наук. Белгород, 2000.
15. Желтухина М. Р. Специфика влияния вербалики и невербалики масс-медиакоммуникации на избирательный процесс // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: Человек и его дискурс: сборник научных трудов. ИЯ РАН; под ред. Ю. А. Сорокиной, М. Р. Желтухиной. Москва: Азбуковник, 2003. С. 109–132.
16. Желтухина М. Р. Вербальное медиавоздействие на политическое сознание в кризисной ситуации // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2011. № 3. С. 7–12.
17. New country's political discourse: formation Of speech technologies / Tameryan T. Yu. et al. // Modern Journal of Language Teaching Methods. 2018. Т. 8. № 8. С. 11–18.
18. Антонова Н. А. Педагогический дискурс: речевое поведение учителя на уроке: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007.
19. Подгурецкий Ю. Коммуникативно-деятельностная теория образования. М. ; Познань: АПСН, 2012.
20. Сергеева О. В. Личность и межличностные отношения учителя в зеркале языка массовой информации: аспект конфликтности // Вестник Пензенского государственного лингвистического университета, 2009. № 4. С. 160–161.
21. Желтухина М. Р., Сергеева О. В. Лингвопрагматические характеристики образовательного медиадискурса: американские, британские и русские визуальные презентемы // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2023. № 4. С. 169–186. DOI 10.29025/2079-6021-2023-4-169-186.
22. Макаренко А. С. Педагогическая поэма. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016.
23. Eagly A. H., Manis M. Evaluation of message and communicator as a function of involvement // Journal of Personality and Social Psychology. 1966. Vol. 3 (4). Р. 483–485. DOI: 10.1037/h0023045.

REFERENCES

1. Karasik, V. I. (2002). Yazyk social'nogo statusa: Sociolinguist. aspekt. Pragmalingvist. aspekt. Lingvosemant. aspekt = Language of social status: Sociolinguist. aspect. Pragmalinguist. aspect. Linguosemant. aspect. Moscow: Gnosis. (In Russ.)
2. Tezer, M. et al. (2019). Trends of augmented reality applications and research throughout the world: meta-analysis of theses, articles and papers between 2001–2019 years. *International Journal of Emerging Technologies in Learning*, 14(22), 154–174.
3. Zheltukhina, M. R., Sporova, I. P. (2024). Chelovek i ego diskurs – 8: politicheskoe mediavozdejstvie – cifrovye tehnologii – grazhdanskaya lingvopragmatika = Person and his discourse – 8: political media impact – digital technologies – civil linguistic pragmatics. Moscow, Volgograd: PrinTerra-Design. (In Russ.)
4. Sergeeva, O. V., Zheltukhina, M. R. (2024). Lingvopragmatika yazykovoj lichnosti pedagoga: monografiya = Linguopragmatics of the teacher's linguistic personality: monograph. Ed. by M. R. Zheltukhina. Moscow: INFRA-M. (In Russ.)
5. Guseinova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2023a). Connotated image as a way of constructing informational opposition in the fictional and publicistic genre. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 16(6), 911–920. (in Russ.)
6. Lenets, A. V. (1999). Pragmalingvisticheskaya diagnostika osobennostej rechevogo povedeniya nemetskogo uchitelya = Pragmalinguistic diagnosis of the features of the speech behavior of a German teacher: PhD in Philology. Pyatigorsk. (In Russ.)
7. Matveeva, G. G., Lenets, A. V., Petrova, E. I. (2019). Osnovy` pragmalingvistiki = Fundamentals of pragmalinguistics. 4th ed., stereotyped. Moscow: FLINTA. (In Russ.)
8. Guseynova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2023b). Ideology as a Factor of Translation: Traditions in Innovation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics]*, 22 (3), 67–76. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.6>. (In Russ.)
9. Manis, M., Armstrong, G. W. (1971). Contrast Effects in Verbal Output. *Journal of Experimental Social Psychology*, 7, 381–388.
10. Karpovskaya, N. V., Shiryayeva, O. V., Zheltukhina, M. R. (2019). Stylistic means of headline creating in the information-analytical media text: pragmasemantic aspect of metaphor. *XLinguae*, 12(4), 173–182. 10.18355/XL.2019.12.04.15.
11. Leech, G. N. (1983). *Principles of Pragmatics*. London, New York: Longman.
12. Sorokin, Yu. A. (1985). Psixolingvisticheskie aspekty` izucheniya teksta = Psycholinguistic aspects of text study. Moscow: Science. (In Russ.)
13. Lakoff, R. T. (1990). *Talking power: The politics of language in our lives*. New York: Basic Books.
14. Emchura, T. (2000). Kommunikativnyj mexanizm social'noj regulyatsii = Communicative mechanism of social regulation: PhD in Sociology. Belgorod. (In Russ.)
15. Zheltukhina, M. R. (2003). Specifika vliyaniya verbaliki i neverbaliki mass-medial'noj kommunikatsii na izbi-ratel'nyj process. Massovaya kul'tura na rubezhe XX–XXI vekov: Chelovek i ego diskurs. Sbornik nauchnyx trudov. IYA RAN = Specifics of the influence of verbal and non-verbal mass-media communication on the electoral process. In *Mass culture at the turn of the XX–XXI centuries: Person and his discourse: collection of scientific papers* (pp. 109–132). IYA RAS; ed. by Yu. A. Sorokin, M. R. Zheltukhina. Moscow: Azbukovnik. (In Russ.)
16. Zheltukhina M. R. (2011). Verbal'noe mediavozdejstvie na politicheskoe soznanie v krizisnoj situatsii. *Vestnik Centra mezhdunarodnogo obrazovaniya Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Kul'turologiya. Pedagogika. Metodika* = Verbal media impact on political consciousness in a crisis situation. Bulletin of the Center for International Education of Moscow State University. Philology. Cultural studies. Pedagogy. Methodology, 3, 7–12. (In Russ.)
17. Tameryan, T. Yu. et al. (2018). New country's political discourse: formation of speech technologies. *Modern Journal of Language Teaching Methods*, 8(8), 11–18.
18. Antonova, N. A. (2007). Pedagogicheskij diskurs: rechevoe povedenie uchitelya na uroke = Pedagogical discourse: teacher's speech behavior in the lesson: PhD in Philology. Saratov. (In Russ.)
19. Podguretsky, Yu. (2012). Kommunikativno-deyatel'nostnaya teoriya obrazovaniya = Communication-activity theory of education. Moscow, Poznan: APSN. (In Russ.)
20. Sergeeva, O. V. (2009). Lichnost' i mezhlchnostny'e otnosheniya uchitelya v zerkale yazyka massovoj informatsii: aspekt konfliktnosti = Personality and interpersonal relations of the teacher in the mirror of the media language: aspect of conflict. *Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University*, 4, 160–161. (In Russ.)

21. Zheltukhina, M. R., Sergeeva, O. V. (2023). Linguopragmatic characteristics of the educational media course: American, British and Russian visual presentations. Current problems of philology and pedagogical linguistics, 4, 169–186. 10.29025/2079-6021-2023-4-169-186. (In Russ.)
22. Makarenko, A. S. (2016). Pedagogicheskaya poe'ma = Pedagogical poem. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber. (In Russ.)
23. Eagly, A. H., Manis, M. (1966). Evaluation of message and communicator as a function of involvement. Journal of Personality and Social Psychology, 3(4), 483–485. 10.1037/h0023045.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сергеева Ольга Викторовна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры английской филологии факультета романо-германской филологии
Кубанского государственного университета

Желтухина Марина Ростиславовна

доктор филологических наук, профессор
профессор РАО, академик РАН
директор, главный научный сотрудник научно-образовательного центра «Человек в коммуникации»
Пятигорского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergeeva Olga Viktorovna

Ph.D. in Philology, Associate Professor
Associate Professor of the Department of English Philology
Romano-Germanic Philology Faculty, Kuban State University

Zheltukhina Marina Rostislavovna

Dr. habil. in Philology, Professor
Professor of the Russian Academy of Education, Member of the Russian Academy of Natural Sciences
Director, Chief Researcher of the Scientific and Educational Center "Person in Communication"
Pyatigorsk State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

21.11.2024
23.12.2024
09.01.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК (81'34+81'42):811.111

Успеть за 60 секунд: темпоральные особенности заключительных предвыборных выступлений Д. Трампа

Т. В. Сокорева

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
t.v.sokoreva@linguanet.ru*

Аннотация. Цель настоящего исследования заключается в описании просодических особенностей англоязычного политического дискурса, а именно темпоральных характеристик речи американского политика в ходе предвыборных дебатов с главным оппонентом. В качестве материала исследования использованы заключительные выступления кандидата в президенты США Дональда Трампа в рамках двух состоявшихся в этом году президентских дебатов. Результаты слухового, электронно-акустического и статистического анализов выявили специфику темпорального оформления речи участника англоязычного политического дискурса в условиях временных ограничений.

Ключевые слова: политический дискурс, предвыборные президентские дебаты, американский английский, скорость речи, скорость артикуляции, паузация

Для цитирования: Сокорева Т. В. Успеть за 60 секунд: темпоральные особенности заключительных предвыборных выступлений Д. Трампа // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1 (895). С. 92–97.

Original article

Catch up in 60 Seconds: Temporal Features of D. Trump's Closing Statements in Presidential Debate

Tatiana V. Sokoreva

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
t.v.sokoreva@linguanet.ru*

Abstract. The research is aimed at describing the prosodic features of English political discourse, namely the temporal characteristics of an American politician's speech during the election debate with his main opponent. The closing statements of US presidential candidate Donald Trump in the course of two presidential debates held this year were used as research material. The results of auditory, electronic-acoustic and statistical analyses revealed the specifics of the temporal organisation of speech in English political discourse presented under time constraints.

Keywords: political discourse, presidential debate, American English, speech rate, articulation rate, pausation

For citation: Sokoreva, T. V. (2025). Catch up in 60 seconds: temporal features of D. Trump's closing statements in presidential debate. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(895), 92–97. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В современной лингвистике понятие «политический дискурс» имеет широкое и узкое толкование: с одной стороны, к политической коммуникации могут относиться «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относятся к сфере политики»; с другой стороны, под политическим дискурсом «понимается языковое выражение общественной практики в сфере политической культуры, представляющее собой профессиональное использование языка, за которым стоит национально и социально исторически обусловленная ментальность его носителей» [Левенкова, 2011, с. 13–14]. Политический дискурс, таким образом, представляет собой многоплановый термин, который описывает язык передачи политических идей, событий и идеологий, а также является важнейшим инструментом в сфере политики, формируя общественное мнение и влияя на политические действия.

Следовательно, основная функция политического дискурса – это не просто передача информации, а оказание влияния на аудиторию и формирование восприятия и направлений общественных настроений с помощью риторических стратегий и нарративных конструкций. Таким образом, политический дискурс – это не только содержание того, что говорится, но и то, как оно оформляется и интерпретируется в более широком контексте общественных норм и структур власти [Petrosyan, Khamrakulova, 2022]. Выбор слов и риторика политических деятелей могут влиять на восприятие аудиторией их речи, в частности, и их политических взглядов, в целом. Политические партии часто используют специфический язык и лозунги, чтобы отличаться от своих конкурентов и апеллировать к своей позиции. Риторика всегда считалась мощным политическим оружием для формирования политических убеждений и действий, именно ораторское искусство позволяло людям жить и участвовать в цивилизованной общественной жизни [Rahmani, Saeed, 2024].

Существенную роль в процессе передачи смысла сообщения и его конструирования у слушающего с точки зрения говорящего, согласно результатам исследования публичной англоязычной речи, играет интонация [Цибуля, 2023]. Во время реализации различных этапов коммуникации, от привлечения и удержания внимания до формирования определенной установки восприятия, говорящий использует целый комплекс интонационных и просодических характеристик речи, важное место среди которых занимают темп и паузация. Они обладают определенной силой воздействия на аудиторию [Потапова, 1990].

Особенно непростое испытание для речевого аппарата и навыков говорения представляют выступления, ограниченные во времени, например, во время произнесения кандидатом в президенты в рамках американских предвыборных дебатов заключительного слова, которое длится ровно одну минуту. Перед политиками стоит сложная задача – за 60 секунд нужно не только успеть высказать все идеи и обещания предвыборной программы, но и убедить аудиторию в достоверности своих слов и необходимости голосовать за свою кандидатуру. Однако, согласно результатам исследования, быстрый темп речи в сообщении затрудняет его понимание, делает его содержание менее выразительным и не интересным для слушающего [Надеина, 2003]. Возникает вопрос: какие просодические, а именно темпоральные особенности речи будут характерны для выступлений политиков в подобных ситуациях?

Данная работа нацелена на выявление и анализ просодических характеристик англоязычного политического дискурса, а именно темпоральных особенностей ограниченной во времени публичной речи, которые были исследованы на материале двух заключительных выступлений американского политика, участника президентских предвыборных дебатов.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве материала исследования использовались записи заключительных выступлений Дональда Трампа в ходе предвыборных дебатов с Джо Байденом, состоявшихся 27 июня 2024 г. (дебаты 1), и с Камалой Харрис, прошедших 10 сентября 2024 г. (дебаты 2).

Две аудиозаписи длиной по одной минуте каждая, были проанализированы с помощью компьютерной программы PRAAT¹, в результате чего были определены следующие темпоральные параметры речи:

- общая длительность звучания (сек.)
- общая длительность пауз (сек.)
- скорость говорения (количество слогов в сек., учитывая время говорения, включая паузы)
- скорость артикуляции (количество слогов в сек., учитывая время звучания, исключая паузы, длительностью более 0,1 сек)
- соотношение длительности звучания и длительности паузации
- количество и средняя / медианная длительность пауз, превышающих 0,1 сек.
- количество так называемых «психологических» пауз – границ смысловых групп,

¹Boersma, P., Weenink, D.: Praat: doing phonetics by computer (Version 6.0.14). Homepage: <http://www.praat.org/>, last accessed 2024/08/22

отмеченных мелодическими тональными изменениями при отсутствии физической паузы в речи [Васильев, Катанская, Лукина, 2009]

- количество интонационных групп, определяемых как минимальное интонационно-смысловое единство [Шевченко, 2024]
- количество интонационных фраз – отрезков звучания между двумя физическими паузами в речи
- средняя / медианная длительность интонационных групп (сек.)
- средняя / медианная длительность интонационных фраз (сек., количество слогов)

Помимо вычисления средних значений параметров, также были посчитаны медианы, так как с точки зрения статистики они являются достаточно надежными, поскольку они не подвержены влиянию аномальных выбросов и экстремальных значений.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В таблице 1 представлены значения темпоральных показателей, отражающих скорость речи американского политика и соотношение общего времени звучания и длительности всех пауз. Как видно из полученных данных, скорость говорения (4,9 слогов в секунду) и скорость артикуляции (5,6 слогов в секунду) во время первых дебатов немного превышают те же показатели, характерные для речи Трампа во вторых дебатах – 4,1 и 4,8 слогов в секунду соответственно. При этом в обоих случаях темп речи достаточно высок. Так, например, исследование роли просодического оформления речи в воздействии на целевую аудиторию на материале публичных выступлений известных британских и немецких политиков в парламенте и Бундестаге показало, что скорость артикуляции политиков немцев составляет 4 слога в секунду, британцев – 3,7 слогов в секунду [Сокорева, 2024]. Стоит отметить, что временные рамки выступлений в органах народного представительства гораздо шире, чем в финале президентских дебатов, что обуславливает ускоренный темп говорения спикеров. За одну минуту кандидатам в президенты необходимо успеть донести свою позицию до аудитории, а также убедить как можно большее количество людей проголосовать за себя.

Значения параметра соотношения длительности звучания и паузации в заключительных выступлениях Дональда Трампа также достаточно высоки – время фактического говорения почти в 6,5 раз превышает время, затраченное на паузы (6,4:1 в дебатах 1, 6,3:1 в дебатах 2).

Таблица 1

ПОКАЗАТЕЛИ ТЕМПА РЕЧИ ДОНАЛЬДА ТРАМПА В ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ ВО ВРЕМЯ ПЕРВЫХ И ВТОРЫХ ДЕБАТОВ

Показатели	Дебаты 1	Дебаты 2
Общая длительность (сек.)	119,385	119,447
Общая длительность звучания (сек.)	103,337	103,092
Общая длительность пауз (сек.)	16,048	16,355
Скорость говорения (слоги в секунду)	4,9	4,1
Скорость артикуляции (слоги в секунду)	5,6	4,8
Соотношение «звучание:паузация»	6,4:1	6,3:1

Согласно результатам исследований, быстрый темп речи в сообщении затрудняет его понимание и делает его содержание менее выразительным и не интересным для слушающего [Надеина, 2003]. Однако для участников предвыборных дебатов более важным является количество представленной информации, в то время как за качество изложения могут отвечать другие просодические параметры такие как, например, мелодическое оформление высказывания, громкость и тембр голоса.

Отдельную роль в структуре заключительного слова в рамках дебатов играют паузы. В таблице 2 представлены значения количественных и темпоральных показателей для параметра паузации.

Стоит отметить наличие большого количества так называемых «психологических» пауз в речах кандидата в президенты, которые составляют 42 % (дебаты 1) и 32 % (дебаты 2) от общего количества всех паузальных отрезков. Данный тип пауз разграничивает две смежные смысловые группы в речи, произносимые без физической, акустической паузы, то есть на одном выдохе. Такая манера говорения представляет определенную сложность, особенно для представителей старшего поколения в силу физиологического спада в организме, в целом, и в строении и функционировании речевого аппарата, в частности [Linville, 2001].

Тем не менее согласно исследованию А. В. Чуешковой и Т. И. Шевченко [Чуешкова, Шевченко, 2023], изучавших индивидуальные особенности голоса известного британского фонетиста на разных этапах его жизни, несмотря на ожидаемое возрастное замедление артикуляции, лектор сохранил ускоренный темп речи, чему способствовала постоянная практика ораторского мастерства, которая обеспечила поддержание степени владения своим голосом с возрастом, выраженного в сохранении

широкого диапазона, темпорального контроля и гибкости качества голоса.

Таблица 2

ПАУЗАЦИЯ В РЕЧИ ДОНАЛЬДА ТРАМПА В ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ ВО ВРЕМЯ ПЕРВЫХ И ВТОРЫХ ДЕБАТОВ

Показатели	Дебаты 1	Дебаты 2
Количество пауз	44	50
Количество «психологических» пауз	32 (42 %)	23 (32 %)
Средняя / медианная длительность пауз (сек.)	0,365/0,337	0,327/0,336

Значения показателей средней и медианной длительностей пауз примерно одинаковы для обоих речевых образцов. Они составляют чуть больше 300 миллисекунд (см. табл. 2), что представляет собой относительно небольшой временной промежуток, характерный обычно для коротких пауз внутри предложений [Васильев, Катанская, Лукина, 2009].

Результаты исследования А. В. Горбылевой на материале корпуса англоязычной диалогической речи свидетельствуют о том, что просодическими чертами завершения реплики считается, наряду с понижением высотного тона, замедление темпа [Горбылева, 2023]. Его, однако, не наблюдается в данных настоящего анализа в силу специфики коммуникативной ситуации. Наоборот, достаточно быстрый темп сохраняется и поддерживается спикером на протяжении всего времени говорения, которого у него не так много.

Ускоренный темп речи кандидата влияет и на состав и продолжительность интонационных групп. В таблице 3 представлены данные о количестве, составе и средней длительности интонационных групп в выступлениях Дональда Трампа на двух дебатах.

Таблица 3

ПОКАЗАТЕЛИ ИНТОНАЦИОННЫХ ГРУПП В РЕЧИ ДОНАЛЬДА ТРАМПА В ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ ВО ВРЕМЯ ПЕРВЫХ И ВТОРЫХ ДЕБАТОВ

Показатели	Дебаты 1	Дебаты 2
Количество интонационных групп	77	74
Количество интонационных фраз	45	51
Средняя длительность интонационных групп (сек.)	1,360	1,393
Средняя длительность интонационных фраз (сек./ количество слогов)	2,296/12,9	2,021/9,6

Количество интонационных групп в обоих образцах речи практически совпадает (77 и 74 в дебатах 1 и 2 соответственно), поскольку время, отведенное на представление заключительного слова, строго регулируется. Количество интонационных фраз – реальных отрезков звучания, перемежающихся акустическими паузами, длительно – более 0,1 секунд – также является сходным (45 и 51 в дебатах 1 и 2 соответственно). Таким образом, в своем выступлении на вторых дебатах с Камалой Харрис Дональд Трамп сделал немного больше физических пауз.

В ходе анализа было обнаружено, что в ряде случаев на стыке двух отдельных предложений, представляющих самостоятельные смысловые группы с точки зрения грамматической, лексической и интонационной наполненности, отсутствуют физические паузы, а спикер сразу после произнесения предыдущего предложения переходит к началу следующего, делая реальную паузу только в середине последующей фразы. 16 % психологических пауз в дебатах 1 и 12 % пауз в дебатах 2 должны быть реальными акустическими паузами, которые разграничили бы соседние высказывания и способствовали лучшему восприятию и пониманию смысла данных предложений.

Что касается средней длительности интонационных групп, значения данного параметра для двух вариантов заключительных речей почти идентичны (1,360 и 1,393 секунд для дебатов 1 и 2 соответственно). Более важным для описания темпоральной структуры предвыборных речей, учитывая строгие ограничения во времени, является показатель длительности интонационной фразы – сколько времени кандидат в президенты может говорить без паузы. Результаты исследования показали, что такой отрезок речи является достаточно длительным в обоих выступлениях (2,296 секунд / 12,9 слогов и 2,021 секунд / 9,6 слогов для 1 и 2 дебатов). Согласно Д. С. Уэллсу [Wells, 2006], оптимальное число акцентируемых слогов для интонационной группы равняется трем, максимум пяти, тогда как увеличение количества слогов в односоставной фразе создает впечатление тяжеловесности и затрудняет понимание смысла высказывания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе анализа темпоральной составляющей англоязычного политического дискурса на материале заключительных выступлений американского политического деятеля в предвыборных дебатах было обнаружено, что темп речи в силу временных ограничений финальных высказываний и несмотря на вероятность усложнения

процесса восприятия сообщения публикой значительно ускоряется, в том числе и за счет сокращения количества и длительности физических пауз в речи. Желание «успеть» сказать за минуту всё необходимое, таким образом, перевешивает вызванные ускоренным темпом потенциальные проблемы, связанные с корректной интерпретацией речи. Правильное понимание границ смысловых групп и смысла выступления в целом, таким

образом, будет зависеть не только от темпоральных характеристик речи, но и от значения других просодических показателей, компенсирующих потери смысла из-за быстрого темпа, основным из которых является надлежащее мелодическое оформление фраз, грамотно расставленные акценты и использование эмфатического выделения, что составляет объект нашего последующего исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Левенкова Е. Р. Конвергентные и дивергентные тенденции в политическом дискурсе Великобритании и США : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Самара, 2011.
2. Petrosyan N. V., Khamrakulova F. R. The concept of 'political discourse' // *European Scholar Journal*. 2022. Vol. 3(3). P. 88–91.
3. Rahmani H., Saeed A. R. The Power of Language: Exploring the Role of Language in Politics // *International journal of research and innovation in social science (IJRISS)*. 2024. Vol. 8 (8). P. 2063–2073. DOI: <https://dx.doi.org/10.47772/IJRISS.2024.8080152>.
4. Цибуля Н. Б. Корреляция интонации и невербальных средств в экзaggerации ментально-эмоциональных значений (на материале англоязычного дискурса) // *Когнитивные исследования языка*. 2023. № 4 (55). С. 494–497.
5. Потапова Р. К. Фонетические средства оптимизации речевого воздействия // *Оптимизация речевого воздействия*. М.: Наука, 1990. С. 199–210.
6. Надеина Т. М. Фразовая просодия как фактор речевого воздействия. М.: Институт языкознания РАН, 2003.
7. Васильев В. А., Катанская А. Р., Лукина Н. Д. Фонетика английского языка: Практический курс. Новое издание : учебник. На англ. яз. / под ред. Ж. Б. Верениновой. М. : Высшая школа, 2009.
8. Шевченко Т. И. Теоретическая фонетика английского языка : учебное пособие для вузов. 3-е изд. М. : Юрайт, 2024. ISBN 978-5-534-09050-5.
9. Сокорева Т. В. Просодические параметры англоязычного и немецкоязычного политического дискурса в аспекте воздействия на аудиторию // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2024. Вып. 2 (883). С. 107–113. EDN TRMZZO.
10. Linville S. E. *Vocal Aging*. San Diego: Singular Thomson Learning, 2001.
11. Чуешкова А. В., Шевченко Т. И. Голос индивидуальности в просодическом описании: вариативный, неповторимый и узнаваемый // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2023. № 1(869). С. 120–125. DOI 10.52070/2542-2197_2023_1_869_120. EDN TWAGBA.
12. Горбылева А. В. Когнитивный и эмоциональный аспекты социального взаимодействия в диалоге // *Когнитивные исследования языка*. 2023. № 3-1(54). С. 337–341.
13. Wells J. C. *English intonation: an introduction*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

REFERENCES

1. Levenkova, E. R. (2011). *Konvergentnye i divergentnye tendencii v politicheskom diskurse Velikobritanii i SShA* = Convergent and divergent trends in the political discourse of the United Kingdom and the United States: abstract of Senior Doctorate in Philology. Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
2. Petrosyan, N. V., Khamrakulova, F. R. (2022). The concept of 'political discourse'. *European Scholar Journal*, 3 (3), 88–91.
3. Rahmani, H., Saeed, A. R. (2024). The Power of Language: Exploring the Role of Language in Politics // *International journal of research and innovation in social science (IJRISS)*, 8(8), 2063–2073. <https://dx.doi.org/10.47772/IJRISS.2024.8080152>.
4. Cybulya, N. B. (2023). *Korreljacija intonacii i neverbal'nyh sredstv v jekzazheracii mental'no-jemocional'nyh znachenij (na materiale anglojazycznogo diskursa)* = Correlation of intonation and non-verbal means in the exaggeration of mental and emotional meanings (based on the material of English-language discourse). *Cognitive language studies*, 4(55), 494–497. (In Russ.)

5. Potapova, R. K. (1990). Foneticheskie sredstva optimizacii rechevogo vozdejstviya = Phonetic means of optimizing speech effects. In Optimization of speech effects (pp. 199–210). Moscow: Nauka. (In Russ.)
6. Nadeina, T. M. (2003). Frazovaya prosodiya kak faktor rechevogo vozdejstviya = Phrasal prosody as a factor of speech influence. Moscow: Institute of Linguistics RAS. (In Russ.)
7. Vassyliev, V. A., Katanskaya, A. R., Loukina, N. D. (2009). English phonetics: Practical course. Ed. by Zh. B. Vereninova. Moscow: Higher school.
8. Shevchenko, T. I. (2024). Teoreticheskaja fonetika anglijskogo jazyka = Theoretical phonetics of the English language. Moscow : Urait. ISBN 978-5-534-09050-5. (In Russ.)
9. Sokoreva, T. V. (2024). Prosodic characteristics in English and German political discourse as a means of influencing the audience. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(883), 107–113. EDN TRMZZO. (In Russ.)
10. Linville, S. E. (2001). Vocal Aging. San Diego: Singular Thomson Learning.
11. Chueshkova, A. V., Shevchenko, T. I. (2023). Language personality and the variability of its prosodic level . Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(869), 120–125. 10.52070/2542-2197_2023_1_869_120. EDN TWAGBA. (In Russ.)
12. Gorbyleva, A. V. (2023). Kognitivnyj i jemocional'nyj aspekty social'nogo vzaimodejstviya v dialoge = Cognitive and emotional aspects of social interaction in dialogue. Cognitive language studies, 3-1(54), 337–341. (In Russ.)
13. Wells, J. C. (2006). English intonation: an introduction. Cambridge: Cambridge University Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сокорева Татьяна Викторовна

кандидат филологических наук, доцент

доцент кафедры фонетики английского языка факультета английского языка

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sokoreva Tatiana Viktorovna

Doctor of Philology, Associate Professor

Associate Professor in the Department of English Phonetics

Faculty of English Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

19.11.2024
26.12.2024
09.01.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 81'34:(811.161.1=811.111)

Сравнительный анализ реализации восходящего тона в родной и иноязычной речи

Н. В. Сухова

*Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС», Москва, Россия
Институт русского языка имени А. С. Пушкина, Москва, Россия
suhova.nv@misis.ru*

Аннотация. Целью исследования является изучение кросс-лингвистического влияния родной и иноязычной речи на реализацию восходящего тона, а именно: на расположение тона во фразе и его конфигурацию. В работе применялся сравнительный и акустический анализ. Материалом исследования послужили аудиозаписи носителей русского и английского языков. Результаты подтвердили кросс-лингвистическое влияние двух языков на реализацию восходящего тона, которое проявляется в общей иллокутивной силе высказывания, определяющей место тона и его значение. Интонационный контур в иноязычной речи обладает особыми характеристиками, а не является «эхом» похожего контура в родной.

Ключевые слова: кросс-лингвистическое влияние, восходящий тон, несущий акцент, интонационный контур, конфигурация акцента, родная речь, иноязычная речь

Для цитирования: Сухова Н. В. Сравнительный анализ реализации восходящего тона в родной и иноязычной речи // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1 (895). С. 98–104.

Original article

Rising Tone Realization in Native and Nonnative Speech

Natalya V. Sukhova

*National University of Science and Technology "MISIS", Moscow, Russia
Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia
suhova.nv@misis.ru*

Abstract. The present study aims at analyzing the cross-linguistic influence of the rising tone realization in native and nonnative speech in the tone placement in the phrase and its pitch contour configuration. The comparative and speech acoustic analyses were employed. The material consists of the speech recordings provided by the Russian- and English-speaking respondents. The findings evidence the cross-linguistic influence of the rising tone realization. It is manifested in the converging phrase illocutionary force and the tonal meaning. The nonnative speech pitch contour has its own parameters rather than being an echo of the native contour.

Keywords: cross-linguistic influence, rising tone, pitch accent, pitch contour, pitch configuration, native speech, nonnative speech

For citation: Sukhova, N. V. (2025). Rising tone realization in native and nonnative speech. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(895), 98–104.

INTRODUCTION

The ubiquitous proliferation of polylingualism in modern society drives the research of cross-linguistic influence (CLI) in speech perception and production (cf.: the notion of linguistic interference [Вишневская, 1990]).

Thus, a vast body of literature explores how the first (L1) native language interacts with the second (L2) nonnative language in all linguistic facets across perception and production [Bergman, et al., 2016]. Arguably, there is a bidirectional CLI which is supported by many L2 acquisition models, see, e. g. *Speech Learning Model* [Flege, Bohn, 2021], the main assumption of which is that there is a strong perception-production link within L1 and within L2 separately as well as between L1 and L2 in both directions [Сухова, 2023; Lee, Park, 2024].

Despite the long-standing interest in the field, there are some areas which need further consideration.

Firstly, empirical research offers evidence of CLI at the segmental level in speech production [Kim, Clayards, Goad, 2018]. The pitch accents, tones and melodic contours are more challenging to investigate [Цибуля, 2023].

Secondly, the studies of local discourse structure have concentrated on the lexical and syntactic levels, not infrequently separately, looking at their phonetic implementation [Касаткин, 2007; Вольская, Скрелин, 2009].

Thus, the question of information status (i. e. new, inferable, evoked vs given, accessible information; thematic vs rhematic distinction) of the rising accents and tones in bigger phonopassages across the Russian and English similar texts would provide some insights into the speech production phonological programming.

The present study **addresses** the distinct category of rising tone in L1 Russian, L1 English and L2 English. More concretely, it focuses on the rising tone and its location and configuration in the intonation phrase in native and nonnative speech.

The research pilots the necessity to describe the Russian English variant of the English language (its philosophical foundations see in [Прошина, 2022]) considering CLI between Russian and English. The previous studies have stated the prosodic *interference* of the Russian language onto the English language speech production with the focus on the distinctions and differences in the realization of phonological categories [Фокина, 2013]. The emphasis of this research lies on *the potential blend* of the English and Russian prosodic categories in the production of the rising tone in L2. Moreover, the rising tones of various geneses are studied, rather than nuclear tones only.

Hence, it is **hypothesized** here that an advanced speaker of English with Russian as L1 produces rising tone with a specific configuration in the Russian variant of the English language. The configuration has characteristics of both L1 and L2.

The research **aims** at analyzing the lexical units in L2 and L1 associated with the rising tone, their location in the phrase and their pitch configuration.

The material consists of 11 audio recordings done by the English and the Russian native speakers. The total duration is three minutes (167 seconds). There are 118 words with the rising tone under scrutiny.

RISING ACCENTS: PROSODIC CUES AND MEANINGS

The intonation research concerns the relationships between the prosodic characteristics in speech and the abstract categories of meaning.

American scholars J. Steffman et al. have pointed out that there is “a hierarchy of distinctions among nuclear tunes” [Steffman, Cole, Shattuck-Hufnagel, 2024, p. 1]. They have proved that primary tune distinctions, such as timed F0 trajectories and the temporal tonal center of gravity, are well-clustered and well-perceived, whereas other tune distinctions are limited in clustering and often confused in perception.

The F0 configuration encompasses those parameters which are perceived as the pitch tune and express the meaning. The parameters are average F0, the pitch range and level, and the velocity of pitch change in the phrase [Вишневская, 1990].

The more traditional approach is to examine tones via intonational curve, or a melodic (intonation, pitch) contour, where the diapason change and the curvature over the stressed and unstressed syllables are observed [Светозарова, 1982; Кодзасов, 1999].

The western viewpoint is marked by *Tone and Break Indices* transcriptional system (ToBI) [Pierrehumbert, 1980] where *pitch accents* are associated with strong stressed syllables to mark prominence; the *phrase accents* in the intermediate phrase are associated with the edge of the prosodic domain; in a larger intonational phrase they are called *boundary tones* [Steffman, Cole, Shattuck-Hufnagel, 2024]; see also the attempt to use the system for the Russian language intonational transcription [Оде, 2007]. The accent classification seems concomitant with the modern Russian overall position on the accents' distinction within the utterance [Кибрик, Подлеская, Коротаев, 2009].

In this paper we adhere to two prosodic categories, i. e. accent and the pitch movement in the accent.

There are integral factors for the accent placement, for more details see [Янко, 2008], the crucial ones being:

- communicative component (rheme vs theme);
- syntactic component (noun phrase, verb phrase, clause, etc.);
- given or new referent, etc.

The literature on intonational meaning of an utterance offers support for the associations between “a particular tune and the pragmatic meaning of an utterance related to illocutionary force (speech act), or the speaker’s epistemic state” [Steffman, Cole, Shattuck-Hufnagel, 2024, p. 2]. In other words, *the rising tone* iconically marks the discourse semantics of ‘non-end’ and anticipated continuation; the level tone – the semantics of continuation; the falling tone – the semantics of completion, or the end. However, the tones may be not only semantically prone but also “adaptive” to communicative intention, to the illocution or to the clause or elementary discourse unit [Кибрик, Подлесская, Коротаев, 2009, p. 75; Касаткин, 2007; Вольская, Скрелин, 2009].

The present study provides more insight into the nature of the less categorical prosodic parameter as the rising accents are. It is attempted to compare the configuration of the Russian pitch accents on the stressed words and the nuclear tones with the English phrasal accents and nuclear tone in L1 and L2.

MATERIAL AND METHODOLOGY

Five Russian native speakers (17–18 years old; four females and one male; B2–C1 level of English proficiency) read the stimulus text in Russian¹ and in English [Grant, 2011, p. 3] at home and recorded their readings (see Examples 1–2). One English native speaker (18 years old; a female)² recorded the text in English.

(Example 1) *English version*:

(a) Have you ever watched young children practice the sounds of the language they are learning? (b) They imitate, repeat, and sing consonant and vowel combinations without effort. (c) For young children, learning to speak a language is natural and automatic.

(Example 2) *Russian version*:

(a) Вы когда-нибудь наблюдали, как маленькие дети практикуют звуки языка, который они изучают? (b) Они имитируют, повторяют и поют сочетания согласных и гласных без усилий. (c) Для маленьких детей обучение языку происходит естественно и автоматически.

¹The translation was done by the author of the article.

²The author expresses gratitude to Emma Wraight for the reading.

The text serves as a good example of three different communicative types (a general question, a statement with enumeration and a statement with the initial object) potentially eliciting the rising tunes usage. The texts are paralleled in such a way that the syntactic constructions also coincide (e.g. see 2c as a direct translation of 1c).

The proposed design would allow for the information centers in both versions to intersect. Thus, the global structure of the passages is the same, and the pragmatic meaning will potentially be the same. That would lead to pure tone correlation, once we adopt a universal view on meaning construction with the similar illocutionary forces [Кибрик, Подлесская, Коротаев, 2009, p. 75].

The audio files have been textgrided and analyzed with *Praat*³. The visible pitch contours and the word tier have been drawn and illustrated graphically for each word with the rising tone.

RISING ACCENTS PLACEMENT

The material proves the peculiarity of the reading technique in native and nonnative language. The data collection setup has not been controlled, so the acquired recordings prompt that some respondents have not seen the texts or familiarized themselves with them in any way before the recording. The pausation and the unclear or wrong pronunciation of some parts indicate that presumption. However, the initial task contained the recommendations how to do the exercise⁴.

Here, on the one hand, as O. Parshina et al. argue, “the saccadic planning adheres to a ‘regular’ pattern, accounting for language-specific word length expectations” [Parshina, Zdorova, Kuperman, 2024, p. 1700]. However, “the saccade lengths and landing positions did not differ between English and Russian readers even in the cross-linguistically length-matched stimuli” [ibid., p. 1694]. For the present study the findings show that the texts readings are aligned and depend only on the language proficiency and individual differences.

On the other hand, there is evidence for proactive and reactive control of the pitch level in reading utterances of different length when the utterance is evolving in time (i.e. it resembles the reading settings), when “participants adopted a higher register ceiling and broader span in longer utterances” and

³Boersma, P., Weenink, D. (1992–2024): Praat: doing phonetics by computer [Computer program]. Version 6.4.23, retrieved 4 September 2024 from <https://www.praat.org>.

⁴The task is the part of the “A Course on Phonetics” for Year 1 students in MISIS University whose invaluable help the author would like to acknowledge.

they “continuously estimate the remaining length of the utterance and use that information to adjust pitch register” [Kim, Tilsen, 2024, p. 1]. There is some evidence for this effect in our material.

There are three big utterances in each text, corresponding to the sentences.

The correlation between the English and the Russian versions lies in the word choice with the rising tone and the choice repetitiveness across two languages in Russian native speakers (see Table 1).

As Table 1 shows *Phrase 1* contains the most diverse list of words with the rising tones. It can be accounted to the reading adjustment to a big utterance as well as the proactive pitch level adjustment when the speakers have to modulate the pitch level as the end of the utterance is not “visible”. Here I also refer to the reading from the phone where one cannot see the full screen mode and the phrase appears gradually making the speaker go up and down with the pitch, realizing that the utterance is not finished yet. L1 English and L2 English word choice is most similar in *Phrase 2*, which is a clear enumeration pattern and proves to be quite universal. Surprisingly, the same phrase demonstrates more agreement cases on the word choice between native Russians. *Phrase 3* contains the syntactic structure where the rising tone and its placement coincide among all speakers in both Englishes: L1 and L2.

Table 1

THE CORRELATION BETWEEN WORD CHOICE AND THE RISING TONE PLACEMENT IN L1 ENGLISH AND L2 ENGLISH

Phrase Number	English		L2 English word choices	Number of coinciding cases
	L1 English word choice	Number of cases in L2 English (out of 5)		
1	ever	1	you	2
	sounds	4	watched	1
	learning	2	young	2
			children	4
			practice	1
			of the	1
			language	2
2	imitate	3	they	1
	repeat	4	sing	3
	consonant	2	vowel	3
	combinations	4	without	3
3	young	5	language	5
	learning	2	and	1
	speak	2		
	natural	3		
	automatic	1		

The L1 Russian reading demonstrates a good correlation between the word choice which was made in the English reading and the same word choice in the Russian text (see Table 2). Table 2 illustrates the joint illocutionary forces in the phrases as they are perceived by the L1 Russians and extrapolated onto the L2 English.

Table 2

THE CORRELATION BETWEEN THE ENGLISH AND THE RUSSIAN WORD CHOICE WITH THE RISING TONE

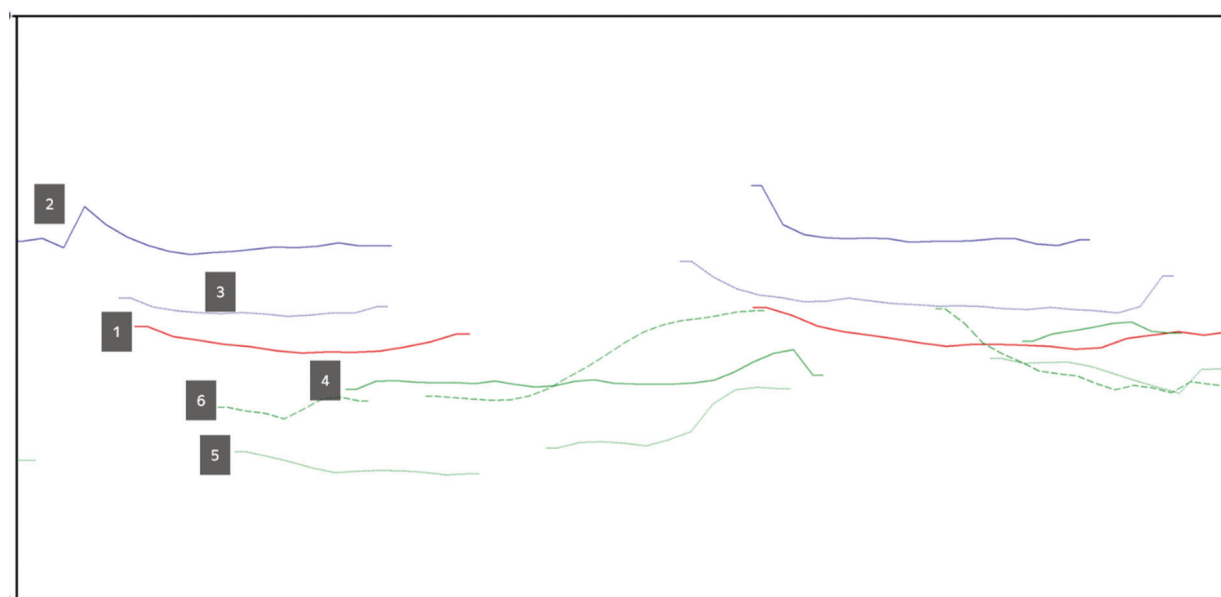
Phrase number	English word choice	Russian word choice	Number of coinciding cases (out of 5)
1	children	дети	4
	language	языка	2
2	imitate	имитируют	1
	repeat	повторяют	2
	sing	поют	2
	consonant	согласных	1
3	vowel	гласных	3
	young	маленьких	4
	language	языку	5
	natural	естественно	3

The most correlated word choices in *Phrases 1–3* show the cases (3–5 cases) which have NO correspondence in L1 English but are numerous in L1 Russian and L2 English. The reason may be a discourse global structure as viewed by the Russian speakers and being transferred into their Russian English variant.

RISING ACCENTS PITCH CONFIGURATION

The CLI intonational research stated long ago that the Russian intonation contour 3 (ИК-3) is realized instead of the English rising contour which is curvy or scoop. Our material presents the variety of the pitch configurations across the words which are similarly marked with the rising tones in L1 English, L2 English and L1 Russian (see Tables 1, 2). There were 5 pairs of words where the L1 English, L2 English and L1 Russian had the counterparts: *Phrase 2* – IMITATE – ИМИТИРУЮТ; REPEAT – ПОВТОРЯЮТ; CONSONANT – СОГЛАСНЫХ; *Phrase 3* – YOUNG – МАЛЕНЬКИХ; NATURAL – ЕСТЕСТВЕННО. The sets total in 38 pitch contour pictures.

As an example, we consider the pitch contour of the words CONSONANT and СОГЛАСНЫХ (see figure 1).

1) a red line is L1 English; 2) a blue line is L2 English by speaker 1_MP1; 3) a blue dotted line is L2 English by speaker 5_SP; 4) a green line is L1 Russian by 1_MP; 5) a green dotted line is L1 Russian by 2_SS; 6) a green dashed line is L1 Russian by 4_PP.

Fig. 1. The extracted pitch level of the words CONSONANT and СОГЛАСНЫХ in L1 English, L2 English and L1 Russian

¹The letters stay for the participants' code in the dataset.

There are six concomitant contours displayed in Figure 1: three are in English and three are in Russian. The English contours resemble each other in the curvature (1–3) however, they are different in F0 values: the nonnative English contours are higher than the native one in pitch register. Whereas the Russian contours (4–6) lie lower than the native English (1): it is known from the literature that the English contours start higher in pitch level than the Russian ones. Interestingly, the realizations of the L1 Russian rising tone on СОГЛАСНЫХ by different speakers are rather various: some of them are rising (5) and some of them are rising-falling (6) or even rising-level (4). The contour indicates the threefold “heavily centralized” (N. D. Svetozarova’s term [Светозарова, 1982]) nature of the Russian word СОГЛАСНЫХ where the pre-stressed part differs from the central (stressed) and the post-stressed (tail) parts.

CONCLUSIONS

In summary, the present study has attempted to compare the placement and the configuration of the Russian pitch accents on the stressed words and the nuclear tones with the English phrasal accents and nuclear tone in L1 and L2.

Our results suggest that the communicative type of the sentence and its overall illocutionary force drive the usage of the rising tone and *its placement* across identical phrases in Russian and English. *Phrase 2* with the enumeration is the most concomitant, whereas the reading of *Phrase 1* which is a general question with a complex object and a participial clause varies a lot across the speakers. This finding marks the universal and language-specific continuum in CLI when one speaker highlights different information centers with the rising tone on well-aligned bilingual texts.

Prior research has focused on the similarity between rising contours in L1 Russian and L2 English with the Russian contours being imposed on the English phrase. A closer look on the pitch contours of the words which: 1) take a rising tone, thus bearing the common ‘non-end’ communicative intention; 2) are the same in meaning (English and Russian equivalents), – has proved the hypothesis and shown the configuration diversity. The main finding is that L2 English does not resemble L1 Russian rising tone configuration. It rather resembles the L1 English curve with a higher F0 values. A further experimental and methodological studies are needed to consider the prosodic characteristics of the Russian variant of the English language.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вишневская Г. М. Методология и методика экспериментально-фонетических исследований: учеб. пособие. Иваново, 1990.
2. Bergman C. [et al.]. L2 immersion causes non-native-like L1 pronunciation in German attritors / C. Bergman, A. Nota, S. A. Sprenger, M. S. Schmidt // *Journal of phonetics*. 2016. Vol. 58. P. 71–86.
3. Flege J. E., Bohn O. S. The revised speech learning model (SLM-r) // *Second language speech learning: Theoretical and empirical progress*. Ed. R. Wayland. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 3–83.
4. Сухова Н. В. Перцептивно-продуктивная связь в условиях просодической русско-английской интерференции (на примере терминальных тонов) // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2023. Вып. 6(874). С. 131–137.
5. Lee J., Park H. Acoustic cue sensitivity in the perception of native category and their relation to nonnative phonological contrast learning // *Journal of Phonetics*. 2024. Vol. 104. Article 101327.
6. Kim D., Clayards M., Goad H. A longitudinal study of individual differences in the acquisition of new vowel contrasts // *Journal of Phonetics*. 2018. Vol. 67. P. 1–20.
7. Цибуля Н. Б. Жесты-иллюстраторы со значением контраста и их просодические корреляты // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2023. Вып. 3(871). С. 129–135.
8. Касаткин Л. Л. Русская интонация: тональные контуры // *Проблемы фонетики: сборник статей / отв. ред. Р. Ф. Касаткина. М.: Наука, 2007. Вып. V. С. 250–266.*
9. Вольская Н. Б., Скредин П. А. Система интонационных моделей для автоматической интерпретации интонационного оформления высказывания: функциональные и перцептивные характеристики // *Труды третьего междисциплинарного семинара «Анализ разговорной русской речи» (АРЗ–2009)*. СПб.: ГУАП. 2009. С. 28–41.
10. Прошина З. Г. Язык и его варианты – реальность или виртуальность? // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2021. Т. XVIII. Вып. 3. С. 108–113.
11. Фокина С. Л. Акцентуация терминологических словосочетаний в подязыке нанотехнологий (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2013.
12. Steffman J., Cole J., Shattuck-Hufnagel S. Intonational categories and continua in American English rising nuclear tunes // *Journal of Phonetics*. 2024. Vol. 104. Article 101310.
13. Светозарова Н. Д. Интонационная система русского языка. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1982.
14. Кодзасов С. В. Уровни, единицы и процессы в интонации // *Проблемы фонетики*. 1999. Вып. 3. С. 197–215.
15. Pierrehumbert J. The phonology and phonetics of English intonation: Doctoral dissertation. Massachusetts Institute of Technology, 1980.
16. Оде С. Заметки о понятии тональный акцент на примере русского языка // *Проблемы фонетики: Сборник статей / отв. ред. Р. Ф. Касаткина. М.: Наука, 2007. Вып. V. С. 237–250.*
17. Кибрик А. А., Подлесская В. И., Коротаев Н. А. Структура устного дискурса: основные элементы и канонические явления // *Рассказы о сновидениях: Корпусные исследование устного русского дискурса / под ред. А. А. Кибрика и В. И. Подлесской. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 55–102.*
18. Янко Т. Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: Языки славянских культур, 2008.
19. Grant L. *Well Said!* 2nd Edition. Cengage Learning, 2011.
20. Parshina O., Zdorova N., Kuperman V. Cross-linguistic comparison in reading sentences of uniform length: Visual-perceptual demands override reader's experience // *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 2024. Vol. 8. P. 1694–1702.
21. Kim S.-E., Tilsen S. Planning for the future and reacting to the present: Proactive and reactive F0 adjustments in speech // *Journal of Phonetics*. 2024. Vol. 104. Article 101322.

REFERENCES

1. Vishnevskaya, G. M. (1990). Metodologija i metodika jeksperimental'no-foneticheskikh issledovanij = Methodology and methods of phonetic experiments. Ivanovo. (In Russ.)
2. Bergman, C., Nota, A., Sprenger, S. A., Schmidt, M. S. (2016). L2 immersion causes non-native-like L1 pronunciation in German attritors. *Journal of phonetics*, 58, 71–86.
3. Flege, J. E., Bohn, O. S. (2021). The revised speech learning model (SLM-r). In Wayland, R. (ed.), *Second language speech learning: Theoretical and empirical progress* (pp. 3–83). Cambridge: Cambridge University Press.
4. Sukhova, N. V. (2023). The perception-production link in the Russian-English prosodic interference (the case study of terminal tones). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 6(874), 131–137.
5. Lee, J., Park, H. (2024). Acoustic cue sensitivity in the perception of native category and their relation to nonnative phonological contrast learning. *Journal of Phonetics*, 104, 101327.
6. Kim, D., Clayards, M., Goad, H. (2018). A longitudinal study of individual differences in the acquisition of new vowel contrasts. *Journal of Phonetics*, 67, 1–20.

7. Tsibulya, N. B. (2023). Gestures-illustrators with the meaning of contrast and their prosodic correlates. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 3(871), 129–135. (In Russ.)
8. Kasatkin, L. L. (2007). Russkaja intonacija: tonal'nye kontury. *Problemi fonetiki* = Russian intonation: pitch contours. *Issues in Phonetics*, 5, 250–266. (In Russ.)
9. Volskaya, N. B., Skrelin, P. A. (2009). Sistema intonacionnyh modelej dlja avtomaticheskoy interpretacii intonacionnogo oformlenija vyskazyvanija: funkcional'nye i perceptivnye harakteristiki = System of intonation models for automatic intonation contours' detection: Functional and perceptual characteristics (pp. 28–41). *Trudy tret'ego mezhdisciplinarnogo seminaru «Analiz razgovornoj russkoj rechi» (AR3–2009)*. St. Petersburg: GUAP. (In Russ.)
10. Proshina, Z. G. Language and its varieties – reality or virtuality? *The Humanities and Social Studies in the Far East*, XVIII(3), 108–113. (In Russ.)
11. Fokina, S. L. (2013). Akcentuacija terminologicheskikh slovosochetanj v pod'jazyke nanotekhnologij (na materiale anglijskogo jazyka) = The accentuation of the terminological word combinations in the nantechnological field: PhD in Philology. Yaroslavl'. (In Russ.)
12. Steffman, J., Cole, J., Shattuck-Hufnagel, S. (2024). Intonational categories and continua in American English rising nuclear tunes. *Journal of Phonetics*, 104, 101310.
13. Svetozarova, N. D. (1982). *Intonacionnaja sistema russkogo jazyka* = Intonation system of the Russian language. Leningrad. (In Russ.)
14. Kodzasov, S. V. (1999). Urovni, edinicy i processy v intonacii. = Levels, units and processes in intonation. *Problemi fonetiki*, 3, 197–215. (In Russ.)
15. Pierrehumbert, J. (1980). The phonology and phonetics of English intonation. Doctoral dissertation. Massachusetts Institute of Technology.
16. Odé, C. (2007). Zametki o ponjatii tonal'nyj akcent na primere russkogo jazyka = Notes on pitch accents with the example of the Russian language. *Problemi fonetiki*, 5, 237–250 (In Russ.)
17. Kibrik, A. A., Podlesskaya, V. I., Korotaev, N. A. (2009). Struktura ustnogo diskursa: osnovnye jelementy i kanonicheskie javlenija = Spoken discourse structure: main elements and canonic phenomena. In Kibrik, A., Podlesskaya V. I. (Eds.), *Night Dream Stories: A corpus study of spoken Russian discourse* (pp. 55–102). Moscow: Languages of Slavonic Culture. (In Russ.)
18. Yanko, T. E. (2008). *Intonacionnye strategii russkoj rechi v sopostavitel'nom aspekte* = Intonational strategies of the Russian speech in the comparative aspect. Moscow: Languages of Slavonic Culture. (In Russ.)
19. Grant, L. (2011). *Well Said!* 2nd edition. Cengage Learning.
20. Parshina, O., Zdorova, N., Kuperman, V. (2024). Cross-linguistic comparison in reading sentences of uniform length: Visual-perceptual demands override reader's experience. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 8, 1694–1702.
21. Kim, S.-E., Tilsen, S. (2024). Planning for the future and reacting to the present: Proactive and reactive F0 adjustments in speech. *Journal of Phonetics*, 104, 101322.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сухова Наталья Витальевна

кандидат филологических наук, доцент

доцент кафедры иностранных языков и коммуникативных технологий Института базового образования

Национального исследовательского технологического университета «МИСИС»

ведущий научный сотрудник Лаборатории исследований тактильной коммуникации

Института русского языка имени А. С. Пушкина,

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sukhova Natalya Vitalyevna

PhD (Philology), Associate Professor

Associate Professor, Department of Modern Languages and Communications, College of Basic Studies

National University of Science and Technology "MISIS"

Leading researcher, Laboratory of Tactile Communication

Pushkin State Russian Language Institute

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

20.11.2024
22.12.2024
09.01.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Длительность фразы и паузы в контексте проксемики в английском и американском кинодискурсе

Н. Б. Цибуля

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
cybnb@mail.ru

Аннотация. Цель настоящего исследования – на основе классификации Э. Холла определить проксемную зону общения героев кинодискурса, описать характер их межличностных отношений, выявить корреляцию длительности фразы и пауз внутри фразы. В процессе эксперимента применяются: метод комплексного перцептивного анализа; метод акустического анализа; элементы метода количественного исследования и метод сопоставительного анализа просодических показателей речи респондентов. Материалом эксперимента являются английский и американский кинодискурсы. В результате обнаруживаются различия в соотношении длительности фразы и пауз. Выявляется тенденция большей длительности пауз в речи мужчин в обоих кинодискурсах. С другой стороны, увеличивается паузальное время в американском кинодискурсе по сравнению с английским.

Ключевые слова: мультимодальная лингвистика, кинодискурс, просодические параметры, фраза, пауза, невербальное поведение, проксемные зоны, гендерный аспект

Для цитирования: Цибуля Н. Б. Длительность фразы и паузы в контексте проксемики в английском и американском кинодискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1 (895). С. 105–111.

Original article

Phrase and Pause Lengths in the Context of Proxemics in English and American Cinematic Discourse

Nadezhda B. Tsibulya

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
cybnb@mail.ru

Abstract. The aim of the present study is, on the basis of E. Hall's classification, to define the interaction proxemic zone of cinematic discourse characters, describe their relationship, and reveal correlation between phrase and internal pause lengths. The experiment employs such methods as complex perceptual analysis, method of acoustic analysis, elements of quantitative research method, and comparative analysis of prosodic parameters of the characters' speech. The research is based on English and American cinematic discourse. As a result, differences in the lengths of phrase and pause ratio are observed. In both discourses, a tendency for longer pausing time in men's speech is revealed. On the other hand, pausation time increases in American discourse, as compared to English one.

Keywords: multimodal linguistics, cinematic discourse, prosodic parameters, phrase, pause, nonverbal behaviour, proxemic zones, gender aspect

For citation: Tsibulya N. B. (2025). Phrase and Pause Lengths in the Context of Proxemics in English and American Cinematic Discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(895), 105–111. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Задачами настоящего исследования являются следующие:

- 1) опираясь на теорию Э. Холла о проксемиальных зонах общения, определить расстояние между героями кинодискурса в процессе их общения методом перцептивного визуального анализа с применением компьютерных программ VLC (версия 3.5.4) и Freemake Video Converter (версия 4.1.14);
- 2) описать характер межличностных отношений респондентов и выявить соотношение полученных данных с классификацией Э. Холла. При этом используются метод комплексного перцептивного анализа, включающего визуальный и аудиальный виды, и компьютерная программа VLC (версия 3.5.4);
- 3) определить длительность каждой фразы и пауз внутри фразы в миллисекундах на основе метода акустического анализа просодии с применением компьютерной программы Praat (версия 6.4.2.2);
- 4) выявить соотношение длительности фразы и пауз внутри фразы в процентах с использованием элементов метода количественного исследования.

Актуальность настоящего исследования обоснована глубоким и постоянно возрастающим интересом к проблемам мультимодальной лингвистики, в рамках которой выполнена данная работа. В многочисленных научных публикациях прослеживаются различные ракурсы изучения обозначенной области языкознания. Проводится корпусный анализ мультимодальности [Гришина, 2017; Сухова, 2022]; анализируются полимодальные измерения различных видов дискурса [Зыкова, 2023; Измалкова, Блиникова, 2021]; изучается связь различных модальностей [Гришаева, 2022; Немкина, 2023]; делается акцент на исследовании корреляции просодии и жеста [Leonteva, Sokoreva, 2022; Генделев, 2023]; рассматривается семиотический аспект невербальной коммуникации [Danesi, 2022] и многое другое.

Новизна работы заключается в изучении малоисследованной области невербального общения. Автор впервые анализирует корреляцию длительности фразы и пауз в представленной проксемиальной зоне общения между коммуникантами в межкультурном аспекте.

Результаты проведенного исследования могут быть успешно применены в практике преподавания таких дисциплин, как основы невербальной коммуникации и межкультурного общения, практической фонетики и фоностилистики английского языка.

В отношении теоретической значимости результаты настоящей работы представляют собой новую информацию и расширяют существующие представления о соотношении разноуровневых модусов в мультимодальном дискурсе, закономерностях человеческого общения и вносят определенный вклад в теорию коммуникации, в области социокультурных исследований и межкультурной интеракции.

Материалом исследования являются английский и американский художественные фильмы «Sense and Sensibility» («Разум и чувства», 1995) и «Little Women» («Маленькие женщины», 1994). Выбор этих кинолент не был случайным. Снятые в жанре исторической мелодрамы по одноименным романам английской писательницы Джейн Остин (1775–1817) и американской – Луизы Мэй Олкотт (1832–1888), эти фильмы появились на экранах с разницей в один год. Они имеют похожий сюжет и повествуют о жизни сестер, об их стесненных семейных обстоятельствах, о разочаровании и любви.

Здесь необходимо определить различие между понятиями художественный фильм и кинодискурс. Художественный фильм является произведением киноискусства, результатом творческой деятельности большой группы людей – сценариста, режиссера, актеров, а также, что немаловажно, режиссера монтажа, который может значительно повлиять на конечный вариант произведения, расходящийся с первоначальным замыслом сценариста и режиссера [Мёрч, 2023]. В создании художественного фильма также участвуют художники, гримеры, костюмеры и люди других профессий, востребованных в процессе его творения.

Что касается кинодискурса, то вслед за Самковой М. А. мы определяем его как лингвистическое образование. Оно характеризуется такими признаками, как «связность, целостность, креолизованность, интертекстуальность, модальность», и которое представляет собой «широкое поле деятельности для современных исследователей» [Самкова, 2011, с. 137].

Действительно, следует отметить неослабевающий интерес лингвистов к его изучению – на сегодняшний день насчитываются сотни публикаций, посвященных исследованию различных аспектов кинодискурса.

Важно подчеркнуть, что в стилизованном и емком формате кинодискурс воплощает в себе характерные черты реального вербального и невербального общения, включая динамику пространства и просодии, и поэтому представляет собой хороший репрезентативный материал для изучения типичных свойств межличностной коммуникации.

Широкий корпус исследования – английский (2:16:17) и американский (2:03:49) кинодискурсы – составил более четырех часов звучания. Узкий корпус – 60 эпизодов – составил 7 мин. 15 сек. (2 мин. 25 сек. – акустический анализ, 4 мин. 50 сек. – аудио-визуальный анализ).

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Организация пространства играет важную роль в коммуникативном процессе, приводя к успеху или неудаче межличностного, социального, формального, неформального и других видов общения. Проблема изучения пространства между людьми во время коммуникации начала активно разрабатываться в США в конце 40-х, начале 50-х годов XX века. Основоположником новой области науки, изучающей дистанции между коммуникантами, был антрополог Э. Холл, назвавший это направление *proxemics* (проксемика). Проксемика наряду с кинесикой, основателем которой был также американский антрополог Р. Бердвистел, образовали две основные области науки о невербальном поведении человека.

Будучи директором Института службы за границей, Э. Холл со своими коллегами проводил множество экспериментов по выявлению различий в социальном и межкультурном общении, включая коммуникативное расстояние. Благодаря этим исследованиям в обиход современной науки прочно вошли такие понятия, как *личное пространство, территориальность, проксеменные зоны* и др. Результаты многолетних научных изысканий Э. Холла и его коллег были опубликованы в многочисленных статьях и нескольких монографиях, в том числе в книге «The Hidden Dimension» («Скрытое измерение») [Hall, 1966].

Э. Холл указывал, что на расстояние между коммуникантами влияют такие факторы, как культурный, социальный, гендерный, эмоциональный, степень знакомства и др. В итоге экспериментов ученый выделил четыре проксеменные зоны межличностного общения, соотносящиеся с громкостью и темпом речи.

Так, интимная зона (0–45 см) характерна для членов семьи в домашней обстановке и романтических отношений. Она коррелирует с пониженной громкостью или шепотом; личная зона (45–120 см) используется между друзьями, а также членами семьи в публичных местах и соотносится со средней степенью громкости; социальная – (120–360 см) наблюдается в деловом

общении, речь в этой ситуации становится более громкой; публичная – (360–750 см) характерна для выступления перед большой аудиторией. Она соотносится с высокой степенью громкости, замедлением темпа речи и четкой артикуляцией [Hall, 1966].

Так как эксперимент Э. Холла был ограничен узкой группой информантов, то ученый предупреждал, что выявленные расстояния общения и характер отношений между респондентами не являются универсальными. В других социальных и этнических группах США, а тем более в других культурах, будут наблюдаться иные проксеменные модели [там же].

Исходя из классификации Э. Холла, для достижения поставленной цели и решения конкретных задач нами был проведен эксперимент.

ПРОЦЕДУРА ЭКСПЕРИМЕНТА

В исследуемых кинодискурсах были выделены 60 эпизодов, в которых представлена интимная зона общения – 30 в английском дискурсе и 30 – в американском. При этом учитывался гендерный фактор, а именно: в каждом кинодискурсе в 15 эпизодах информантами были мужчины, а в 15 – женщины.

Для определения верхней границы интимной зоны учитывалось не только конкретное расстояние от 0 до 45 см. По выражению Э. Холла, оно составляет «one person ... elbow room» [Hall E., 1990, с. 126], т. е. расстояние между коммуникантами не превышает длину вытянутой от локтя руки одного человека, что весьма четко прослеживается в проксемике кинодискурса.

Далее, в каждом эпизоде в соответствии с сюжетом, развитием событий и учетом гендерного фактора были проанализированы отношения между говорящими.

Затем посредством программы Praat была выявлена длительность фразы и внутренних пауз во фразе, после чего было определено процентное отношение паузального времени к длительности фразы.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Таблицы 1 и 2 содержат полученные данные по английскому кинодискурсу. Как у мужчин, так и у женщин в интимной зоне общения речь в основном обращена к членам семьи или знакомым. Романтические отношения представлены только в двух случаях.

Таблица 1

АНГЛИЙСКИЙ КИНОДИСКУРС. СООТНОШЕНИЕ
ДЛИТЕЛЬНОСТИ ФРАЗЫ И ДЛИТЕЛЬНОСТИ
ПАУЗ ВО ФРАЗЕ В РЕЧИ МУЖЧИН В ИНТИМНОЙ
ЗОНЕ ОБЩЕНИЯ

№№ фразы	Время начала фразы	Длительность в мс		Длительность паузы в % от длительности фразы	Говорящий : партнер (гендер), отношения между респондентами
		Фраза	Пауза		
1.	0:01:34	2400	100	4	Отец : сын
2.	0:02:04	3282	758	23	Отец : сын
3.	0:02:10	2400	0	0	Отец : сын
4.	0:02:15	1243	150	12	Сын : отец
5.	0:02:44	2043	0	0	Муж : жена
6.	0:10:23	4968	1287	26	Брат : сестра
7.	0:15:12	2561	557	22	Молодой человек : девушка – знакомые
8.	0:15:16	374	0	0	Молодой человек : девушка – знакомые
9.	0:15:19	3144	1064	34	Молодой человек : девушка – знакомые
10.	0:16:27	3600	613	17	Молодой человек : девушка – знакомые
11.	0:24:44	1826	0	0	Молодой человек : девушка – знакомые
12.	0:25:27	4856	1736	36	Молодой человек : девушка – знакомые
13.	0:43:02	1401	0	0	Молодой человек : девушка – первая встреча
14.	2:01:27	1258	160	13	Мужчина : девушка – романтические отношения
15.	2:01:20	1606	90	6	Мужчина : девушка – романтические отношения
Средние показатели		2464	434	18	

Что касается паузального времени по отношению к длительности фразы, то в речи мужчин оно значительно превышает данный показатель в речи женщин – 18 % vs. 5 %.

Таблица 2

АНГЛИЙСКИЙ КИНОДИСКУРС. СООТНОШЕНИЕ
ДЛИТЕЛЬНОСТИ ФРАЗЫ И ДЛИТЕЛЬНОСТИ
ПАУЗ ВО ФРАЗЕ В РЕЧИ ЖЕНЩИН В ИНТИМНОЙ
ЗОНЕ ОБЩЕНИЯ

№№ фразы	Время начала фразы	Длительность в мс		Длительность паузы в % от длительности фразы	Говорящий : партнер (гендер), отношения между респондентами
		Фраза	Пауза		
1.	0:05:13	2789	0	0	Дочь : мать
2.	0:15:14	1614	0	0	Знакомая : знакомый
3.	0:19:05	1597	0	0	Дочь : мать
4.	0:19:07	1774	648	36	Мать : дочь
5.	0:20:58	831	0	0	Сестра : сестра
6.	0:21:03	3501	393	11	Сестра : сестра
7.	0:41:31	1439	0	0	Мать : дочь
8.	0:41:34	1389	0	0	Дочь : мать
9.	1:08:58	2477	0	0	Знакомая : знакомая
10.	1:08:60	1333	179	13	Знакомая : знакомая
11.	1:57:29	1141	0	0	Сестра : сестра
12.	1:59:26	912	0	0	Мать : дочь
13.	1:59:29	1220	0	0	Дочь : мать
14.	2:01:19	1517	0	0	Девушка : мужчина – романтические отношения
15.	2:01:37	1322	0	0	Девушка : мужчина – романтические отношения
Средние показатели		1657	81	5	

В американском кинодискурсе прослеживается такая же тенденция – речь мужчин отличается значительно большей паузальной длительностью, по сравнению с женщинами – 23 % vs 8 % (см. таблицы 3, 4).

Полученные данные по длительности пауз в обоих кинодискурсах свидетельствуют о более быстрой речи женщин по сравнению с мужчинами,

что подтверждается исследованиями на другом материале [Hall J., 1990].

Что касается отношений между говорящими, то в американском кинодискурсе преобладают эпизоды романтических отношений, в то время как общение между членами семьи и знакомыми представлено реже, чем в английском кинодискурсе.

Следует заметить, что для английской культуры в целом характерно более широкое коммуникативное пространство, нежели для американской, особенно для лиц аристократического происхождения. Герои английского кинодискурса являются представителями аристократической прослойки, что оказывает влияние на их проксемное поведение.

Таблица 3

АМЕРИКАНСКИЙ КИНОДИСКУРС.
СООТНОШЕНИЕ ДЛИТЕЛЬНОСТИ ФРАЗЫ
И ДЛИТЕЛЬНОСТИ ПАУЗ ВО ФРАЗЕ В РЕЧИ
МУЖЧИН В ИНТИМНОЙ ЗОНЕ ОБЩЕНИЯ

№№ фра- зы	Время начала фразы	Длительность в мс		Длительность паузы в % от длительности фразы	Говорящий : партнер (гендер), отношения между респондентами
		Фраза	Пауза		
1.	0:11:08	2046	0	0	Дел : впуск
2.	0:18:47	5160	1979	38	Молодой человек : девушка – знакомство
3.	0:45:22	1958	0	0	Молодой человек : девушка – знакомые
4.	0:45:54	3336	1008	30	Молодой человек : девушка – знакомые
5.	0:48:16	1818	0	0	Молодой человек : девушка – романтические отношения
6.	1:04:36	3792	1039	27	Хозяин – служанка
7.	1:08:33	4628	856	18	Молодой человек : девушка – романтические отношения
8.	1:09:01	4019	944	23	Молодой человек : девушка – романтические отношения
9.	1:18:51	2643	908	34	Мужчина : девушка – знакомство-романтические отношения
10.	1:23:05	1902	341	18	Мужчина : девушка – романтические отношения
11.	1:34:30	1324	0	0	Мужчина : девушка – романтические отношения
12.	1:34:38	4749	1636	34	Мужчина : девушка – романтические отношения
13.	1:34:44	3151	0	0	Мужчина : девушка – романтические отношения
14.	1:50:36	1004	0	0	Молодой человек : девушка – дружеские отношения
15.	1:50:41	4130	1660	40	Молодой человек : девушка – дружеские отношения
Средние показатели		3044	691	23	

Анализ широкого корпуса нашего исследования показал, что романтические отношения между героями английского кинодискурса представлены в следующей, более широкой личной (45–120 см) или даже социальной зоне (120–360 см).

Герои американского кинодискурса также являются культурными образованными людьми. Однако в силу изначально присущего американскому обществу демократизма этикет американской культуры предполагает неформальные межличностные отношения. Эта тенденция, в частности, находит свое отражение в использовании более узкого коммуникативного пространства.

Сводные данные по просодическим показателям английского и американского кинодискурсов содержатся в таблице 5. В американской речи

прослеживается тенденция некоторого увеличения паузальной длительности по сравнению с английским дискурсом у мужчин 23 % vs 17 %, а у женщин – 8 % vs 5 %. Общие данные по длительности пауз в американском и английском дискурсах составляют 17 % vs 13 % соответственно.

Таблица 4

АМЕРИКАНСКИЙ КИНОДИСКУРС. СООТНОШЕНИЕ ДЛИТЕЛЬНОСТИ ФРАЗЫ И ДЛИТЕЛЬНОСТИ ПАУЗ ВО ФРАЗЕ В РЕЧИ ЖЕНЩИН В ИНТИМНОЙ ЗОНЕ ОБЩЕНИЯ

№№ фразы	Время начала фразы	Длительность в мс		Длительность паузы в % от длительности фразы	Говорящий: партнер (гендер), отношения между респондентами
		Фраза	Пауза		
1.	0:06:52	1327	0	0	Дочь : мать
2.	0:07:27	1742	0	0	Мать : дочери
3.	0:10:20	1797	0	0	Служанка : дочь хозяйки
4.	0:13:36	2960	147	5	Сестра : сестры
5.	0:13:46	2110	117	6	Сестра : сестры
6.	0:18:53	576	0	0	Девушка : молодой человек - знакомство
7.	0:27:13	2424	784	32	Сестра : младшая сестра
8.	0:45:51	2121	0	0	Девушка : молодой человек – знакомые
9.	0:48:19	905	0	0	Девушка : молодой человек – романтические отношения
10.	1:08:31	1748	0	0	Девушка : молодой человек – романтические отношения
11.	1:18:54	453	0	0	Девушка : мужчина – знакомство романтические отношения
12.	1:23:00	3311	239	7	Девушка : мужчина – романтические отношения
13.	1:34:28	1739	456	26	Девушка : мужчина – романтические отношения
14.	1:34:50	1692	71	4	Девушка : мужчина – романтические отношения
15.	1:50:24	2472	266	11	Девушка : молодой человек дружеские отношения
Средние показатели		1825	139	8	

Таблица 5

СООТНОШЕНИЕ ДЛИТЕЛЬНОСТИ ФРАЗЫ И ПАУЗ ВНУТРИ ФРАЗЫ В АНГЛИЙСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ ДИСКУРСЕ

Дискурс	Английский			Американский		
	Длительность в мс	Длительность паузы в % от длительности фразы	Длительность паузы в % от длительности фразы	Длительность в мс	Длительность паузы в % от длительности фразы	Длительность паузы в % от длительности фразы
Средние показатели длительности фразы и паузы						
Мужчины	2460	434	18	3044	691	23
Женщины	1651	81	5	1825	139	8
Общие по дискурсу	2056	258	13	2435	415	17

Некоторое увеличение паузальной длительности в американском дискурсе по сравнению с английским можно объяснить более дробным характером

ритма в силу свойственного американской речи третичного словесного ударения, что влияет на замедление темпа в целом и соответственно на увеличение длительности пауз.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Согласно поставленным задачам, опираясь на теорию Э. Холла, в исследуемых кинодискурсах была определена интимная зона общения, реализующаяся в пределах расстояния в 45 см, что составляет, по Э. Холлу, длину руки от локтя. Данная зона четко прослеживается в обоих кинодискурсах.

Полученные нами данные выявляют различия в характере отношений между коммуникантами в пределах интимной зоны. В американском кинодискурсе эпизоды романтических отношений имеют большую частотность, нежели в английском кинодискурсе. Для романтических отношений в английской коммуникации характерно более широкое расстояние, т. е. личная или даже социальная зоны.

Результаты акустического анализа длительности фразы и пауз внутри фразы свидетельствуют о более замедленном темпе речи мужчин, по сравнению с речью женщин. Данная тенденция наблюдается как в английском, так и в американском кинодискурсе, что согласуется с результатами других исследователей.

Большая паузальная длительность речи американских респондентов, по сравнению с английскими, является следствием специфики просодической системы американского варианта английского языка, широкого использования акцентных моделей с третичным ударением, что оказывает влияние на темпоральные характеристики речи.

Начатое нами исследование соотношения просодии и проксемики является перспективным направлением в русле мультимодальной лингвистики и предполагает изучение других проксеминых зон в данном аспекте.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гришина Е. А. Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения (корпусные исследования). М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. ISBN 978-5-94457-301-8.
2. Сухова Н. В. Корпусный анализ поворотов головы в мультимодальном дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1(856). С. 119–128. ISSN 2542-2197. DOI 10.52070/2542-2197_2022_1_856_119.
3. Зыкова И. В. Лингвокреативность в полимодальном дискурсе: метод параметризации // Когнитивные исследования языка: Когниция, коммуникация, дискурс: современные аспекты исследования: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 20–21 апреля 2023 года. Часть I / отв. ред. вып. Л. А. Фурс. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2023. Вып. 3(54). С. 616–620. ISBN 978-5-00078-707-6.

4. Измалкова А. И., Блинникова И. В. Полимодальные технологии исследования процесса запоминания иноязычных лексических единиц // Полимодальные измерения дискурса / отв. ред. О. К. Ирисханова. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. С. 301–343. ISBN 978-5-907290-81-5.
5. Гришаева Л. И. Еще раз о соотношении вербального и невербального в креолизованном тексте // Когнитивные исследования языка: Когнитивная лингвистика и межкультурная коммуникация : сборник научных трудов / отв. ред. Л. В. Бабина. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2022. № 2 (49). С. 38–47. ISBN 978-5-00078-593-5.
6. Немкина Н. И. Мультимодальность в дискурсе СМИ // Когнитивные исследования языка: Когниция, коммуникация, дискурс: современные аспекты исследования: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 20–21 апреля 2023 года. Часть I / отв. ред. вып. Л. А. Фурс. Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2023. № 3(54). С. 660–664. ISBN 978-5-00078-707-6.
7. Leonteva, A., Sokoreva, T. Nonverbal Constituents of Argumentative Discourse: Gesture and Prosody Interaction // Speech and Computer : Proceedings, Gurugram, India, November 2022. Cham: Springer Nature Switzerland AG, 2022. P. 416–425. DOI 10.1007/978-3-031-20980-2_36.
8. Генделев И. Д. Гендерный аспект корреляции просодических и невербальных средств в страноведческом дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. № 6 (874). С. 49–55. ISSN 2542-2197. DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_49.
9. Danesi M. Understanding Nonverbal Communication: A Semiotic Guide. London, New York, Dublin: Bloomsbury Academic, 2022. ISBN: PB: 978-1-3501-5263-2. ISBN: HB: 978-1-3501-5264-9.
10. Мёрч У. Искусство монтажа: путь фильма от первого кадра до кинотеатра / [пер. с англ. Л. Алексеевой]. М.: Эксмо, Бомбора, 2023. ISBN 978-5-04-178945-9.
11. Самкова М. А. Кинотекст и кинодискурс: к проблеме разграничения понятий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 1 (8). С. 135–137. ISSN 1997-2911.
12. Hall E. T. The Hidden Dimension. New York: Doubleday & Co., Anchor Books, 1966. ISBN-10: 0385053568, ISBN-13: 978-0385053563.
13. Hall E. T. The Hidden Dimension. New York: Anchor Books, 1990. ISBN 0-385-08476-5.
14. Hall J. A. Nonverbal Sex Differences: Accuracy of Communication and Expressive Style. Baltimore, London: The Johns Hopkins University Press, 1990. ISBN-10: 080184018X.

REFERENCES

1. Grishina, E. A. (2017). Russkaya zhestikulyaciya s lingvisticheskoy tochki zreniya (korpusnye issledovaniya) = Russian gesticulation from the linguistic point of view (corpora studies). Moscow: LRC Publishing House, Languages of Slavic Cultures. ISBN 978-5-94457-301-8. (In Russ.)
2. Sukhova, N. V. (2022). Corpus analysis of Head Turns in multimodal discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(856), 119–128. ISSN 2542-2197. 10.52070/2542-2197_2022_1_856_119. (In Russ.)
3. Zyкова, I. V. (2023). Linguistic creativity in multimodal discourse: the method of parameterization. In Furs, L. A. (EIC), Cognitive studies of language: Cognition, communication, discourse: modern aspects of research (vol. 3(54), part I, pp. 616–620): Papers of all-Russian scientific conference with international participants, 2023, April 20–21. Tambov: Derzhavinsky Publishing House. ISBN 978-5-00078-707-6. (In Russ.)
4. Izmalkova, A. I., Blinnikova, I. V. (2022). Multimodal technologies of foreign lexical units memorisation process. In Iriskhanova, O. K. (EIC), Multimodal discourse dimensions (pp. 301–343). 2nd ed. Moscow: LRC Publishing House. ISBN 978-5-907290-81-5. (In Russ.)
5. Grishaeva, L. I. (2022). The ratio of verbal and nonverbal in a creolized text revisited. In Babina, L. V. (EIC), Cognitive Linguistics and Intercultural Communication (vol. 2(49), pp. 38–47): collection of papers. Tambov : Derzhavinsky Publishing House. ISBN 978-5-00078-593-5. (In Russ.)
6. Nemkina, N. I. (2023). Multinodality in mass-media dicourse. In Furs, L. A. (EIC), Cognitive studies of language: Cognition, communication, discourse: modern aspects of research (vol. 3(54), part I, pp. 660–664): Papers of all-Russian scientific conference with international participants, 2023, April 20–21. Tambov: Derzhavinsky Publishing House. ISBN 978-5-00078-707-6. (In Russ.)
7. Leonteva, A., Sokoreva, T. (2022). Nonverbal Constituents of Argumentative Discourse: Gesture and Prosody Interaction. Speech and Computer (pp. 416–425): Proceedings, Gurugram, India, November 2022. Cham: Springer Nature Switzerland AG. 10.1007/978-3-031-20980-2_36.

8. Gendelev, I. D. (2023). Correlation Between Prosodic Means and Accentuating Gestures in Cross-Cultural Discourse (Gender Study). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(874), 49–55. ISSN 2542-2197. 10.52070/2542-2197_2023_6_874_49. (In Russ.)
9. Danesi, M. (2022). Understanding Nonverbal Communication: A Semiotic Guide. London, New York, Dublin: Bloomsbury Academic. ISBN: PB: 978-1-3501-5263-2. ISBN: HB: 978-1-3501-5264-9.
10. Murch, W. (2023). In the Blink of an Eye. [Translated from English by L. Alekseeva]. Moscow: Eksmo, Bombora. ISBN 978-5-04-178945-9. (In Russ.)
11. Samkova, M. A. (2011). Film text and film discourse: to the problem of notions differentiation. Filological Sciences. Theory and Practice, 1(8), 135–137. ISSN 1997-2911. (In Russ.)
12. Hall, E. T. (1966). The Hidden Dimension. New York: Doubleday & Co., Anchor Books. ISBN-10: 0385053568, ISBN-13: 978-0385053563.
13. Hall, E. T. (1990). The Hidden Dimension. New York: Anchor Books. ISBN 0-385-08476-5.
14. Hall, J. A. (1990). Nonverbal Sex Differences: Accuracy of Communication and Expressive Style. Baltimore, London: The Johns Hopkins University Press. ISBN-10: 080184018X.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Цибуля Надежда Борисовна

кандидат филологических наук, доцент

доцент кафедры фонетики английского языка факультета английского языка

Московского государственного лингвистического университета

Заслуженный профессор Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tsibulya Nadezhda Borisovna

Doctor of Philology, Associate Professor

Associate Professor at the Department of English Phonetics

Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

Professor Emeritus of Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

18.11.2024
21.12.2024
09.01.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Словесное ударение английского языка в ритмическом контексте речи жителей Австралии и Новой Зеландии

Т. И. Шевченко¹, А. А. Борzych²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹tatashevchenko@mail.ru

²anna.a.borzykh@mail.ru

Аннотация. В статье впервые излагаются результаты корпусного анализа ударений в многосложных словах на материале речи жителей Австралии и Новой Зеландии. У авторов исследования две задачи: изучить ритмические особенности речи в каждой стране и сопоставить полученные реализации словесного ударения с данными словарей. Австралийский вариант английского языка демонстрирует черты слогового ритма благодаря протяжному произношению безударных гласных; новозеландский вариант английского языка – ускоренный тактосчитающий ритм. В чтении в обеих странах преобладают британские модели; второстепенные ударения, обнаруженные в австралийском варианте методом перцептивного анализа, не всегда последовательно отражены в австралийском словаре.

Ключевые слова: австралийский вариант английского языка, новозеландский вариант английского языка, словесное ударение, ритм, корпусный анализ

Для цитирования: Шевченко Т. И., Борzych А. А. Словесное ударение английского языка в ритмическом контексте речи жителей Австралии и Новой Зеландии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1 (895). С. 112–118.

Original article

English Word Stress in the Rhythmical Context of Australian and New Zealand Speech

Tatiana I. Shevchenko¹, Anna A. Borzykh²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹tatashevchenko@mail.ru

²anna.a.borzykh@mail.ru

Abstract. The paper reports on the new results of corpora analysis of stress in polysyllabic words based on the speech of Australian and New Zealand residents. The aim of the study is twofold: to explore specific features of rhythm in either country and to compare actual realizations of word stress patterns with dictionaries' data. Australian English demonstrates features of syllable-based rhythm due to the speakers' habit of prolonging unstressed syllables; New Zealand rhythm is faster and accent-based. In reading most of the patterns in both countries are British-oriented; the presence of secondary stresses which were found in reading by perceptual acoustic method is not consistently reflected in the Australian dictionary.

Keywords: Australian English, New Zealand English, word stress, rhythm, corpora analysis

For citation: Shevchenko, T. I., Borzykh, A. A. (2025). English word stress in the rhythmical context of Australian and New Zealand speech. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(895), 112–118. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В современной англистике утвердилось мнение о том, что ударение в английском языке проявляется на двух уровнях: на уровне слова и на уровне фразы [Fox, 2007]. При этом на уровне слова в виде *словесного (лексического) ударения* оно обеспечивает только потенциальную схему выделения одного или более слогов на фоне других слогов в слове. Это выделение слога реализуется в речи в виде акцента во фразе, поэтому в контексте фразы оно называется *фразовым акцентом* [Ladd, 1996; Ladefoged, 2003] или *фразовым ударением* [Торсуев, 1960].

В данной работе *впервые* рассматривается вопрос о модификациях словесного ударения английского языка под воздействием ритмических навыков жителей двух стран, Австралии и Новой Зеландии. Отправной точкой исследования явились данные, собранные в национальных словарях. Они свидетельствуют об исчезновении ряда второстепенных (ритмических) ударений в австралийском варианте английского языка. В новозеландском варианте, напротив, наблюдаются дополнительные ударения [Бурая, 2016; Шевченко, Бурая, 2020; Борзых, 2023].

Словесное (лексическое) ударение совместно с другими фонологическими характеристиками слова составляет его звуковой образ, который хранится в ментальном лексиконе носителя языка и извлекается из памяти в процессе речепорождения, а также используется в качестве эталона для сопоставления и идентификации слова при восприятии речи [Шевченко, 2017]. С точки зрения акцентной структуры слова для английского языка важны *место главного ударения и чередование ударных и безударных слогов*, определяющее место *второстепенных (ритмических) ударений*, которые позиционно могут предшествовать главному (*предтонические*) или следовать за ним (*посттонические*).

Ментальные репрезентации одних и тех же слов различаются в зависимости от социальных коммуникативных практик носителей языка, что было доказано экспериментально на материале канадского варианта английского языка [Артюхова, 2021]. Кроме того, сдвиг ударения в слове может быть обусловлен столкновением ударений в двух смежных словах. Они устраняются говорящим ради сохранения принципа чередования ударных и безударных слогов. Восприятие модифицированных, т. е. искаженных с точки зрения слушателя акцентных форм слова, представляет собой процесс, аналогичный процессу восприятия речи в шуме. Он затрудняет понимание смысла в целом. Однако возникшая сложность преодолима благодаря

контексту, т. е. благодаря информации «сверху» (top down – сверху вниз) [Шевченко, 2017]. Таким образом, с одной стороны, контекст влияет на выбор определенного варианта словесного ударения, а, с другой стороны, способствует успешности коммуникации в случае модификаций ударения в потоке речи.

Фонетическая форма словесного ударения английского языка в контексте звучащей речи на разных территориях представляет собой особую область экспериментального анализа. Следующие компоненты относятся к средствам выделения ударного слога относительно безударных: громкость, изменение высоты тона, долгота и четкое произнесение гласных по контрасту с редукцией. Выделение ударного слога акустически измеряется как амплитуда (интенсивность звукового сигнала), конфигурация частоты основного тона (ЧОТ), длительность слога или длительность ударной гласной, качество гласного (формантный «наклон»). Перечисленные средства, как видно из представленных выше примеров, сочетают *просодические (сверхсегментные)* и *сегментные* признаки. Они способствуют взаимному противопоставлению ударных и безударных слогов. В реальном звучании речи могут участвовать как все средства, так и часть этих средств, компенсирующих друг друга. Так, например, по нашим наблюдениям, в британском варианте английского языка ведущим компонентом оказалось увеличение показателей ЧОТ, в то время как в американском варианте определяющей стала длительность ударного слога [Шевченко, 2016]. Эксперименты на распознавание слов типа *'permit-per'mit*, выполненные с австралийскими информантами, выявили значимость аспирации смычного взрывного согласного *p* и качества гласного в первом слоге. Сопоставляя свои данные по английскому языку с аналогичными результатами в нидерландском, автор признала, что носители английского языка тоже реагируют на просодические сигналы выделенности слогов, но в меньшей степени, чем носители нидерландского [Cutler, Carter, 1987].

Национальные варианты среди так называемых «новых», т. е. колониальных, вариантов английского языка привнесли еще больше характерных признаков влияния первых (L1) языков на английский язык как второй (L2), включая место ударения в словах и средства выделения ударного слога. В индийском варианте, например, ударный слог произносится на более низком тоне, чем безударный, а в синтагматическом плане неожиданным оказываются правила акцентного выделения служебных слов и местоимений в начале предложения. В китайском варианте английского языка для восприятия билингвов самым значимым акустическим

«ключом» ударения является высота ударного слога [Шевченко, Романова, 2022].

Однако корпусные исследования показали, что в пределах одного национального варианта английского языка фонетическая форма сохраняет свой ритмический рисунок-схему. Она присутствует в национальных словарях [Артюхова, 2021]. Кроме того, *корпусные исследования* дали представление о реальных масштабах употребления сложных слов: большинство слов в английском дискурсе – краткие одноударные слова, а многосложные слова составляют только 20 %. Вследствие указанного соотношения и доминирования хореического ударения в английских существительных (ударение на первом слоге), для идентификации слов и восприятия смысла звучащей речи формируется *когнитивная задача* – распознать ударный слог, который может означать односложное слово или начало многосложного слова. В связи с этим необходимо выявить характер модификаций словесного ударения в двух национальных вариантах, столь существенных для общения.

Целью настоящего исследования является верификация сведений о специфике словесного ударения в двух странах. Означенные данные получены на основании лексикографических источников, национальных словарей английского языка в Австралии и в Новой Зеландии. Поскольку присутствие или исчезновение ритмических, т. е. предтоновых или посттоновых ударений, влияет на характер ритма в целом, наш эксперимент предполагает выполнение двух этапов:

- 1) изучение ритмических особенностей неподготовленной речи жителей Австралии и Новой Зеландии, влияющих на словесное ударение.
- 2) изучение характера словесного ударения на материале чтения жителей Австралии и Новой Зеландии.

СПЕЦИФИКА СЛОВЕСНОГО УДАРЕНИЯ В РИТМЕ НЕПОДГОТОВЛЕННОЙ РЕЧИ

Этап I: материал, метод, результаты

В данном разделе мы опираемся, прежде всего, на изучение ритма в двух национальных вариантах. Данная работа выполняется на материале корпуса звучащей речи, собранного вторым автором в интернете как добровольные аудиозаписи монологов носителей языка из Австралии (6) и Новой Зеландии (6), всего 12 респондентов, 24 мин звучания. После подготовки скриптов носители языка ознакомились со скриптами своих монологов

и внесли уточнения относительно имен собственных и географических названий. Далее аудиозаписи были обработаны в программе Praat¹ и аннотированы для применения следующих методов:

1. Перцептивно-слуховой анализ границ основных ритмических единиц (синтагма, ритмическая группа, слог).
2. Измерение длительности ритмических единиц.
3. Выполнение процедур сегментного анализа: аннотирование вокалических интервалов гласных и аппроксимантов в соответствии с их количеством (V), а также консонантных интервалов в соответствии с количеством согласных (C) и пауз (#).
4. Применение набора метрик, собранных в программе Correlatore с целью выявления ритмических особенностей речи жителей Австралии и Новой Зеландии [Mairano, Romano, 2010].

Результаты проведенного анализа по двум направлениям, *просодическому анализу длительности и сегментному анализу ритма по вокалическим и консонантным интервалам*, опубликованы в [Шевченко, Борзых, 2024]. Остановимся на результатах, влияющих на характер словесного ударения.

Результаты просодического анализа (длительности)

1. Длительность ритмических единиц выявила сходство ритмической организации монологического дискурса в двух странах, которая проявилась в симметричной иерархии слогов, ритмических единиц и синтагм: в каждой синтагме в среднем укладывается две ритмические группы, в каждой ритмической группе – по два слога.
2. Сопоставление средней длительности слогов (СДС) в речи жителей двух стран свидетельствует о большей длительности, т. е. более медленном темпе речи в Австралии.
3. В Австралии обнаружено увеличение значений длительности в безударных слогах, которое привело к минимальному контрасту по длительности между ударными и безударными слогами: 1,3 по сравнению с 1,4 в Новой Зеландии (Ср. 1,8 в британском и 1,5 в американском вариантах английского языка [Шевченко, 2016]).

¹Boersma, P., & Weenink, D. (2023). Praat: doing phonetics by computer [Computer program]. Version 6.3.10. Retrieved 3 May, 2023 from <<http://www.praat.org/>>.

Результаты ритма по вокалическим и консонантным интервалам

1. По некоторым метрикам наметились признаки большей насыщенности вокалическими интервалами в Австралии.
2. С наибольшей определенностью выявились две противоположные тенденции по CCI [Bertinetto, Bertini, 2008]: тенденция австралийского ритма к «контролирующему», т. е. слогосчитающему ритму, и тенденция к «компенсирующему», т. е. тактосчитающему ритму в речи жителей Новой Зеландии.
3. Доказана применимость данной метрики для диалектов одного и того же языка с региональной, стилистической и индивидуальной вариативностью.

Таким образом, благодаря речевым навыкам австралийцев, которые отличаются протяжным произношением безударных слогов, особенно в финальном слоге, словесное ударение английского языка теряет свой контраст ударных и безударных слогов по длительности, а ритм теряет свою чеканность и четкость. Иные показатели на той же шкале обнаруживаются в Новой Зеландии. Их можно считать маркерами различия в степени выраженности сходных тенденций, наблюдаемых в двух странах. Однако на ритмическом уровне имеются основания считать их категориальными. Их категориальные свойства выявляются на материале спонтанной монологической речи.

СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ СЛОВЕСНОГО УДАРЕНИЯ В ЧТЕНИИ

В данном разделе мы сосредоточим свое внимание на корреляции данных о словесном ударении в лексикографических источниках и в чтении стандартного текста как наиболее контролируемом типе устного дискурса. Означенный тип дискурса соответствует ментальным репрезентациям фонетических форм слов, прежде всего многосложных слов английского языка, в сознании жителей Австралии и Новой Зеландии.

Этап II: материал, методы и результаты

Материал: чтение стандартного текста, 19 жителей Австралии и 15 жителей Новой Зеландии, 40 мин 17 сек и 37 мин 52 сек звучания, соответственно, из корпуса звучащей английской речи IDEA¹, снабженного скриптами и комментариями.

¹International Dialects of English Archive (IDEA). URL: <https://www.dialectsarchive.com/>

В стандартном тексте 376 слов, из которых 105 многосложных (включая дериваты): 76 двусложных, 21 трехсложный, 5 четырехсложных и 3 пятисложных.

Методы: перцептивно-слуховой и сопоставительный: аннотирование ударных слогов, сопоставление с национальными словарями: австралийским Macquarie Concise Dictionary², новозеландским The New Zealand Oxford Dictionary³ и с британским и американскими вариантами произношения в Кембриджском словаре⁴.

Результаты

Двусложные слова. Все 76 двусложных слов были произнесены согласно британской орфоэпической норме. Превалирует хореическая акцентная модель по сравнению с ямбической: 64 vs. 12.

Трехсложные слова. Из 21 трехсложного слова вариативность постановки ударения обнаружена только в слове *millionaire*. Остальные слова соответствуют британской орфоэпической норме; 11 слов имеют главное ударение на первом слоге, 9 слов – на втором слоге.

Четырех- и пятисложные слова. Практически во всех немногочисленных четырех- и пятисложных словах проявилась вариативность акцентных моделей.

Итак, особый интерес для нас представляют семь многосложных слов: *millionaire* (3 слога), *territory* (4 слога), *sentimental* (4 слога), *diagnosis* (4 слога), *penicillin* (4 слога), *veterinary* (5 слогов), *unsanitary* (5 слогов). Рассмотрим полученные данные по двум странам.

АВСТРАЛИЯ

Для выполнения лексикографического анализа использовался австралийский национальный словарь Macquarie Concise Dictionary, 6-е издание от 2013 года⁵. Данные по британской и американской орфоэпической норме проверялись по онлайн-словарю Cambridge Dictionary⁶.

Сопоставление данных лексикографического и перцептивно-слухового анализов выявило следующие тенденции:

- отсутствие предтонических ударений при сохранении полновзвучного гласного

²Macquarie Concise Dictionary / ed. by S. Butler. 6th ed. 2013.

³The New Zealand Oxford Dictionary. URL: <https://www.oxfordreference.com/display/10.1093/acref/9780195584516.001.0001/acref-9780195584516>.

⁴Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>

⁵Macquarie Concise Dictionary / ed. by S. Butler. 2013.

⁶Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>

в австралийском национальном словаре, данная речевая практика противоречит отчетливому произнесению предтонических ударений в звучащем материале, а также наличию предтонических ударений в соответствующих словах в британской и американской произносительной норме (*millio'naire*, *senti'mental*, *dia'gnosis*, *peni'cillin*);

- смещение главного ударения в слове *millionaire* на первый слог под влиянием ритма за счет столкновения двух ударений (*a'millionaire'lawyer*) в 90 % случаев;
- слова *senti'mental* и *peni'cillin* в 100 % случаев произнесены с двумя ударениями, предтоническим и главным, что совпадает с британской и американской нормой;
- большинство респондентов (69 %) произнесли слово *territory* с акцентной структурой, характерной для американского произносительного стандарта, т. е. с главным и посттоническим ударением наряду с гласной полного качества /ɔ:/ *'terri.tory* (однако в словаре для американского стандарта посттоническое ударение отсутствует), тогда как 31 % респондентов придерживаются британской нормы с главным ударением на первом слоге *'territory*;
- для слова *unsanitary* характерно такое же процентное распределение: 69 % произнесли это слово с тремя ударениями *un'sani.tary* (предтоническим, главным и посттоническим), как в американском варианте, 31 % сохранили британскую акцентную модель без посттонического ударения *un'sanitary*;
- больше половины реализаций слова *veterinary* (57 %) соотносятся с британской постановкой ударения на первый слог *'veterinary* (но в большинстве случаев происходит элизия одного слога), также популярна американская акцентная модель с посттоническим ударением *'veteri.nary* (42 %).

НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ

Лексикографический анализ выполнен на основе онлайн-версии новозеландского национального словаря The New Zealand Oxford Dictionary¹ от 2005 года. Как и для Австралии, проверка данных по британской и американской орфоэпической норме осуществлялась по онлайн-словарю Cambridge Dictionary².

¹The New Zealand Oxford Dictionary. URL: <https://www.oxfordreference.com/display/10.1093/acref/9780195584516.001.0001/acref-9780195584516>

²Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>

В реализации многосложных слов новозеландскими респондентами наблюдаются следующие тенденции:

- слова *senti'mental*, *dia'gnosis*, *peni'cillin* в 100 % случаев произносятся с двумя ударениями – предтоническим и главным, что отражается в национальном словаре и совпадает с британской и американской нормой;
- в слове *millionaire* в большинстве случаев (74 %) имеется только одно ударение на первом слоге *'millionaire*, что можно объяснить ритмическим влиянием последующего слова с первым ударным слогом, однако тенденция сохранять изначальную модель с двумя ударениями *millio'naire* (26 %) в новозеландском варианте проявляется чаще, нежели в австралийском.
- большинство новозеландцев (60 %) использовали американскую акцентную модель произнесения слова *'terri.tory* с посттоническим ударением;
- приверженность американской модели также прослеживается в слове *unsanitary*, 66 % реализаций которого имеют три ударения *un'sani.tary*, а также в слове *veterinary*, которое в 66 % случаев имеет главное и посттоническое ударение *'veteri.nary*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате эмпирического исследования реализаций словесного ударения формируются обобщающие дефиниции. На первом этапе были выявлены различия в ритме: австралийский вариант в монологической речи проявил черты слогосчитающего ритма и замедления темпа, что на просодическом уровне соответствует увеличению длительности безударных слогов, уменьшению контраста по длительности между ударными и безударными слогами, а на сегментном уровне соответствует большей вариативности и насыщенности вокалическими интервалами. Новозеландский вариант сохранил тактосчитающий ритм.

На втором этапе анализа было обнаружено превалирование британских моделей хорейского ритма, в том числе наличие предтонических ударений в двух национальных вариантах. Отсутствие предтонических ударений в австралийском национальном словаре остается неразрешенным вопросом, так как непонятно, отражает ли это восприятие ударения австралийцами или является условностью обозначения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Fox A. Prosodic Features and Prosodic Structure: The Phonology of Suprasegmentals. Oxford: Oxford University Press, 2007.
2. Ladd D. R. Intonational phonology. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
3. Ladefoged P. Phonetic Data Analysis. An Introduction to Fieldwork and Instrumental Techniques. Oxford: Blackwell Publishing, 2003.
4. Торсуев Г. П. Вопросы акцентологии современного английского языка. М.–Л.: Изд. АН СССР, 1960.
5. Бурая Е. А. Словесное ударение австралийского варианта английского языка в мультикультурном мире // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. Вып. 1 (740). С. 19–34.
6. Шевченко Т. И., Бурая Е. А. Словесное ударение в пяти национальных вариантах английского языка: ритмические тенденции. Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2020. № 4. С. 65–79.
7. Борзых А. А. Сопоставление словесного ударения в австралийском и новозеландском вариантах английского языка в связи с социоисторическим контекстом формирования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1 (869). С. 25–31.
8. Шевченко Т. И. Фонетика и фонология английского языка: Курс теоретической фонетики английского языка для бакалавров. 2-е изд. Дубна: Феникс+, 2017.
9. Артюхова Д. Т. Сохранение ритмической структуры английских многосложных слов в канадском дискурсе. Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 1 (843). С. 9–18.
10. Шевченко Т. И. Социофонетика: Национальная и социальная идентичность в английском произношении. 2-е изд., доп. М.: ЛЕНАНД, 2016.
11. Cutler A., Carter D. M. The predominance of strong initial syllables in the English vocabulary // Computer speech and language. 1987. № 2. P. 133–142.
12. Шевченко Т. И., Романова Е. Ю. Английское лексическое ударение в нормообразующих, норморазвивающих и нормозависимых странах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1 (856). С. 137–142.
13. Mairano P., Romano A. Un confronto tra diverse metriche ritmiche usando Correlatore // La dimensione temporale del parlato: Proc. of the V National AISV Congress, University of Zurich, Collegiengebäude, 4–6 February 2009 / Ed. by S. Schmid, M. Schwarzenbach, D. Studer. Torriana (RN) : EDK, 2010. С. 79–100.
14. Шевченко Т. И., Борзых А. А. Ритмическая вариативность английского языка в Австралии и Новой Зеландии // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10 (3). С. 212–224.
15. Bertinetto P. M., Bertini C. On modeling the rhythm of natural languages // Proc. of Speech Prosody 2008, Campinas (Brazil), 6–9 May 2008 / Ed. by P. A. Barbosa, S. Madureira, C. Reis. Urbana IL : Speech Prosody Special Interest Group (SproSIG), 2008. P. 427–430.

REFERENCES

1. Fox, A. (2007). Prosodic Features and Prosodic Structure: The Phonology of Suprasegmentals. Oxford: Oxford University Press.
2. Ladd, D. R. (1996). Intonational phonology. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Ladefoged, P. (2003). Phonetic Data Analysis. An Introduction to Fieldwork and Instrumental Techniques. Oxford: Blackwell Publishing.
4. Torsuev, G. P. (1960). Voprosy aktsentologii sovremennogo angliyskogo yazyka = Issues of modern English accentology. Moscow; Leningrad: AN SSSR Press.
5. Buraya, E. A. (2016). Australian English Words-Stress in a Multicultural Society. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 1(740), 19–34. (In Russ.)
6. Shevchenko, T. I., Buraya, E. A. (2020). Word Stress in Five National Varieties of English: Rhythm Trends. Moscow University Philology Bulletin, 4, 65–79.
7. Borzykh, A. A. (2023). Comparative study of word stress in Australian and New Zealand English in the socio-historical context of formation. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(869), 25–31.
8. Shevchenko, T. I. (2017). Fonetika i fonologiya angliiskogo yazyka: Kurs teoreticheskoi fonetiki angliiskogo yazyka dlya bakalavrov = Phonetics and phonology of the English language: A course of theoretical phonetics of the English language for bachelor students. 2nd ed. Dubna: Fenix+. (In Russ.)

9. Artyukhova, D. T. (2021). Retention of rhythmic structure in English polysyllabic words in Canadian discourse. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 1(843), 9–18.
10. Shevchenko, T. I. (2016). *Sotsiofonetika. Natsional'naya i sotsial'naya identichnost' v angliyskom proiznoshenii* = Sociophonetics. National and social identity in English pronunciation. 2nd ed. Moscow: Lenand. (In Russ.)
11. Cutler, A., Carter, D. M. (1987). The predominance of strong initial syllables in the English vocabulary. *Computer speech and language*, 2, 133–142.
12. Shevchenko, T. I., Romanova, E. Y. (2022). English word stress in norm-providing, norm-developing and norm-dependent countries. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 1(856), 142–149.
13. Mairano, P., & Romano, A. (2010) Un confronto tra diverse metriche ritmiche usando Correlatore. In Schmid, S., Schwarzenbach, M., Studer, D. (Eds.), *La dimensione temporale del parlato* (pp. 79–100): Proc. of the V National AISV Congress, University of Zurich, Collegiengebaude, 2009, February 4–6. Torriana (RN): EDK.
14. Shevchenko, T. I., Borzykh, A. A. (2024). Rhythm Variation of English in Australia and New Zealand. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* = Theoretical and Applied Linguistics, 10(3), 212–224. (In Russ.)
15. Bertinetto, P. M., Bertini, C. (2008). On modeling the rhythm of natural languages. In Barbosa, P. A., Madureira, S., Reis, C. (Eds.), *Proc. of Speech Prosody 2008* (pp. 427–430), Campinas (Brazil), 2008, May 6–9. Urbana IL: Speech Prosody Special Interest Group (SproSIG).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шевченко Татьяна Ивановна

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры фонетики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

Борзых Анна Алексеевна

преподаватель кафедры фонетики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Shevchenko Tatyana Ivanovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Professor at the Department of English Phonetics, English Language Faculty
Moscow State Linguistic University

Borzykh Anna Alexeyevna

Lecturer at the Department of English Phonetics
English Language Faculty, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

16.11.2024
24.12.2024
09.01.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Ранняя рецепция творчества Ф. М. Достоевского в Швеции (1880-е годы). Статья вторая

К. Р. Андрейчук

ИМЛИ РАН им. А. М. Горького, Москва, Россия
enantiosemia@yandex.ru

Аннотация: Цель цикла статей – изучение того, как воспринималось творчество Ф. М. Достоевского в Швеции 1880-х годы, когда в скандинавских странах возрос интерес к русской культуре. Методами второй части исследования стали количественный анализ переводов и изучение «встречных течений» (а именно т. н. «криминальной литературы»). Особое внимание было уделено рецепции «Преступления и наказания». Упоминаются шведские художественные произведения 1880-х, написанные под влиянием Ф. М. Достоевского. Результатом работы стало выяснение причин интереса шведов к Ф. М. Достоевскому и аспектов его творчества, актуальных для шведского читателя 1880-х годов.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, рецепция в Швеции, Г. Брандес, «Молодая Швеция», С. Ковалевская, В. Бенедиктссон, Г. аф Гейерстам, «Преступление и наказание», А. Стриндберг, Ч. Ломброзо

Для цитирования: Андрейчук К. Р. Ранняя рецепция творчества Ф. М. Достоевского в Швеции (1880-е годы). Часть вторая // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1 (895). С. 119–125.

Overview article

The Early Reception of F. M. Dostoevsky's Works in Sweden (1880-s). Part 2

Kseniia R. Andreichuk

IMLI RAN, Moscow, Russia
enantiosemia@yandex.ru

Abstract: The cycle of articles deals with the perception of the work of F. M. Dostoevsky in Sweden in the 1880s, when the Scandinavian countries became actively interested in Russian culture. In the second article, the method of quantitative analysis of Dostoevsky's translations and the analysis of the "countercurrent" of so-called "crime literature" is chosen. The author pays particular attention to the reception of "Crime and Punishment". The article mentions Swedish works of art written under the influence of F. M. Dostoevsky.

Keywords: F. M. Dostoevsky, reception in Sweden, G. Brandes, "Young Sweden", S. Kovalevskaya, V. Benediktsson, G. af Geijerstam, "Crime and Punishment", A. Strindberg, C. Lombroso

For citation: Andreichuk, K. R. (2025). The Early Reception of F. M. Dostoevsky's Works in Sweden (1880-s). Part 2. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(895), 119–125. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В вышедшей ранее статье этого цикла статей обосновывалась актуальность, новизна и практическая значимость данного исследования [Андрейчук, 2024]. Его целью является выявление того, как воспринималось творчество Ф. М. Достоевского в Швеции 1880-х годов. В этот период времени интерес к русской культуре в скандинавских странах интенсивно возрастает. В предыдущей статье говорилось о культурно-общественных явлениях, на фоне которых шла рецепция русского Достоевского, о том, какими путями происходило ознакомление шведского читателя с творчеством русского писателя, о роли Г. Брандеса, С. Ковалевской, Э.-М. де Воюэ, В. Бенедиктссон и Г. аф Гейерстама в этом процессе. Напомним, что 1880-е годы стали временем, когда в Швеции активно интересовались Россией и в качестве источника информации о соседней стране воспринимали произведения русской литературы. Больше всего переводили И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого, немало – Ф. М. Достоевский. Выборка произведений определялась тем, в какой мере то или иное произведение отражало современную российскую действительность. Поскольку в Швеции во главе литературного процесса в 1880-е годы стояла либеральная пресса, группа «Молодая Швеция», наибольшее внимание уделялось переводу произведений, так или иначе затрагивающих тему русского нигилизма.

Задачами настоящего цикла статей является изучение причин обращения шведских издателей, критиков и читателей к произведениям Достоевского и обнаружение наиболее актуальных для шведов аспектов его творчества. Для этого в статье используется метод количественного анализа переводов. Также выявляются признаки влияния Достоевского на шведскую художественную литературу. Материалом исследования в этой части статьи явились шведские переводы произведений Достоевского, выполненные и опубликованные в 1880-е годы и художественные произведения Г. аф Гейерстама, В. Бенедиктссон и А. Стриндберга.

Если рецепции Достоевского в Швеции посвящено некоторое количество работ, упомянутых в первой статье, а творчество Стриндберга активно изучается и за рубежом, и в России (причем иногда в контексте его связей с русской литературой – например, [Михайлова, Михеичева, 2020]), то работы Гейерстама и Бенедиктссон в России практически неизвестны. За рубежом их имена тоже мало привлекают исследователей. Из недавних исследований можно отметить биографическую книгу о В. Бенедиктссон [Åsbrink, 2022] и статью о романе Г. аф Гейерстама «Голова медузы» [Marcus, 2022].

ПЕРВЫЕ ПЕРЕВОДЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО НА ШВЕДСКИЙ ЯЗЫК

Первым текстом Достоевского, переведенным на шведский, стал рассказ «Мальчик у Христа на елке», изданный в Венском издательстве Arcus в 1874 году в сборнике рождественских рассказов под названием «... все те, у кого на Рождество нет елки» (*Dostoevskij F. M. ...alla de som inte får någon julgran på Jorden*). Этот, по всей видимости, случайный перевод подходящего сборника по теме рассказа, оставался единственным вплоть до 1881 года, когда в Финляндии выходит шведский перевод «Униженных и оскорбленных» О. Аспелин одновременно отдельной книгой в издательстве Edlund (*Dostoevskij F. M. De kränkte och de förödmjukade*) и журнальной публикацией под названием «Kränkning och förödmjukelse» (*Finlands Allmänna Tidning*. 03.01.1881–17.01.1881).

Первые переводы крупных по объему произведений Достоевского были сделаны именно в Финляндии стараниями русской по отцу, билингвальной Ольги Аспелин (1846–1910; урожд. Саламатина). Помимо «Униженных и оскорбленных», она перевела «Записки из Мертвого дома» (*Dostoevskij F. M. Anteckningar från det döda huset*).

Возможно, интерес к Достоевскому в Финляндии обусловлен геополитически. Финляндия с начала XIX века состояла в составе Российской империи и таким образом, с одной стороны, больше была знакома с Россией, а с другой – в отличие от Швеции была подвержена царской цензуре. Н. Хоканссон утверждает, что выборка русской литературы для публикации в Финляндии была менее политизированной, чем в Швеции, и включала больше развлекательной литературы [Håkanson, 2012].

В Швеции в 1880-е годы появляется большое количество, прежде всего, журнальных публикаций коротких рассказов Достоевского, отрывков из больших произведений, а также романов в сокращении¹. В газетах публикуются переводы:

- рассказов «Елка и свадьба» – *Julfest och bröllop* (*Stockholms Dagblad*. 17.09.1887); *Julfrost. En rysk julsaga*. Övers. W. (*Göteborgs Handels- och Sjöfarts-Tidning*. 24.12.1884); *Julträdet* (*Nya Dagligt Allehanda* 24.12.1886) – и «Маленький герой» – *En liten hjälte. Berättelse* (*Aftonbladet* 20.09.1886–30.09.1886);
- повести «Кроткая»: *Krotkaja*. Övers. Valborg Hedberg (*Aftonbladet* 01.10.1886–12.10.1886);
- очерков «Столетняя» – *En hundraårig. Berättelse* (*Göteborgs Handels- och Sjöfarts-Tidning*. 04.09.1886), – и «Два самоубий-

¹Здесь и далее библиографическая информация взята из [Åkerström, 2015].

ства» – *Två sjelfmord (Ny illustrerad tidning. 23 (1887), s. 243);*

- отрывков из «Записок из Мертвого дома» – *Från ett straffängelse i Sibirien. Lösgifven ur fängelset (Aftonbladet. 06.11.1886); En teaterföreläsning i en rysk straffanstalt (Aftonbladet. 29.04.1886–30.04.1886); Örnén (Ur: Berättelser från straffängelset i Sibirien) (Aftonbladet. 21.07.1886); På vårsidan (Ur: Från ett straffängelse i Sibirien). Övers. fr. da. (Aftonbladet. 27.07.1886); På sjukhuset (Ur: Från ett straffängelse i Sibirien.) Övers. fr. da. (Aftonbladet. 24.07.1886), – и «Униженных и оскорбленных» – *Den föräldralösa Nellys historia (Ur: Förtryckare och förtryckte) (Stockholms Dagblad. 23.05.1886).**

В сокращении появляются в периодической печати романы «Униженные и оскорбленные» (четыре публикации двух разных переводов – *Nelly (Aftonbladet 11.11.1886–15.11.1886); Förnekad (Aftonbladet. 28.07.1888); En förnekelse (Göteborgs Handels- och Sjöfarts-Tidning. 23.07.1885); En förnekelse (Aftonbladet. 25.07.1885); En förnekelse (Tiden. 27.07.1885); En förnekelse (Stockholms Dagblad. 16.05.1886), «Братья Карамазовы» – *Bröderna Karamazov [Förkortad] (Dagens Nyheter. 28.03.1889–11.07.1889).* В газетах и журналах выходят и полные переводы романов: «Игрок» – *Spelaren (Följetong ur Dagens Nyheter. 9.10.1888–7.11.1888); Babuschka vid spelbordet (Aftonbladet. 23.07.1887), «Записки из Мертвого дома» – *På tvångsarbete (Vårt Land. 21.05.1887).* Отдельными книгами издаются на шведском полные тексты романов. В первую очередь – «Преступления и наказания» (два перевода, один из которых, выполненный В. Хедберг и вышедший в крупнейшем издательстве Bonnier в 1883–1884 годы, явился первой публикацией Достоевского в Швеции (*Dostoevskij F. M. Raskolnikow*), а второй принадлежал перу Д. С. Хектора и вышел в 1884 году в Universal-Bibliotekets förlagsexpedition). Последний перевод переиздавался и в XX веке, в 1906 и 1944 годы. Помимо «Преступления и наказания», полностью выходят на шведском «Бедные люди» в 1885 году (*Dostoevskij F. M. Fattige stackare*) и «Подросток» в 1887 году (*Dostoevskij F. M. Det unga Ryssland*). Этот перевод романа «Бедные люди» выдержал еще одно переиздание в 1907 году.**

То, что Достоевский издателям интересен не сам по себе, а как представитель России, заметно по подзаголовкам и названиям сборников. Например, рассказ «Мальчик у Христа на елке» вышел под названием «*Julfrost. En rysk julsaga*» – «Рождественский мороз. Русская рождественская сказка» (*Göteborgs Handels- och Sjöfarts-Tidning. 24.12.1884*). Роман «Неточка Незванова» вошел в сборник

сочинений разных авторов «Из России. Рассказы и наброски» (*Dostoevskij F. M. Jefimov*).

Больше всего издаются «Записки из Мертвого дома» и «Униженные и оскорбленные», популярность которых связана с сочувствием шведов к угнетаемым слоям и жертвам авторитарного режима в России, а также «Преступление и наказание» и «Игрок», из которых шведы, по всей видимости, пытались извлечь сведения о проблемах и настроениях России нового поколения. Большое количество переводов произведений, посвященных Рождеству: «Мальчик у Христа на елке», «Елка и свадьба», «Праздник Рождества Христова» (отрывок из «Записок из Мертвого дома»), мало что, на наш взгляд, говорит о рецепции Достоевского: эти тексты просто использовались для заполнения страниц, отведенных в журналах и сборниках под рождественские рассказы.

Очевидно, что в основном переводы делались не с русского языка (билингвов, как О. Аспелин, было немного, а институт перевода с русского в Швеции пока не сформировался), хотя не всегда язык-посредник указывался. Так, с датского сделаны опубликованные в «Aftonbladet» переводы отрывков из «Записок из Мертвого дома», с немецкого – два разных перевода «Преступления и наказания» (В. Хедберг и Д. С. Хектора).

Если в 1880-е годы, период «русского бума», появилось тридцать семь публикаций произведений Достоевского, то уже в 1890-е годы их выходит только двенадцать (переводы рассказа «Елка и свадьба», отрывка «Праздник Рождества Христова», повести «Дядюшкин сон», романов «Игрок», «Преступление и наказание», «Белые ночи»): интерес к России утихает, в том числе из-за того, что умирают два из трех самых известных в Швеции русских писателей: Ф. М. Достоевский и И. С. Тургенев (в 1881 и 1883 годы соответственно). Другой причиной упадка интереса к России в Швеции явился протест шведских писателей и критиков против излишней доли переводной литературы в издательствах [Stalfelt, 1961]. К тому же шведская литература переживала в это время решительный взлет: начали творить А. Стриндберг и С. Лагерлёф. Достоевский вернется в шведские издательства уже в XX веке.

РОМАН «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» И ШВЕДСКАЯ «КРИМИНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Из всех переведенных в 1880-е годы на шведский произведений Достоевского наибольшее влияние имел роман «Преступление и наказание». Он был переведен дважды – В. Хеберг и затем

Д. Хектором. Оба раза роман Достоевского был переведен с немецкого (автором перевода с русского на немецкий (1882) был В. Хенкель: Dostojewski F. M. «Raskolnikow»). Шведские переводы вслед за немецкой публикацией изначально носили название «Раскольников». Лишь с начала XX века они стали переиздаваться под названием «Brott och straff» – «Преступление и наказание». Перевод Хедберг имел подзаголовок «Roman ur ryska samhällslifvet» – «Роман из жизни русского общества», вставая, таким образом, в ряд переводов, знакомящих не столько с конкретным автором, сколько с Россией в целом.

О романе «Преступление и наказание» писательница Виктория Бенедиктссон писала, что читала его «в нескончаемом напряжении, следя за каждым взрывом чувств героев, за каждым их душевным движением» [цит. по: Шарыпкин, 1975, с. 110]. Ей вторил романист и новеллист Г. аф Гейерстам: «Кто бы ни начал читать эту книгу, он испытает потребность читать дальше. Никогда не читали мы ничего более захватывающего. События описаны до такой степени ярко и живо, что кажется, будто сам пережил их. Можно с уверенностью сказать, что ни один роман не может сравниться с этим» [цит. по: Шарыпкин, 1976, с. 271].

Неслучайно перевод Хедберг явился первой публикацией Достоевского в Швеции: можно говорить о «встречном течении» так называемой криминальной литературы (kriminallitteratur), исследовавшей психологию преступления. Х. Линдстрём определяет жанр произведений шведской литературы этого времени как «патологический», т. е. изучающий отклонение в его отношении к норме [Lindström, 1952].

Первыми претекстами «криминальной литературы», расцветшей в Швеции в 1880-е годы, можно считать детективы XIX века, в первую очередь рассказ «Черный кот» (1843) Э. А. По. В этом рассказе писатель поднимает вопросы предопределенности преступления, совершаемого психопатом. Любопытно, что популяризации По в России способствовал как раз Ф. М. Достоевский, написавший статью «Три рассказа Эдгара Поэ» (Время. 1861).

Другим претекстом стал наиболее известный в Швеции роман Э. Золя «Тереза Ракен» (1867). Э. Золя обуславливает преступление «темпераментами», т. е. животным началом в человеке, но все же приводит героев к раскаянию (и самоубийству). Через Золя шведская «криминальная литература» наследует П. Люку («Трактат по естественной наследственности»), Ш. Летурно («Физиология страстей»), Ч. Дарвину.

Достоевский отзывался о Золя с его идеей о фатальной зависимости человеческой психологии

от окружающей его среды пренебрежительно («едва могу читать, такая гадость», – пишет он А. Г. Достоевской 15 июля 1876). Тем не менее российские исследователи и авторы учебных пособий отмечают некоторое сходство Золя и Достоевского: В. М. Толмачев называет «Терезу Ракен» натуралистическим «Преступлением и наказанием» [Толмачев, 2014], то есть одновременное почитание Золя и Достоевского в Швеции было все же неслучайно. Дело в том, что в Швеции, благодаря Г. Брандесу, распространилось именно «натуралистическое» прочтение творчества Достоевского в отличие от сформированного Э.-М. де Вогюэ «националноромантического» прочтения во франкоязычных странах.

С научной точки зрения идеи Золя попытался объяснить Ч. Ломброзо, обосновавший концепцию врожденной предрасположенности к преступлению в труде «Преступный человек» (1878). Вклад Ломброзо в криминологическую науку заключается в переосмыслении предмета исследования. Ломброзо перемещает взгляд с преступления как деяния на человека-преступника, рассматриваемого сквозь призму антропологии. Ломброзо сформулировал ряд практических рекомендаций к определению патологической предрасположенности того или иного индивида к преступной деятельности по набору легко отличимых внешних признаков.

Идеи о врожденной предрасположенности к преступлению столкнулись в умах шведов с взглядом Ф. М. Достоевского на преступление, с одной стороны, как на следствие социальных условий, с другой – как на результат свободного личного выбора между добром и злом.

«Патологическая проза» была представлена преимущественно рассказами – основной формой литературы восьмидесятников, стремившихся изображать «вырванные из жизни» моменты и почти не претендовавших на «романное» осмысление мира (за исключением более поздних, относящихся к 1890-м годам романов Гейерстама).

ИДЕИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В ТВОРЧЕСТВЕ Г. АФ ГЕЙЕРСТАМА

Свой сборник 1884 года Г. аф Гейерстам назвал «Бедные люди. Рассказы» (Geierstam G. af. Fattigt folk). Несмотря на то, что «Бедные люди» Достоевского были опубликованы только в 1885 году и под немного другим, чем у Гейерстама, названием («Fattige stackare» – дословно «Бедные страдалцы»), возможно, Гейерстам всё-таки читал этот роман на немецком в первом газетном переводе 1846 года (в отрывках) (Dostojewski F. M. Warinkas Tagebuch (Aus den «Armen Leuten» von Dostojewski)). Сборник Гейерстама был предварен эпиграфом

«Сытый голодного не разумеет. Русская пословица». Эта пословица встречается у Достоевского в романе «Униженные и оскорбленные», который Гейерстаму также мог быть известен по немецкому переводу 1882 года.

В книге содержится, например, рассказ «Преступник» (*Geierstam G. af. Förbrytare*), в котором автор изучает психологию преступления, обосновывая нарушение морали и закона врожденной склонностью. Преступником становится человек из низов, крестьянин Карлсон. В самом начале рассказа дано описание его внешности, в которой подчеркнута животное начало и чувственность, явно отсылающее к описанным в начале главы представлениям о природе преступника: «Карлсон был крупным грубым мужчиной с острыми чертами лица, сильными руками и ногами, широкими плечами, небрежной, качающейся походкой и густыми волосами над низким лбом. Губы его были пухлыми, со следами необузданной чувственности, глаза – серыми и пронизательными, взгляд, обычно спокойный и ясный, иногда мог казаться опасным и ненасытным. Он был похож на большое, сильное и плохо прирученное животное»¹ (*Geierstam G. af. Förbrytare*). Карлсон считает, что жена стоит у него на пути и что он не может жить, пока живет его жена. Он воображает, что жена умерла от болезни, и радуется, как будто намеревался совершить преступление, но устоял перед искушением. Но очнувшись от мечтаний, он снова видит всё «в чистом, ярком свете действительности: *если он хочет получить что-либо, он должен попытаться достать себе это сам*»² (*Geierstam G. af. Förbrytare*). Такие мысли нападают на него по вечерам, и он «часами бодрствовал, купаясь в холодном поту и едва осмеливаясь заснуть из опасения, что выдаст свои мысли во сне» (*Geierstam G. af. Förbrytare*).

Таким образом, Гейерстам наследует Достоевскому в изображении причин и замысла преступления: его герой, как и Раскольников, собирается путем преступления стать хозяином жизни, взять в свои руки судьбу свою и других людей. Однако замысел Карлсона все же имеет больше личных причин, он не задумывается о судьбах человечества. Как мы покажем в нашей готовящейся к выходу монографии о Достоевском в шведской литературе, такое уменьшение достоевских масштабов личности в целом характерно для шведских авторов, исследующих психологию преступления.

В один из вечеров Карлсон, подготовившись – попросив не пускать никого в дом – зарезал жену. После преступления Карлсон скрывает улики, закапывает забрызганную кровью рубашку. Он приходит

к пастору, «чтобы поговорить о похоронах», заявляя, что у жены был удар. Вопросы пастора пугают Карлсона: «он сделал дело, не колеблясь. Но когда все было кончено, пришла мысль о последствиях» (*Geierstam G. af. Förbrytare*). Впрочем, признается он, только когда пастор видит кровь на кровати. Ни раскаяние, ни сожаление не описаны.

Очевидно, Гейерстам здесь интересует психология преступления, но не наказания. Он пользуется открытиями Достоевского-психолога, но не богослова: о раскаянии и прощении герой этого его рассказа не задумывается.

В рассказе «Несчастный случай» из сборника «Рассказы судьи» Гейерстам вслед за Достоевским ставит вопрос о том, может ли один человек решать, насколько ценна жизнь другого (*Geierstam G. af. En Föroluckyad*). Герой Эрик Буман явно наследует типу «лишнего человека» в русской литературе, но при этом, как и практически все герои восьмидесятников, из крестьян, а не из разночинцев. Он бродит по стране в поисках работы, ночует в эллингах, и однажды видит сон, отсылающий к сну Раскольникова о лошади: в болоте тонет тягловой бык, вокруг плотным кольцом стоят люди и не помогают ему, только наблюдают. Потом он видит себя на месте быка. Таким образом Гейерстам подчеркивает одиночество и ненужность Эрика в мире людей, которые и ведут героя к преступлению.

В бессонную ночь он заходит в открытую мельницу и видит вдали старуху. Ему кажется, что она – единственное существо, оставшееся вместе с ним на земле, которое, как и он, не знает, зачем дальше жить: «У нее осталось так мало времени. <...> И тем не менее, она всерьез размышляла только о том, что делать, чтобы протянуть подольше, столько, сколько возможно. Как и у него, у нее, наверное, не осталось в жизни никакой радости. И всё же она старалась сохранить эту жизнь, в которой у нее не было никакого удовольствия, только работа, которая поможет ей еще пожить» (*Geierstam G. af. En Föroluckyad*).

Эрик, как и Раскольников, пытается судить чужую жизнь с точки зрения пользы: «Странно, что она может жить. Старая высохшая женщина, такая слабая, что идет, спотыкаясь. Как она может жить? Подумать только, какую гору еды она затолкала в себя за семьдесят, а то и восемьдесят лет. Кто давал ей всё, что нужно? Как ей удавалось доставать себе крышу над головой и пищу, чтобы жить?» (*Geierstam G. af. En Föroluckyad*).

Эрик, как и Раскольников, размышляет о самоубийстве: ему кажется, что жизнь не стоит того, чтобы за нее бороться. Однако все же он убивает не себя, а старуху, услышав, как она весело разговаривает с курами. В отличие от Раскольникова Эрик как будто сочувствует жертве и убивает ради ее же блага.

¹Зд. и далее перевод со шведского наш. – К. А.

²Курсив наш. – К. А.

Сходство же в том, что оба героя ставят себя на место Бога, решая, кому жить, а кому умирать.

После убийства с героя спадает наваждение, и его руки опускаются: «Он стоял, как лунатик, остекленевшим взглядом глядя на свою жертву, и совсем не понимал, зачем он сделал то, что сделал. Несчастья спутали его сознание, и поступок был не преднамеренным решением, а внезапным взрывом, настолько неподготовленным, что убийца даже не понял, что преступление было совершено в реальности» (*Geijerstam G. af. En Förolyckad*). В названии рассказа «En förolyckad» можно увидеть обыгрывание слова «несчастье», «olycka»: преступление не только само стало «несчастливым случаем», но и произошло вследствие несчастий героя.

Названию рассказа «Несчастный случай» (дословно: «Погибшая в результате несчастного случая») противоречит финал: наутро Эрик Буман пошел к судье и «признался в том, что совершил умышленное преступление» (курсив наш). Таким образом, если в рассказе «Преступник» причиной преступления показана «преступная натура» (в полном соответствии с представлением Ч. Ломброзо), то в рассказе «Несчастный случай» сделан акцент на социальные причины (какие присутствуют и в «Преступлении и наказании»), а также на «идею» героя о бессмысленности жизни (появившейся, очевидно, из тех же социальных причин). Гейерстам доводит до крайности раскольниковское стремление решать, кому жить, а кому умирать, делая жертвой старушку, ничем не провинившуюся перед героем.

Гейерстам в своей художественной практике пытался следовать Достоевскому, больше всего ценя его внимание к душевному миру маленького человека. Однако от Гейерстама ускользает философский и богословский подтекст произведений

Достоевского, от психологизма остается лишь психопатология.

«Право на убийство» обсуждают и В. Бенедиктссон в рассказах, и А. Стриндберг в романе «Чанда-ла» (1889) и пьесе «Пария» (1889), написанной на основе одноименного рассказа У. Ханссона 1888 г. Подробному анализу влияния Достоевского на Стриндберга будет посвящена другая наша статья.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первое крупное произведение Достоевского, переведенное на шведский язык, – роман «Преступление и наказание» – стал «визитной карточкой» Достоевского в Швеции этих лет. Один из переводов выдержал два переиздания (в начале XX века и в 1940-х годах). Тема преступления получила особенный отклик благодаря встречному течению в шведской словесности – т. н. «криминальной литературе», авторы которой развивали идеи французского натурализма (Э. Золя) и новейшей психиатрии (Ч. Ломброзо) о врожденной склонности определенных людей к преступлению. Эти авторы (В. Бенедиктссон, Г. аф Гейерстам, У. Ханссон) скорее внешне эксплуатировали сюжетные и образные ходы Достоевского, чем погружались в его мировидение.

По ряду причин, в том числе благодаря упоминанию У. Ханссону, Достоевским заинтересовался один из самых значимых шведских писателей – А. Стриндберг, поначалу пытавшийся объединить идеи Достоевского с идеями Ницше, что выливалось в суховатые «идеологические» произведения. Позднее Стриндберг внимательнее изучил Достоевского, и в его произведениях выразилось более тонкое осмысление русского писателя.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андрейчук К. Р. Ранняя рецепция творчества Достоевского в Швеции (1880-е годы). Статья первая // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 12 (893). 2024. С. 115–121.
2. Михайлова М. В., Михеичева Е. А. А. Стриндберг – Л. Андреев: заочный диалог о «новой драме» // Русская литература: XX век и современность. М.: МАКС Пресс, 2020. С. 99–113.
3. Åsbrink E. Mitt stora vackra hat: en biografi över Victoria Benedictsson. Stockholm: Bokförlaget Polaris, 2022.
4. Marcus G. Medusa's Gaze and Geijerstam's Gay Science in the Swedish fin de siècle. Humanities. 2022. Vol. 11 (147). URL: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1715462/FULLTEXT01.pdf>.
5. Håkanson N. Fönstret mot öster. Rysk skönlitteratur i svensk översättning 1797–2010, med en fallstudie av Nikolaj Gogols svenska mottagande. Stockholm: Ruin, 2012.
6. Åkerström H. Bibliografi över rysk skönlitteratur översatt till svenska. Göteborg: University of Gothenburg, 2015.
7. Шарыпкин Д. М. Русская литература в скандинавских странах. Л.: Наука, 1975.
8. Шарыпкин Д. М. Достоевский в восприятии шведских читателей // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1976. С. 270–276.

9. Lindström H. Hjarnornas kamp. Psykologiska idéer och motiv i Strindbergs åttiotalsdiktning. Uppsala: Appelbergs boktryckeri, 1952.
10. Толмачев В. М. Зарубежная литература конца XIX–XX века: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2014.

REFERENCES

1. Andreichuk, K. R. (2024). The Early reception of F. M. Dostoevsky's Works in Sweden (1880-s). The first article. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(893), 115–121. (In Russ.)
2. Mikhailova, M. V., Mikheicheva E. A. (2020). Strindberg – L. Andreev: zaochnyj dialog o «novoj dramE» = A. Strindberg – L. Andreev: dialogue about the "new drama". Russkaya literatura: XX vek i sovremennost' (pp. 99–113). Moscow: MAKSPRESS. (In Russ.)
3. Åsbrink, E. (2022). Mitt stora vackra hat: en biografi över Victoria Benedictsson. Stockholm: Bokförlaget Polaris.
4. Marcus, G. (2022). Medusa's Gaze and Geijerstam's Gay Science in the Swedish fin de siècle. Humanities, 11(147). <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1715462/FULLTEXT01.pdf>.
5. Håkanson, N. (2012). Fönstret mot öster. Rysk skönlitteratur i svensk översättning 1797–2010, med en fallstudie av Nikolaj Gogols svenska mottagande. Stockholm: Ruin.
6. Åkerström, H. (2015). Bibliografi över rysk skönlitteratur översatt till svenska. Göteborg: University of Gothenburg.
7. Sharypkin, D. M. (1975) Russkaya literatura v skandinavskikh stranakh = Russian Literature in Scandinavian Countries. Leningrad: Nauka. (In Russ.)
8. Sharypkin, D. M. (1976). Dostoevsky in the Eyes of Swedish Readers. In Dostoevskii. Materialy i Issledovaniya (pp. 270–276). Leningrad: Nauka (In Russ.)
9. Lindström, H. (1952). Hjarnornas kamp. Psykologiska idéer och motiv i Strindbergs åttiotalsdiktning. Uppsala: Appelbergs boktryckeri. (In Swed.)
10. Tolmachev, V. M. (2014). Zarubezhnaya literatura kontsa XIX–XX veka: uchebnik dlya bakalavrov = Foreign Literature of the End of 19th–20th century. Moscow: Yurait. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Андрейчук Ксения Руслановна

кандидат филологических наук

старший научный сотрудник ИМЛИ РАН им. А. М. Горького

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andreichuk Kseniia Ruslanovna

PhD in Philology

Senior Researcher in A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

15.11.2024
21.12.2024
09.01.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Художественная интерпретация в литературе: герменевтический анализ рассказов двух авторов

Е. Ф. Косиченко¹, В. М. Костева²

¹Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия, KosichenkoYF@mpei.ru

²Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, vmkosteva@gmail.com

Аннотация. Обсуждается вопрос о художественной ценности литературного произведения, созданного по мотивам одноименного произведения другого автора. Герменевтический подход с применением методов интертекстуального, структурного, лингвостилистического, филологического анализа и метода интерпретации позволяют описать роль интертекста как основного принципа построения более позднего произведения, выявить структурно-содержательные, лингвостилистические особенности двух рассказов, проследить влияние историко-культурного контекста и дать оценку уникальности более позднего произведения. Делается вывод, что воссоздание известной ситуации в новом культурном контексте расширяет интерпретационное поле более раннего рассказа, способствуя реализации идеи о повторяемости жизненных ситуаций.

Ключевые слова: художественная интерпретация, художественная ценность, уникальность произведения, проблема авторства, герменевтический подход, авторский идиостиль, интертекст

Для цитирования: Косиченко Е. Ф., Костева В. М. Художественная интерпретация в литературе: герменевтический анализ рассказов двух авторов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 1 (895). С. 126–133.

Original article

Interpretation in Literature: Hermeneutic Analysis of Stories by Two Authors

Elena F. Kosichenko¹, Viktoria M. Kosteva²

¹Research University «Moscow Power Engineering Institute», Moscow, Russia, KosichenkoYF@mpei.ru

²Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, vmkosteva@gmail.com

Abstract. The article looks into the problem of literary value of a piece of writing which is a version of a previously written story by another writer. Research relies on hermeneutic approach and methods of intertextual, structural, linguo-stylistic, philological analysis and interpretation, that serve to describe the role of intertextuality as the main principle of composing the later story, to reveal the structural, linguistic and stylistic properties of both stories, to expose the influence of the cultural and historical context, to consider the later story in terms of its literary value. It is concluded that, being stylistically different, the later story interprets the earlier one by reconstructing the situation in a new cultural context thus conveying the idea of recurrence of life.

Keywords: literary interpretation, artistic value, uniqueness in writing, authorship, hermeneutic approach, author's style, intertextuality

For citation: Kosichenko, E. F., Kosteva, V. M. (2025). Interpretation in literature: hermeneutic analysis of stories by two authors. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(895), 126–133. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Проблема оригинальности художественного текста является, должно быть, одной из наиболее сложных проблем филологии по целому ряду причин. Во-первых, в разные времена писатели брали за основу своих произведений так называемые бродячие сюжеты, например, о герое, о подмене, о девушке-воине, о младшем брате или сестре и т. п., и, адаптируя их к текущему культурно-историческому контексту, создавали уникальные истории. Во-вторых, многие аналоги появились в результате перевода некоторого произведения художественной литературы на другой язык. Адаптации сюжета и героев к условиям принимающей культуры часто способствовала созданию текста, лишь отдаленно напоминающего оригинал, примером чего являются «Винни-Пух» в переводе Б. Заходера или басни Ж. де Лафонтена в переводе И. А. Крылова. В-третьих, удачное произведение художественной литературы часто получает множество сценических, изобразительных и даже музыкальных интерпретаций, вследствие чего его смысловое поле расширяется, создавая возможности для новых открытий.

Все названные процессы настолько прочно и глубоко проникли в мировую культуру, что в литературоведении проблема авторства практически не обсуждается, и оригинальность произведения художественной литературы рассматривается прежде всего как умение писателя посредством своего индивидуального стиля развить некоторый мотив так, что, являясь целостным смыслом, он будет лишь отдаленно напоминать связанные сюжеты, образы или события.

Вместе с тем в кино, театре, искусстве существуют интерпретации, при знакомстве с которыми невозможно избежать сравнения с уже известным, и в нашем случае речь идет о рассказе «The Luncheon» британского писателя Дж. Арчера¹, который является аналогом опубликованного шестьдесятю годами ранее рассказа с тем же названием в авторстве С. Моэма². При том, что, по разным подсчетам, Дж. Арчер является автором не менее пятидесяти рассказов и романов, среди которых целые семейные саги, и признан одним из наиболее читаемых британских писателей, чьи книги переведены на многие языки (по разным данным от 33 до 38 языков), возникает вопрос о роли новой версии известного рассказа

в британской и мировой литературе. В этой связи в статье проводится комплексный анализ обоих рассказов, в целом показывающий, что наличие второй интерпретации известного сюжета лишает ранее описанную ситуацию уникальности и характеризует ее как вполне типичную.

МЕТОДОЛОГИЯ

Как и другие сложные системы, произведение художественной литературы не имеет некой конкретной дефиниции и определяется филологами через смежные категории текста и контекста. Так, М. М. Бахтин пишет, что «в произведение входит и необходимый внетекстовый контекст его» [Бахтин, 1979, с. 369]; Р. Барт считает, что произведение представляет собой нечто замкнутое и сводимое к определенному означаемому, его отцом и хозяином является автор [Барт, 1989, с. 412–423]; Н. А. Кузьмина определяет художественное произведение как «одно из состояний текста во времени» [Кузьмина, 2006, с. 24] и т. д.

Если понятие произведения художественной литературы четко не определено, но вполне очерчено благодаря конкретности самого явления, то абстрактное понятие авторства было и остается исключительно размытым. А. М. Айткулов справедливо отмечает, что в ранних поэтических текстах «авторство наиболее четко прослеживается в форме, а с совершенствованием словесного искусства оно постепенно проявляется и в содержании» [Айткулов, 2022, с. 33]. Постмодерн существенно развил идею о множественности авторов, провозгласив, что автором каждого произведения является читатель, в связи с чем, как отмечает В. А. Лукин, каждому художественному тексту соответствует столько произведений, сколько имеется различных интерпретаций текста [Лукин, 2005].

Приведенные точки зрения на категории автора и произведения позволяют выделить два важных для нас момента: во-первых, то, что авторство представляет собой понятие весьма размытое и субъективное, и форма, т. е. жанрово-стилистические характеристики произведения, в значительно большей степени указывают на его автора, нежели его тема, образы и события; во-вторых, то, что новое произведение – это продукт интерпретации уже существующей темы, сюжета, произведения и т. д. Далее мы обратимся к трудам основоположников герменевтики с целью обосновать необходимость герменевтического подхода к анализу двух выбранных нами рассказов.

В самом широком смысле герменевтический подход определяется как результат использования методов, направленных не столько на поиск

¹Archer J. The Luncheon // The collected short stories. NY: St. Martin's Press, 1998. Pp. 97–104.

²Maugham W. S. The Luncheon // The complete short stories of W. Somerset Maugham Heinemann: London, 2018. Vol. I. Pp. 91–94. URL: https://edisciplinas.usp.br/pluginfile.php/7996585/mod_resource/content/1/20180433-a5.pdf

смысла в произведении художественной литературы, сколько на его *привнесение* [Gadamer, 2004; Heidegger, 1949]. В рамках данного подхода идея о возможности создания нового смысла и расширения интерпретационного поля текста сосуществует с мыслью о том, что понимание текста определяется эпохой, в которой живет человек. Вслед за основоположником отечественной семиотики Ю. М. Лотманом интерпретацию можно понимать как «переписывание некоторого текста каким-либо иным, но в определенном отношении адекватным ему образом» [Лотман, 1971, с. 285]. Примечательно, что с точки зрения герменевтики интерпретироваться могут любые тексты, в том числе сакральные, как это показывает в одном своем рассказе Х. Л. Борхес, предлагающий три возможных причины предательства Христа Иудой: предательство с целью вынудить Христа принести жертву и объявить о своей божественности; предательство как акт аскетизма; предательство как выбор для себя самой презренной судьбы (в этом случае Иуда мог быть подлинным богом) [Борхес, 1989].

Наконец, важным тезисом герменевтики является идея о том, что именно культура определяет интерпретацию любого произведения. Для примера обратимся к образу *Дон Кихота*, который вслед за И. С. Тургеневым интерпретируется в русской культуре как бескорыстный, благородный человек, что не совпадает с бытующим среди испанцев представлением о нем как о дураке [Рылов, 2012, с. 120] или с характерным для англоязычных культур образом великодушного, но непрактичного человека [Ермолович, 2000].

Таким образом, в литературоведении границы уникальности произведения заметно размыты. Вместе с тем изложенное позволяет выделить три параметра уникальности произведения художественной литературы: своеобразие формы (идиостиль), связь с определенным культурно-историческим контекстом, наличие идеи, способствующей расширению смыслового поля известного сюжета, темы, другой идеи и т. д. В связи с тем что в литературоведении термин интерпретация, как правило, применяется к филологическим истолкованиям произведений художественной литературы, а в искусстве к их вариациям в кино, в театре, других видах искусства, в данной статье для обозначения произведения, созданного писателем по мотивам рассказа другого автора, мы будем использовать термин «художественная интерпретация».

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Предпринятые нами поисковые запросы выявили, что вопрос авторства рассказа «The Luncheon»

Дж. Арчера обсуждался англоязычными интернет-пользователями с последующей публикацией своего рода заключения, согласно которому данное произведение не может считаться плагиатом. Найденный нами источник под названием «Jefferey Archer is my client accused of plagiarizing»¹ («Мой клиент Джеффри Арчер обвиняется в плагиате») представляет собой эссе, автор которого заключает, что с точки зрения закона писатель не может быть обвинен в плагиате, поскольку его рассказ отличается от более раннего местом и временем действия, стилем, характеристиками. Об отсутствии заимствований говорят также результаты экспертиз, выполненных системами *Plagscan*, *Turnitin*, *Writecheck*.

Переходя к анализу, подчеркнем, что оба рассказа обнаруживают сходство структурных и композиционных характеристик. Общими в рассказе являются: название, форма повествования от первого лица, наличие ретроспективы, персонажи и ситуация, в которой они оказались, последовательность событий, идея, согласно которой тщеславие часто берет верх над здравым смыслом, вынуждая людей совершать безрассудные поступки, и юмористический взгляд героя на всю ситуацию.

Положенная в основу обоих рассказов история начинается со случайной встречи писателя и некой состоятельной дамы, которые не виделись двадцать лет. Их знакомство произошло при довольно комичных обстоятельствах: вскоре после того, как писателю удалось опубликовать свою первую книгу и получить высокую оценку критиков, дама позвонила ему и предложила встретиться, чтобы обсудить его творчество. Несмотря на свое печальное финансовое положение, начинающий писатель был вынужден пригласить ее в самый дорогой ресторан города (Парижа / Лондона). Во время обеда женщина заказывала одно деликатесное блюдо за другим, тогда как писатель думал о том, во сколько ему обойдется это знакомство и сможет ли он расплатиться за обед.

В обоих случаях рассказчик не смог сразу узнать даму по прошествии 20 лет: в рассказе С. Моэма он услышал, как кто-то назвал ее имя (которое не уточняется в рассказе) и, увидев ее, понял, что сам ни за что бы ее не признал; в произведении Дж. Арчера дама по имени *Susan* первой привлекла к себе внимание.

I saw her in the theatre. I sat down beside her during the interval. It was long since I had last seen her and if someone had mentioned her name, I **hardly think I would have recognized her** (W. S. Maugham. The

¹URL: <https://www.unihomeworkhelp.com/jeffrey-archer-is-my-client-accused-of-plagiarizing/>

Luncheon). – Я увидел ее в театре во время антракта. Прошло много времени с нашей последней встречи, и, если бы кто-то не упомянул ее имени, едва ли бы я ее узнал.¹

SHE WAVED AT ME across a crowded room of the St Regis Hotel in New York. I waved back *realising I knew the face but I was unable to place it* (*J. Archer. The Luncheon*). – Она помахала мне рукой из толпы, собравшейся в номере одного роскошного нью-йоркского отеля.

В качестве комментария обратим внимание на довольно нейтральный стиль С. Моэма, который тем не менее создает интригу, особо подчеркивая, что дама изменилась до неузнаваемости, и сохраняет эту интригу до самого финала. В случае рассказа Дж. Арчера отметим прописные буквы, используемые для акцентуации идеи о том, что именно дама привлекла внимание рассказчика, а также обратим внимание на локализацию действия в Нью-Йорке, юмористический тон, который создается посредством использования стилистического приема метонимии в сочетании с замечанием повествователя о невозможности соотнести лицо с местом.

Если в рассказе С. Моэма герой сразу погружается в воспоминания, не предпринимая попытки описать героиню, таким образом сохраняя интригу, то Дж. Арчер создает комичный диалог, напоминающий игру в шахматы, когда каждый следующий ход, с одной стороны, дает шанс играющему ответить на вопрос, где же они встречались, с другой стороны, грозит попаданием впросяк из-за некорректности вопросов. Юмор состоит также в том, что писателю удается вспомнить имя дамы, когда он видит, с каким наслаждением она вкушает мини-колбаску:

'I'm well, thank you,' I said to *the white queen*. 'And you?' I inquired as *my opening gambit*. 'I'm just fine, darling,' she replied, <...> 'And *how's the family?*' I asked, *not sure* if she even had one. 'They're all well,' she replied. *No help there. Have you been to London lately?*' I roared above the babble. A brave question, as *she might never have been to Europe* <...> 'You don't remember who I am, do you?' *she asked as she devoured a cocktail sausage*. I smiled. 'Don't be silly, *Susan*,' I said. '*How could I ever forget?*' (*J. Archer. The Luncheon*). – «Я в порядке, спасибо», – ответил я белой королеве. – «А как Вы?» – поинтересовался я в качестве первого хода. – «Со мной всё в порядке, дорогой», – ответила она, <...> «Как семья?» – продолжил я, размышляя, есть ли у нее семья. «У них всё хорошо», – ответила

она. Не помогло. – «Вы давно были в Лондоне?» – постарался я перекричать общий гул. Смелый вопрос, ведь она, возможно, никогда не была в Европе <...> «А Вы ведь не помните меня», – сказала она и положила в рот коктейльную колбаску. Я улыбнулся. – «Ну, что Вы, Сьюзен. Как я мог забыть?»

Изложение истории двадцатилетней давности начинается с описания незavidного материального положения начинающего писателя. Обратим внимание на стилистически сдержанный тон С. Моэма, а также на упоминание в его рассказе Латинского квартала в Париже – места проживания интеллектуальной молодежи. Дж. Арчер с долей юмора отмечает, что, благодаря публикации книги, писатель стал известен не только в Европе, но и в США, хотя это и не помогло ему разбогатеть.

It was twenty years ago and I was living in Paris. I had a small apartment in a *Latin Quarter* and *I was earning only just enough money to keep body and sole together* (*W. S. Maugham. The Luncheon*). – Это произошло двадцать лет назад, когда я жил в Париже. У меня была маленькая квартирka в Латинском квартале, и я едва сводил концы с концами

I had just had my first book published and the critics *on both sides of the Atlantic* had been complimentary, even if *the cheques from my publishers were less so* (*J. Archer. The Luncheon*). – Я только что опубликовал свою первую книгу, и критики по обе стороны Атлантики хвалили меня, что не сказалось на моих гонорах.

В обеих историях дама проявляет инициативу и приглашает молодого писателя в ресторан, тот соглашается и, вопреки финансовым затруднениям, как и полагается джентльмену, оплачивает обед. Такое неразумное поведение объясняется в тексте С. Моэма молодостью лет, а также тем, что внимание знатной особы было лестно начинающему писателю; в случае рассказа Дж. Арчера молодой человек также надеялся, что дама замолвит за него словечко перед своим именитым супругом.

She had read a book of mine and had written to me about it. <...> But *I was flattered* and was *too young to have learned to say no to a woman* (*W. S. Maugham. The Luncheon*). – Она прочла мою книгу и написала мне. <...> Но я был еще очень молод и не знал, как правильно отказать женщине.

<...> *telephoned from New York* to heap *lavish praise on my novel*. <...> To be fair, *it was her husband's name* that had achieved the reputation, as one of the

¹Здесь и далее перевод наш. – Е. К., В. К.

world's most distinguished film producers <...> **the wife of an Oscar-winning producer does not phone one every day** (J. Archer. *The Luncheon*). – ...позвонила из Нью-Йорка и долго расхваливала мой роман. <...> Честно говоря, меня привлекло имя ее супруга, именитого кинопродюсера <...> жены оscarоносных голливудских продюсеров не каждый день звонят.

В обоих рассказах упоминается возраст героини, которой было около сорока, в других отношениях она по-разному изображается авторами. Обратим внимание на то, что уже первое описание героини в рассказе С. Моэма создает гиперболизировано сатирический образ зубастой женщины; ироническому изображению подвергается и главный герой, который был готов на всё лишь бы услышать комплименты в свой адрес.

She was in fact **a woman of forty** and she gave me the impression of **having more teeth than were necessary for any practical purpose**. <...> She talked a lot, but since **she seemed inclined to talk about me** I was prepared to be an attentive listener. <...> She gave me a bright and friendly flash of **her white teeth** (W. S. Maugham. *The Luncheon*). – Это была женщина лет сорока, и мне показалось, что у нее значительно больше зубов, чем этого требует практическая необходимость. <...> Он все время говорила, но, поскольку речь должна была пойти обо мне, я внимательно слушал. <...> Она лучезарно улынулась, обнажив при этом все свои зубы.

В истории Дж. Арчера дама была элегантна, хотя и выглядела несколько старомодно, предметом ее болтовни были голливудские сплетни.

At a corner table for two sat a woman who, **although not young, was elegant**. She wore a blouse of powder blue crêpe-de-chine, and her blonde hair was rolled away from her face in **a style that reminded me of the war years**, and had once again become fashionable. <...> She launched immediately into **the latest Hollywood gossip** (J. Archer. *The Luncheon*). – За угловым столиком на двоих сидела женщина хоть и немолодая, но элегантная. На ней была блузка из пудрово-голубого крепдешина, а ее светлые волосы были зачесаны от лица и уложены в прическу, которая была популярной в военные годы, и теперь снова вошла в моду. <...> Она тут же перешла к последним голливудским сплетням.

В течение обеда героиня С. Моэма неоднократно повторяла, что ест на обед только одно блюдо, при этом заказала лосось, икру, белое вино для пищеварения, спаржу, кофе с мороженым и фрукты.

Молодой писатель ограничился свиной отбивной и кофе. Средством создания комического эффекта в данном случае выступают повторы и аргументы, предлагаемые дамой для обоснования необходимости и пользы того или иного блюда.

"I never eat more than one thing. I wonder if they have any **salmon**." **"I never eat more than one thing.** Unless you have **a little caviar**. <...> **"I never drink anything for luncheon,**" <...> **"Except white wine,"** <...> "These French white wines are so light. They are **wonderful for the digestion**." <...> I couldn't possibly eat anything more – unless they had some of those great **asparagus**. "Yes, just **an ice cream and coffee,**" she answered. <...> and **I shall enjoy a peach** (W. S. Maugham. *The Luncheon*). – «Я никогда не ем больше одного блюда. Интересно, есть ли у них лосось?» <...> «Я никогда не ем больше одного блюда. Разве что у вас есть немного икры». <...> «Я никогда ничего не пью за обедом» <...> «Кроме белого вина» <...> «Эти французские белые вина такие легкие. Они чудесны для пищеварения». <...> «Я больше ничего не хочу, разве что у них есть эта огромная спаржи». «Да, только мороженое и кофе, – ответила она. <...> и еще я с удовольствием съем персик».

В рассказе Дж. Арчера комический эффект создается путем перечисления заказанных дамой блюд, а также посредством несобственно-прямой речи, раскрывающей мысли писателя, который, с одной стороны, сосредоточен на грядущих финансовых потерях, с другой стороны, пытается поймать удобный момент, чтобы заручиться поддержкой дамы перед ее супругом, однако боится показаться навязчивым и опасается, что дама заподозрит его в безденежье.

'I always **enjoy a light lunch,**' she volunteered. <...> and ordered just a sliver of **smoked salmon**, followed by two tiny tender **lamb cutlets** <...> 'and **a side salad**.' <...> 'Well, perhaps a little **something white and dry**.' <...> **a half bottle of the house red** <...> Unless you have one of your **famous apple surprises**.' <...> **Just coffee,**' she said <...> She seemed impressed, but still **made no reference to her husband. Should I mention him?** No. **Mustn't sound pushy, or as though I needed the money** (J. Archer. *The Luncheon*). – «Я за легкий обед», – сказала она. <...> и заказал кусочек копченого лосося, две крошечные нежные котлеты из баранины <...> и гарнир. <...> «Ну, может быть, немного белого сухого <...> полбутылки домашнего красного <...> Если только у вас нет одного из ваших знаменитых яблочных сюрпризов». <...> «Просто кофе», – сказала она <...> Она очевидно была впечатлена, мужа так и не упомянула. Стоит ли

мне упомянуть его? Нет. Это будет навязчиво, еще подумает, что мне нужны деньги.

Интертекстуальность проявляется также в эпизоде, описывающем план действий писателя на случай, если ему не хватит денег, при этом С. Моэм использует театральную метафору, создаваемую посредством словосочетания *a dramatic cry*, в истории Дж. Арчера писатель размышляет над убедительным киносюжетом.

I knew exactly how much I had and if the bill came to more I made a decision that I would put my hand in my pocket and with a dramatic cry startup and say it had been stolen (*J. Archer. The Luncheon*). – Я точно знал, сколько у меня денег, и, если что, я суну руку в карман и драматическим пафосом сообщу, что деньги украдены

...while trying to work out a plot that would be convincing if I found the bill came to over thirty-seven pounds (*W. S. Maugham. The Luncheon*). – ...пытаясь придумать сюжет, который будет выглядеть убедительным в случае, если счет превысит тридцать семь фунтов.

В рассказе С. Моэма обед завершается сценой, в которой писатель оплачивает счет и оставляет крохотные чаевые, вызывая удивление дамы; в варианте Дж. Арчера герой не оставляет чаевых, вызывая неодобрение официанта.

The bill came and when I paid it I found that *I had only enough for a quite inadequate tip. Her eyes rested for an instant on the three francs* I left for the waiter (*W. S. Maugham. The Luncheon*). – Пришел счет, и когда я оплатил его, то обнаружил, что денег хватит только на крохотные чаевые. Взгляд ее на мгновение остановился на трех франках, которые я оставил официанту.

The man in the green uniform returned a few moments later with *my sixty pence change, which I pocketed as it was the only way I was going to get a bus home. The waiter gave me a look* that would have undoubtedly won him a character part in any film produced by the lady's distinguished husband (*J. Archer. The Luncheon*). – Минуту спустя официант вернулся с моей сдачей в шестьдесят пенсов, которую я положил в карман, поскольку это был единственный способ добраться домой на автобусе. Официант бросил на меня взгляд, который мог обеспечить ему роль в любом фильме мужа моей гостьи.

Нарастающее внутреннее напряжение писателя в истории С. Моэма выражено посредством

несобственно-прямой речи, например, *my heart sank; I turned a little pale; I tried with all my might to will him to say no; panic seized me; it would be mortifying* (сердце замерло, я побледнел, я молил его сказать нет, меня охватила паника, это будет смерти подобно). Этот же прием, однако в более развернутой форме, используется Дж. Арчером:

I opened the menu and studied the first chapter with horror <...> I prayed to Newton that the apple would obey his law <...> I was now attempting some mental arithmetic <...> the rope tightened around my neck <...> I couldn't think of an explanation for why I didn't drink coffee (*J. Archer. The Luncheon*). – Я открыл меню и с ужасом просмотрел первую часть. <...> Я молился Ньютону, чтобы яблоко подчинилось его закону. <...> Я практиковался в устном счете. <...> Я почувствовал как удавка затягивается у меня на шее. <...> Я не мог придумать объяснения, почему я не пью кофе.

В рассказе С. Моэма итогом встречи стал настоятельный совет дамы не есть много на обед, который она дала писателю, прежде чем сесть в такси. Юмористический эффект в данном случае достигается реакцией писателя, который заверил ее, что теперь вообще ничего есть не будет. Финальная фраза рассказа С. Моэма дает ответ на вопрос, почему писатель не узнал даму, для чего создается метафорический образ мести.

"Follow my example <...> and *never eat more than one thing for luncheon*." <...> But *I have had my revenge at last. Today she weighs twenty-one stone* (*W. S. Maugham. The Luncheon*). – «Следуйте моему примеру <...> и не ешьте на обед больше одного блюда». <...> Но я отомщен. Она весит не меньше 130 килограмм.

Финальная сцена в рассказе Дж. Арчера содержит диалог, из которого следует, что дама давно развелась со своим мужем продюсером и состоит в браке с владельцем ресторана, где писатель оставил большую часть своих сбережений. Культурный компонент проявляется в описании электрических стеклоподъемников роллс-ройса, юмористический эффект достигается посредством игры слов, основанной на двух значениях выражения *on my account* – «на мой счет» и «о моем счете».

'Oh, darling, didn't you know?' she said as she looked out from the Rolls-Royce. 'Know what?' 'We were divorced ages ago.' <...> '*Oh, don't worry yourself on my account*,' she said. <...> In fact, I quite expected to bump into my husband today – you see, he owns the restaurant' (*J. Archer. The Luncheon*). – «Дорогой, ты

разве не знал?» – сказала она, выглянув из окошка роллс-ройса. – «Мы давно развелись». <...> – «О, не беспокойся на мой счет, – сказала она. <...> Вообще-то, мы вполне могли сегодня столкнуться с моим мужем – ведь он владелец этого ресторана».

Анализ показал, что история, рассказанная С. Моэмом, более лаконична, содержит меньше средств художественной выразительности и создания комического эффекта. Помимо повторов и двух саркастических сравнений, основным средством юморизации в его рассказе выступает ситуация, которая противоречит здравому смыслу. Образы, создаваемые Дж. Арчером, более комичны благодаря использованию большего числа стилистических приемов и деталей, которыми автор как будто заполняет пробелы в более раннем произведении, раскрывая то, что было не досказано С. Моэмом. Акцент на престижности профессии сценариста транслирует особенности богемной субкультуры конца прошлого века. В целом, факт создания одноименного рассказа с похожим сюжетом способствует реализации темы повторяемости жизненных ситуаций, которые,

как и произведения художественной литературы, лишены уникальности содержания, но маркированы авторским стилем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Высказанные постмодернизмом идеи плюрализма, релятивизма и представление мира как глобального текста, конкретизированные в теории множественности авторов, теории интертекстуальности и дополненные принципом синкретизма, позволяют рассматривать каждое новое произведение художественной литературы как переписывание уже существующих, при этом параметрами уникальности нового текста являются индивидуальный стиль писателя, новизна культурного контекста и оригинальность интерпретации известных и узнаваемых фактов первоначального сюжета. Это отчетливо демонстрируется на примере художественной интерпретации Дж. Арчером сюжета С. Моэма, уникальность которой состоит не только в большем числе деталей, описывающих героев и культурный контекст, но также в акцентуации идеи о повторяемости жизненных сценариев.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989.
3. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. М.: URSS, 2006.
4. Айткулов А. М. Вопросы авторства в изустной литературе // Успехи гуманитарных наук. 2022. № 8. С. 33–38.
5. Лукин В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа: Аналитический минимум. М.: Ось-89, 2005.
6. Gadamer H. G. Truth and Method / transl. J. Weinsheimer, G. Marshall. London, NY: Continuum, 2004.
7. Heidegger M. Existence and Being / with an introduction by W. Brock. L.: Vision, 1949.
8. Лотман Ю. М. Заметки о структуре художественного текста // Ученые записки тартуского университета. Труды по знаковым системам. Вып. V. Тарту, 1971. С. 281–287.
9. Борхес Х. Л. Проза разных лет: сборник. М.: Радуга, 1989.
10. Рылов Ю. А. Антропонимы и проблемы перевода // Социокультурные проблемы перевода: сб. науч. тр. [под ред. Н. А. Фененко]. Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2012. Вып. 10. С. 118–123.
11. Ермолович Д. И. Англо-русский словарь персоналий. М.: Русский язык, 2000.

REFERENCES

1. Bahtin, M. M. (1979). *Jestetika slovesnogo tvorchestva* = Aesthetics of verbal creativity. Moscow: Art. (In Russ.)
2. Bart, R. (1989). *Izbrannyye raboty: Semiotika. Pojetika* = Selected works: Semiotics. Poetics. Moscow: Progress. (In Russ.)
3. Kuz'mina, N. A. (2006). *Intertekst i ego rol' v processah jevoljucii pojeticheskogo jazyka* = Intertext and its role in poetic language evolution. Moscow: URSS. (In Russ.)
4. Ajtkulov, A. M. (2022). Issues of authorship in oral literature. *Modern Humanities success*, 8, 33–38. (In Russ.)
5. Lukin, V. A. (2005). *Hudozhestvennyj tekst: Osnovy lingvisticheskoy teorii i jelementy analiza: Analiticheskij minimum* = Literary text: Basics of linguistic theory and elements of analysis. Moscow: Os'-89. (In Russ.)
6. Gadamer, H. G. (2004). *Truth and Method*. Transl. J. Weinsheimer, G. Marshall. London, NY: Continuum.

7. Heidegger, M. (1949). Existence and Being. With an introduction by W. Brock. London: Vision.
8. Lotman, Ju. M. (1971). Notes about the structure of literary text. Scholarly notes of Tartu University. Sign systems studies, 5, 281–287. Tartu. (In Russ.)
9. Borhes, H. L. (1989). Proza raznyh let = Prose of different years: collected works. Moscow: Raduga. (In Russ.)
10. Rylov, Ju. A. (2012). Anthroponymy and translation challenges. Social and cultural issues of translation (vol. 10, pp. 118–123): collected scientific papers [Ed. by N. A. Fenenko]. Voronezh: Voronezh State University. (In Russ.)
11. Ermolovich, D. I. (2000). Anglo-russkij slovar' personalij = English-Russian who's who in fact and fiction. Moscow: Russkiy jazyk. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Косиченко Елена Федоровна

доктор филологических наук, доцент

профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и лингвистики

Национального исследовательского университета «Московский энергетический институт»

Костева Виктория Михайловна

доктор филологических наук, доцент

заведующая кафедрой германской филологии

Российского государственного гуманитарного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kosichenko Elena Fedorovna

Doctor of Linguistics (Dr. habil.), Associate Professor

Professor at the Department of Advertising, Public Relations and Linguistics

National Research University "Moscow Power Engineering Institute"

Kosteva Viktoria Mikhailovna

Doctor of Linguistics (Dr. habil.), Associate Professor

Head of the Department of Germanic Philology

Russian State University for the Humanities

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

15.12.2024
08.01.2025
09.01.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

На перекрестке своей и чужой культур: гибридность текстов Анны Неркаги

Н. В. Дрожащих¹, И. Е. Белякова²

^{1,2}Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

¹*n.v.drozhashchikh@utmn.ru*

²*i.e.belyakova@utmn.ru*

Аннотация. Статья посвящена феномену гибридности текстов русскоязычной ненецкой писательницы Анны Неркаги. Цель исследования – выявить параметры гибридности текста Неркаги методами компьютерной / корпусной лингвистики на материале художественных текстов. В результате выявлены параметры гибридности: этноязыковая сложность текстов, фольклорный субстрат культуры, культурный синкретизм, двойственность перспективы. Их репрезентация осуществляется посредством инклюзии иноязычной лексики и номинации автохтонных ненецких реалий, формирующих этническую доминанту семиотического пространства ненецкой культуры. Лингвистическими механизмами гибридизации становятся реконцептуализация / интерференция смысла языковых единиц и креолизация / детерриторизация культурных кодов текста.

Ключевые слова: этнокультура, этнотекст, гибридность, фольклорный субстрат, культурный синкретизм, этнокультурная доминанта

Для цитирования: Дрожащих Н. В., Белякова И. Е. На перекрестке своей и чужой культур: гибридность текстов Анны Неркаги // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1 (895). С. 134–140.

Original article

At the Crossroads of Cultures: the Hybridity of Anna Nerkagi's Texts

Nataliia V. Drozhashchikh¹, Irina E. Belyakova²

^{1,2}Tyumen State University, Tyumen, Russia

¹*n.v.drozhashchikh@utmn.ru*

²*i.e.belyakova@utmn.ru*

Abstract. The article deals with hybridity of the Russian-speaking Nenets writer Anna Nerkagi's texts. The purpose of the study is to identify the parameters of the author's language hybridity applying the methods of computational / corpus linguistics. They incorporate semantic complexity of texts, folklore substrate of culture, cultural syncretism, and duality of perspective. The representation of parameters is carried out through the inclusion of foreign language vocabulary and the nomination of indigenous Nenets realia that form the ethnic dominant of Nenets culture semiotic space. Linguistic mechanisms of hybridization include reconceptualization / interference of linguistic items and creolization / deterritorialization of cultural codes of the text.

Keywords: ethnoculture, ethnotext, hybridity, folklore substrate, cultural syncretism, ethnocultural dominant

For citation: Drozhashchikh, N. V., Belyakova, I. E. (2025). At the crossroads of cultures: the hybridity of Anna Nerkagi's texts. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(895), 134–140. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Предметом рассмотрения в данной статье является гибридность текстов ненецкой писательницы-билингва Анны Неркаги, автора художественных / публицистических произведений о жизни в тундре и ненецкой культуре. Феномен гибридности выступает как этнокультурное явление, совмещающее в себе различные характеристики языковых сознаний [Бахтин, 1986]. Они представлены в виде исходного прототипического этнотекста и авторского текста¹. Исследованием феноменов этнокультура / этнотекст занимаются многие отечественные / зарубежные ученые в рамках этнокультурологии [Ashcroft, Griffiths, Tiffin, 1989; Брандт, 2001; Халтурин, 2014; Смола, 2017], этнолингвистики / этнофилологии [Лагунова, 2008; Хазанкович, 2009; Пушкарёва, Бурыкин, 2011] и этнопереводоведения [Simon, 2001; Razumovskaya, 2023]. Они прослеживают связь этнотекста и культурных феноменов, выявляют систему существенных признаков культурно значимого текста [Брандт, 2001], определяют характерные признаки этнокультурной доминанты [Шапошникова, 2016], реконструируют модели культурных практик этносов [Соловьёва, 2011]. Проблематика способов вербального воплощения этнокультурной доминанты текста представляется весьма актуальной. Она обусловлена востребованностью выявления лингвистических способов культурных концептуализаций, важностью поиска лингвистических коррелятов культурной памяти и идентичности народа как системы этнически релевантных ментальных конструкторов.

К русскоязычным писателям-билингвам, чьи произведения активно обсуждаются в последние десятилетия, относится Анна Неркаги. О. Лагунова отмечает принадлежность творчества Неркаги к ненецкой литературе и вслед за Ю. Вэлла выделяет особый статус «ненецко-хантыйско-русского языка в ненецко-хантыйско-русской форме» [Лагунова, 2008, с. 5]. Исследователь отмечает близость русского языка автора внутреннему миру писательницы: в интернате, где росла Неркаги, «расширяющийся для ребенка мир опредмечивался и становился своим именно через этот язык» [там же]. В фокусе внимания исследователей оказывается автохтонная литература Севера 60–90-х годов XX века, в которой на русском языке звучат нотки зависимости

и протеста против экстерминации языков / культур. Частичная идентификация с импортированной культурой колонизаторов приводит к «лингвистическому смещению» и идеологической двусмысленности» [Смола, 2017, с. 432–433]. Основными темами гибридной литературы становятся этничность, культурная инаковость, травматический опыт, периферийность, аккультурация [Смола, 2017], а особыми приметами – двойственность текстов внутри и вне русского / советского дискурса; слияние противоположных поэтик; удвоение повествовательной перспективы; русский язык как «социалистический лингва-франка» [Смола, 2017, с. 432, 435]. Факт создания текста на языке доминантной культуры является свидетельством идентификации автора с этой культурой [Ashcroft, Griffiths, Tiffin, 1989]. Автор может намеренно подчеркивать медиальную позицию между культурами, при этом сами тексты характеризуются «отклонениями» от лингвистического кода: «Диссонансы, интерференция, несопоставимая лексика, отсутствие связности, неродной синтаксис, низкий уровень владения иноязычным кодом – вот элементы, которые характеризуют стратегии детерриторизации и креолизации², лежащие в основе гибридного текста»³ [Simon, 2001, с. 217].

Несмотря на то, что существует ряд работ, посвященных изучению феноменов этнокультура / этнотекст, лингвистические механизмы гибридности и параметры гибридного текста писателя-билингва не стали предметом специальных исследований. В настоящей статье мы предлагаем междисциплинарный ракурс изучения творчества писателя-билингва. Означенный ракурс исследования обеспечивается посредством анализа символических аспектов материальной и духовной культуры этноса, воплощенной в тексте. Авторы ставят задачи репрезентации параметров гибридного текста, выявления взаимосвязей культурных феноменов, поиска прототипического этнотекста в творчестве Неркаги, реконструкции лингвистических механизмов гибридности русскоязычного текста автора. Тексты сибирского прозаика находятся на перекрестке «своей» и «чужой» культур, представляя сложное единство этнотекста-прототипа и собственно авторского текста, пронизанного автохтонными ненецкими реалиями и культурными синкретичными смыслами. Выявить взаимосвязь культурных феноменов и определить имплицитные, пограничные особенности транскультурного кода писателя позволяет обращение к инструментарию компьютерной / корпусной лингвистики, с привлечением

¹В исследовании используются термины: гибридность / гибридность – смешение / взаимодействие языковых, культурных, концептуальных элементов в тексте; этнокультура – совокупность культурных явлений этноса; этнотекст – культурно значимый текст, который хранит этнически значимую информацию и культурную память народа; этнокультурная доминанта – система доминирующих ценностей, моральных, духовных смыслов/установок, важных для культуры этноса.

²Креолизация – образование новых форм в результате гибридности культурных элементов; детерриторизация – вытеснение / смешение элементов культурных кодов.

³Перевод наш. – Н. Д., И. Б.

методов кросс-культурного и корпусного анализа данных [Hershcovich et al., 2022; Gorozhanov, Guseynova, Stepanova, 2024].

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом исследования служит корпус текстов (1970–2015) Неркаги (187343 словоформы). Анализ корпуса выполнен посредством применения библиотек языка программирования python. После нормализации (токенизации, лемматизации и удаления стоп-слов – союзов, предлогов, частиц, местоимений) объем корпуса составляет 109549 лемм и 16970 предложений. Методика исследования включает лингвистический анализ на лексическом / грамматическом уровнях: подсчет частотных лексем, частей речи, синтаксических единиц, лексического разнообразия и семантической / синтаксической сложности текстов корпуса. Для анализа текстов Неркаги используются данные референтного корпуса «Частотного словаря современного русского языка» (ЧССРЯ¹).

ЭТНОСМЫСЛОВАЯ СЛОЖНОСТЬ ТЕКСТОВ

Анализ первой тысячи высокочастотных слов показывает, что самыми употребительными леммами в корпусе Неркаги являются 30 лексем полных частей речи: *человек, жизнь, земля, чум, глаз, знать, олень, жить, друг, говорить, сказать, слово, рука, женщина, отец, мать, ребенок, лицо, время, огонь, голова, день, душа, стать, сын, нарта, Майма, большой, ненец, хотеть*. Общее количество словоформ в первой тысяче лемм составляет 69365 единиц, что покрывает 63,3% корпуса без стоп-слов. Отметим значимые леммы: *хозяин, нога, старик, хороший, сила, Бог, тело, молчать, любить, сердце, смерть, небо, солнце, понять, стойбище, мир, любовь, кровь, гора, озеро, дочь, стадо, живой, мысль, слеза, семья, Творец, мужчина, молодой*. Среди первой сотни лексем преобладают существительные. Это морфологически и семантически простая, нейтральная лексика, средняя длина которой составляет 4,99 символов и 2,12 слога.

При сравнении первых 30 высокочастотных лексем «Частотного словаря современного русского языка» (*год, мочь, человек, сказать, время, знать, стать, дело, жизнь, новый, рука, работа, хотеть, слово, идти, Россия, большой, должен, место, иметь, лицо, друг, глаз, видеть, вопрос, дом, сторона, думать, сделать, страна*) и текстов Неркаги мы наблюдаем схожесть корпусов. Однако лексемы *земля, чум, глаз, олень, женщина, отец, мать, ребенок,*

огонь, душа, сын, нарта, ненец, хозяин высоко-релевантны для творчества Неркаги и менее приоритетны для референтного корпуса. Частотность этих лексем в «Частотном словаре современного русского языка» составляет незначительное количество, например, лексемы *чум* – 1,9 (в словаре) и 3287 (у Неркаги).

Малоупотребительная, специфическая лексика (*нарах legomena*) составляет особый пласт творчества Неркаги. Лексемы с низкой частотностью типа *полутемень, прицокнуть, буранить, пастушить, смилостивиться, торить, недолюбливать, сердобольный* и сложные авторские креатемы типа *отзвук-отблеск, слово-правда, вороны-падальщики* характеризуют индивидуальный стиль Неркаги. Доля специфической лексики в датасете полных частей речи составляет внушительное количество – 15,7%. Средняя длина *нарах legomena* составляет 8,45 символа: низкочастотная лексика оказывается сложнее и специфичнее употребительной лексики. Это прилагательное + прилагательное: *далекое-далекое, прощенный-помилованный*; наречие + прилагательное: *жгуче-холодный, душевно-духовной*; существительное + существительное: *птица-мать, нарта-сирота, птичка-невеста, стужа-непогода, крылышки-недоростки, люди-пылинки, мысли-молнии, олени-кормильцы, хмурь-тоска*; глагол + глагол: *светилось-переливалось, спел-рассказал, срубить-погубить, судить-любить*.

Целый ряд атрибутивных сочетаний представляют процесс реконцептуализации (переосмысления) языковых единиц и формируют метафорический код текстов Неркаги. В них один из членов словосочетания типа *ветви-руки, голова-верхушка, ствол-спина, корни-ноги, счастье-лиса, слово-молитва, ручей-любовь* выступает в качестве характеристики другого, например *ручей-любовь*, где любовь приобретает метафорический признак безответной, а поэтому похожей на пересыхающий ручей, любви. Сильная выраженность атрибутивных отношений между лексемами составляет специфику качественно-признаковой детерминанты агглютинативных языков, к которым относится ненецкий язык. Нанизывание атрибутов можно уподобить конструированию – «коллекционированию» словоформ при агглютинации [Валентинова, Рыбаков, 2021, с. 236], в частности, в сложной лексеме *Творец-Отец-Бог*. На синтаксическом уровне тексты Неркаги также изобилуют предложениями-атрибутами, лишенными грамматического центра. Ср.: *Я помню совсем иную Лаборовую. В несколько домиков, которые по тем временам нам казались дворцами, с окнами, с твердыми*

¹URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>

дверями и высокими головами¹. Во втором предложении отсутствует центр подлежащее + сказуемое, а само предложение представляет собой свернутое определительное придаточное, отражая интерференцию с качественно-признаковой детерминантой агглютинативных языков. Элементы «родных» синтаксических структур ненецкого языка («как тема, так и рема может состоять из синтаксически однородных конструкций – атрибутивных цепочек» [Валентинова, Рыбаков, 2021, с. 237]) создают культурный фон текстов, неповторимый стиль ямальской писательницы. Данные элементы воспринимаются как семантико-синтаксическая интерференция-диссонанс².

Несомненно, корпус произведений Анны Неркаги нацелен на реализацию ненецкой этнической доминанты. Для корпуса характерны инклюзия инофонной лексики, обилие наименований ненецких реалий: *нарта, нарта-сяб, нарта-ларь, нарты-сереча, чум, шест, нюк, кисы, аргиш, хорей, малица, ягушка, ягель, сюдба, бубен, песня-яраби, пелей, важенка, тамга, менаруй, шкуры-няблун, бык-хор, пырь, тальбей, сихиртя* и многие другие. Культурный фон создается топонимами *Ямал, Бай-дарацкая тундра, поселок Хальмер-ю* (букв. 'река в долине смерти'), стойбище *Окотэтто, Уральский хребет, гора Саурей, озеро Большое Щучье, озеро Тыя-то, река Нярабей Хадэта*; антропонимами *Хасава, Себеруй, Вану, Майма, Пэтко, Пасса, Илнэ, Янзи, Тохоя, Едэйне, Езынги, Илир, Лаптандер, Некочи, Неркаги, Ного*. В нон-фикшн произведениях Неркаги есть множественные вставки на ненецком языке, что свидетельствует о креолизации ненецкого / русского культурных кодов: *Ту' муноңа* 'Огонь говорит, вещает'; *Илева ямбан, вэн тэвадарев, ненэча нутосм неда, нен илеса́ту* 'Всю свою жизнь, подобно собачьему хвосту, не тянись, не плетись за нартой-нута своего соседа'³. Нередко креолизованные культурные коды ведут к смысловым интерференциям-диссонансам, которые реализуются в дихотомиях чужой / родной язык, чужая / ненецкая идентичность. Автор то воспринимает Россию как родную, то не хочет быть полурусской, сопротивляется доминантной культуре: *Моя Россия, моя тундра <...> она нам родная мать, а мы ей – сыновья; самую разумную часть своей жизни я прожила <...> ненкой, а не полурусским человеком; какая смертельная, тягостная для душ наших родителей наступала тишина, когда железная птица увозила детей из стойбища*⁴.

¹Неркаги А. П. Собрание сочинений: в 2 т. Тюмень: Русская неделя, 2017. Т. II, с. 258.

²Интерференция – наложение смыслов.

³Неркаги А. П. Там же, с. 24, 64.

⁴Неркаги А. П. Там же, с. 147, 182, 171.

ФОЛЬКЛОРНЫЙ СУБСТРАТ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Ориентация творчества Анны Неркаги на фольклорный субстрат⁵ осуществляется посредством внедрения художественно переработанных фольклорных мотивов / образов в повести, песни, авторские легенды, загадки. Боги / богини, светила, идолы, Земля, Небо, горы, реки, ветры, герои, великаны-сюдба, сихиртя, деревья Неркаги относят к прототипическому ненецкому этнотексту. В текстах автора оживает *Слово*, становится сказочным персонажем, приближаясь по своей функции к энергетическому гиперперсонажу фольклора, который помогает перенестись от одного действующего лица к другому⁶. Ср. примеры: *есть у меня к тебе слово; пока Слово это говорило*⁷.

Неркаги славит верховное божество Нум в эпической песне «Ярабц Нуму» *Песнь Творцу*, приписывая ему создание земли, мира, жизни: *Земля и мир – они как общий большой чум. Чум общей Жизни и даже Смерти. Все живущие из одного рода – рода Бога*⁸. Богиня Неба / подземного мира Яминя готовит *бумагу судьбы и бумагу смерти* и пишет их на ладонях человека⁹. От духа смерти Нга защищают дружественные идолы-сядеи и мяд-пухучи (дочери Ямини) – неотъемлемые приметы автохтонного мировоззрения ненцев.

Мифологические Огонь и Солнце – главные ориентиры в жизни ненцев – у Неркаги живые: огонь говорит, предупреждает, остерегает, советует. Герои Неркаги близки эпическим героям ненцев, главная задача которых – сохранить род: *Вернуть оленей, женщин и детей и поставить обратно столько же чумов, сколько и упало*¹⁰. Боги, люди, животные, природы удивительным образом переплетаются, отражая экотеистические представления писательницы тюменского Севера: *Мы живем все в одном большом чуме – по имени планета <...>. Мы люди одного рода, большие и малые, мы люди из рода Бога*¹¹.

Мифофольклорные мотивы пронизывают произведения Анны Неркаги, формируя основу ее творчества. Написанные на стыке мифа и реальности, тексты Анны Неркаги гибричны. Они характеризуются сочетанием различных литературных форм и жанров. Фольклор и мифология для

⁵К ненецкому фольклору относятся мифологические сказания, эпические песни ярабц, песни о великанах-сюдбабц, сказки лаханано, молитвы-заговоры, загадки и другие жанры.

⁶Фольклор ненцев / сост. Е. Т. Пушкарева, Л. В. Хомич. Новосибирск: Наука, 2001.

⁷Фольклор ненцев, 2001, с. 227, 365.

⁸Неркаги А. П. Там же, с. 182.

⁹Неркаги А. П. Там же, с. 133.

¹⁰Неркаги А. П. Там же, с. 28.

¹¹Неркаги А. П. Там же, с. 182–183.

малочисленных народов Севера не являются архаикой: они «сохраняют, видоизменившись, свою функциональность в современном культурном пространстве» [Хазанкович, 2009, с. 3]. Неркаги сама создает аксиологические константы: *Малые беды, они как верные товарищи; За смертью есть Живая Жизнь; молчание – спасение*¹.

КУЛЬТУРНЫЙ СИНКРЕТИЗМ

Важнейшим признаком культурного синкретизма в анализируемом корпусе текстов является соположение христианских / языческих реалий и их смыслов. Реалии в корпусе отмечены графически: многие из них пишутся с заглавной буквы. К христианским реалиям относятся лексемы: *ангел, архангел, архистратиг, Библия, Бог, божественность, вера, вечность, Всеведающий, Всевышний, Всемогущий, Господь, грех, душа, дьявол, Евангелие, Иисус, икона, крест, крещение, Микола, Писание, потоп, Предтеча, престол, Рай, распятый, святой, Создатель, Спаситель, Творец, Творче, Троица, храм, Христос, царство, церковь, чудотворец* и другие. Доля таких лемм в корпусе однозначных слов равна 1,3% (1463 словоформ), что представляет незначительное количество. Напротив, лексемы-наименования языческих реалий обширны, они используются для номинации автохтонной традиции: *шаман, бубен, бумага смерти, бумага судьбы, Великая Богиня, Великий совет, дух смерти, идол удачи, мать-земля, Мяд-Пухуча, Нга, Нум, Огонь, священная нарта, сядейчики, жертвы Земли, Воды, Небес, Камень Казни* и др. Среди этих имен находим термины, отражающие идеи самого автора: *7 Верных, 7 Избранных, Большой лес, Вершины, Голубые горы, живой огонь, Земля Смирная, капкан Злых Духов, чандаю, Саурей, Святилище, сердце Великих гор, сиркаю, Старший, судьбище, сядбя, Хранители*.

Примечательно, что в авторской интерпретации Нум – это Бог, по-видимому, близкий к Богу-Отцу в христианской традиции. Неркаги редко использует имя Нум, оперируя именами *Бог, Боже, Владыка мира, Всеведающий, Всевышний, Всемогущий, Господь, Отче, Создатель, Спаситель, Творец, Творче*. Как видно, более поздние – христианские смыслы могут цементировать мировоззренческие основы творчества автора и приводить к детерриторизации (вытеснению) прототипических смыслов.

¹Неркаги А. П. Там же, с. 56, 180

Нередко два христианских / языческих феномена совмещаются в рамках одного абзаца и укаывают на элементы двоеверия в мировоззрении автора / героя. В текстах синкретизируются христианский Бог и Большой (языческий по духу) Совет: *На Большом Совете [гора. – Н. Д., И. Б.] Нярабэй Хадэта поклялась Богу любить нас, именно нас, собравшихся вместе сирот всех сортов*²; контаминируются смыслы христианских святых и языческих идолов: *«Это мой идол. Он спас и защитил меня», – тепло подумал о нём Майма <...>. Ему очень захотелось увидеть в лице святого что-то особенное, родное*³.

Отмеченное двоеверие уходит корнями в ненецкое мифофольклорное творчество. В ненецком фольклоре культурный герой Яв-Мал – внук бабушки Ямини и друг Николая-Чудотворца [Фольклор ненцев, 2001].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Параметрами гибридности текстов Анны Неркаги служат этносмысловая сложность текста, мифофольклорный субстрат национальной культуры, культурный синкретизм. Репрезентация данных параметров осуществляется посредством инклюзии инофонной лексики и номинации автохтонных ненецких реалий. Лингвистическими механизмами гибридизации становятся реконцептуализация / интерференция смысла языковых единиц и креолизация / детерриторизация культурных кодов текста. В целом прототипический ненецкий этнотекст – сказка, миф, предание, легенда – лежит в основе творчества писателя, а ненецкий текст в виде пословиц, поговорок, изречений на родном языке автора накладывается на русскоязычный текст. Таким образом, происходит формирование транскультурного семиотического пространства. Анализ корпуса демонстрирует наличие обширного культурного слоя ненецкой символики, отчетливо выступающей сквозь русскоязычный текст. Данные средства формируют интерязык текстов Неркаги, ее индивидуальную языковую логику. Текст становится структурой, которая мотивирована внутренней культурологической составляющей и вбирает в себя бессознательные предпочтения и установки автора.

²Неркаги А. П. Там же, с. 234

³Неркаги А. П. Собрание сочинений в 2-х тт. / Анна Павловна Неркаги. Тюмень: Русская неделя. 2017. Т. I, с. 289.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986.
2. Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. The Empire Writes Back: Theory and Practice in Post-Colonial Literatures. London: Routledge, 1989.

3. Брандт З. В. Этнотекст как форма проявления этнокультурной памяти (на русском и французском материале): автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2001.
4. Халтурин А. Н. Этнокультурное взаимодействие: понятие, теории, модели // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 4. С. 60–66.
5. Смола К. Постколониальные литературы Севера: автоэтнография и этнопоэтика // Новое литературное обозрение. 2017. № 2 (144). С. 429–447.
6. Лагунова О. К. Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2008.
7. Хазанкович Ю. Г. Фольклорно-эпические традиции в прозе малочисленных народов России (на материале мансийской, ненецкой, нивхской, хантыйской, чукотской и эвенкийской литератур): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009.
8. Пушкарева Е. Т., Бuryкин А. А. Фольклор народов Севера (культурно-антропологические аспекты). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2011.
9. Simon S. Cultural and Textual Hybridity // Across Languages and Cultures. 2001. Vol. 2 (2). P. 217–226.
10. Razumovskaya V. A. Языки коренных народов Сибири как объект этнолингвистики и этнопереводоведения // International Journal of Language and Awareness. 2023. Vol. 2 (1). P. 1–11.
11. Шапошникова И. В. История английского языка: учебное пособие. 3-е изд. М.: Флинта, 2016.
12. Соловьёва А. Н. «Этническая субкультура» как модель локализации глобализационных потоков // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1. С. 132–137.
13. Hershovich D. et al. Challenges and Strategies in Cross-Cultural NLP // Proceedings of the 60th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. 2022. Vol. 1. P. 6997–7013.
14. Gorozhanov A. I., Guseynova I. A., Stepanova D. V. Natural Language Processing and Fiction Text: Basis for Corpus Research // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 1. С. 195–210.
15. Валентинова О. И., Рыбаков М. А. Логика детерминантного анализа агглютинативных и флективных языков (часть вторая) // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 3. С. 234–244.
16. Фольклор ненцев / сост. Е. Т. Пушкарева, Л. В. Хомич. Новосибирск: Наука, 2001.

REFERENCES

1. Bakhtin, M. M. (1986). *Estetika slovesnogo tvorchestva = Aesthetics of verbal creativity*. 2nd ed. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
2. Ashcroft, B., Griffiths, G., Tiffin, H. (1989). *The Empire Writes Back: Theory and Practice in Post-Colonial Literatures*. London: Routledge.
3. Brandt, Z. V. (2001). *Etnotekst kak forma projavlenija jetnokul'turnoj pamjati (na russkom i francuzskom materiale) = Ethnotext as a form of manifestation of ethnocultural memory (on Russian and French material): abstract of PhD thesis in Culturology*. Moscow. (In Russ.)
4. Halturin, A. N. (2014). *Etnokul'turnoe vzaimodejstvie: ponjatie, teorii, modeli = Ethno-cultural interaction: concept, theories, models*. Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences", 4, 60–66. (In Russ.)
5. Smola, K. (2017). *Postkolonial'nye literatury Severa: avtojetnografija i jetnopojetika = Postcolonial Literatures of the North: Autoethnography and Ethnopoetics*. Russian Studies in Literature, 2(144), 429–447. (In Russ.)
6. Lagunova, O. K. (2008). *Fenomen tvorchestva russkojazychnyh pisatelej nencev i hantov poslednej treti XX veka (E. Ajpin, Ju. Vella, A. Nerkagi) = The phenomenon of creativity of Russian-speaking Nenets and Khanty writers of the last third of the XX century (E. Aipin, Yu. Vella, A. Nerkagi): abstract of Senior Doctoral thesis in Philology*. St.Petersburg. (In Russ.)
7. Hazankovich, Ju. G. (2009). *Fol'klorno-jepicheskie tradicii v proze malochislennyh narodov Rossii (na materiale mansijskoj, neneckoj, nivhskoj, hantyskoj, chukotskoj i jevenkijskoj literatur) = Folklore and epic traditions in the prose of the indigenous peoples of Russia (based on the material of the Mansi, Nenets, Nivkh, Khanty, Chukchi and Evenk literatures): abstract of Senior Doctoral thesis in Philology*. Moscow. (In Russ.)
8. Pushkareva, E. T., Burykin, A. A. (2011). *Fol'klor narodov Severa (kul'turno-antropologicheskie aspekty) = Folklore of the peoples of the North (cultural and anthropological aspects)*. St.Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. (In Russ.)

9. Simon, S. (2001). Cultural and Textual Hybridity. *Across Languages and Cultures*, 2(2), 217–226.
10. Razumovskaya, V. A. (2023). Jazyki korennyh narodov Sibiri kak ob'ekt jetnolingvistiki i jetnoperedovodenija = The indigenous peoples' of Siberia languages as an object of Ethnic Linguistics and Ethnic Translation Studies. *International Journal of Language and Awareness*, 2(1), 1–11. (In Russ.)
11. Shaposhnikova, I. V. (2016). Istorija anglijskogo jazyka = The history of the English language. 3rd ed. Moscow: Flinta. (In Russ.)
12. Solov'yova, A. N. (2011). "Jetnicheskaja subkul'tura" kak model' lokalizacii globalizacionnyh potokov = "Ethnic sub-culture" as a model of localization of globalization flows. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"*, 1, 132–137. (In Russ.)
13. Hershovich, D., et al. (2022). Challenges and Strategies in Cross-Cultural NLP. In *Proceedings of the 60th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*, 1, 6997–7013.
14. Gorozhanov, A. I., Guseynova, I. A., Stepanova, D. V. (2024). Natural Language Processing and Fiction Text: Basis for Corpus Research. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(1), 195–210.
15. Valentinova, O. I., Rybakov, M. A. (2021). Logika determinantnogo analiza aggljativnyh i flektivnyh jazykov (chast' vtoraja) = The logic of determinant analysis of agglutinative and inflectional languages (part two). *Poly-linguality & Transcultural Practices*, 18(3), 234–244. (In Russ.)
16. Pushkareva, E. T., Khomich, L. V. (Comp.). (2001). Fol'klor nencev = Nenets folklore. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дрожащих Наталия Владимировна

доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры прикладной и теоретической лингвистики
Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета

Белякова Ирина Евгеньевна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры прикладной и теоретической лингвистики
Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Drozhashchikh Nataliia Vladimirovna

Doctor of Philology (Dr. Sci.), Associate Professor
Professor at the Department of Applied and Theoretical Linguistics
Institute of Social Sciences and Humanities, Tyumen State University

Belyakova Irina Evgenyevna

PhD (Philology), Associate Professor
Associate Professor at the Department of Applied and Theoretical Linguistics
Institute of Social Sciences and Humanities, Tyumen State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

10.11.2024
13.12.2024
09.01.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

«Семейный альбом» М. Матусовского: биография в контексте культуры

О. М. Мазаненко¹, В. Ю. Пустовит²

^{1,2}Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского, Луганск, Россия

¹oksanamazanenko@gmail.com

²v.pustovit2022@yandex.ru

Аннотация. Творчество поэта-песенника М. Матусовского известно далеко за пределами нашей страны. Внутренний мир человека искусства отражает мемуаристика – письма, воспоминания, автобиографии. «Семейный альбом» – единственное прозаическое произведение писателя, своеобразный ключ к его биографии, содержит воспоминания детства, зарисовки военных лет, размышления о творчестве, впечатления о путешествиях. Цель исследования обусловлена актуальностью изучения жизненного пути и творчества выдающегося поэта-песенника в контексте культуры. Для достижения цели применялись научные методы мемуаристики. Проведенный анализ позволил сделать вывод об уникальности аутентичного источника – прозы М. Матусовского – для воссоздания подлинного портрета исторической личности, его роли в формировании творческого жанра, в целом культуры.

Ключевые слова: мемуаристика, воспоминания писателя, образ автора, биография, культура

Для цитирования: Мазаненко О. М., Пустовит В. Ю. «Семейный альбом» М. Матусовского: биография в контексте культуры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1 (895). С. 141–148.

Original article

M. Matusovsky's 'Family Album': Biography in the Context of Culture

Oksana M. Mazanenko¹, Valeria Yu. Pustovit²

^{1,2}Matusovsky Academy of Culture and Arts, Lugansk, Russia

¹oksanamazanenko@gmail.com

²v.pustovit2022@yandex.ru

Abstract. The creative work of songwriter M. Matusovsky is known far beyond the borders of our country. The inner world of the man of art reflects memoiristics – letters, memoirs, autobiographies. 'Family Album' – the only prose work of the writer, a kind of key to his biography, contains memories of childhood, sketches of the war years, reflections on creativity, impressions of travel. The purpose of the study is determined by the relevance of studying the life path and creativity of the outstanding songwriter in the context of culture. To achieve the goal, scientific methods of memoiristics were applied. The conducted analysis allowed to make a conclusion about the uniqueness of the authentic source – the prose of M. Matusovsky – to recreate a true portrait of a historical personality, his role in the formation of the creative genre, and culture in general.

Keywords: memoiristics, memoirs of the writer, image of the author, biography, culture

For citation: Mazanenko, O. M., Pustovit, V. Y. (2025). M. Matusovsky's 'Family Album': biography in the context of culture. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(895), 141–148. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Творчество известного луганчанина Михаила Матусовского отмечено исследователями различных отраслей отечественной науки. Однако эти публикации в основном носят эпизодический характер и в своей структуре не имеют научной глубины, соответствующей методологии изучения жанра мемуаристики. Однако интерес к творческому наследию поэта-песенника существовал всегда. Историко-биографическое произведение писателя «Семейный альбом» представляет собой уникальное явление русской культуры советского периода. В нем отображены вехи развития страны, становления общества, в том числе и становление личности человека. Исходя из сказанного научная новизна исследования заключается в герменевтическом обосновании аутентичности текста, который впервые становится объектом изучения с позиций биографии в контексте культуры. Результаты исследования несут практическую ценность, материалы могут стать хорошим фундаментом для более глубокого изучения творчества М. Матусовского не только в культурологии, но и в философии, филологии при написании монографий, пособий, статей.

В процессе исследования «Семейного альбома» М. Матусовского как биографического источника в контексте культуры, использовались научные методы мемуаристики: историко-культурный метод – для анализа исторических фактов, описанных в источнике; структурно-функциональный метод – для характеристики роли мемуаров в отражении культурного контекста творческого наследия известных личностей с целью воссоздания их подлинного портрета, роли в формировании творческого жанра, в целом культуры; описательный метод – для изучения содержания мемуарных текстов; реферативно-аналитический и сравнительный методы – для систематизации теоретического материала.

Значительное количество научных работ представлено сотрудниками Луганской государственной академии культуры и искусств имени Михаила Матусовского, в которых исследуются различные аспекты: литературоведение (Н. Литвинова), языкознание (Т. Дьякова), педагогика (О. Лукьянченко), экзистенциальные понятия жизни и смерти в военной поэзии (В. Патерыкина), песенное творчество (М. Кертес) и др.

Большая краеведческая научная работа по внедрению творчества поэта в культурный контекст проведена Татьяной Журавлевой. В ее исследованиях доминирует мысль о фундаментальном значении родной земли, близких людей в становлении

творческой личности: «Многие произведения Матусовского рождены впечатлениями детства и юности, в его поэтической душе всегда жил образ города детства» [Журавлева, 2008, с. 9]. В публикациях Т. Журавлевой представлен ретроспективный анализ жизни и творчества поэта, основанный на архивных и документальных материалах, впервые упомянут памятник, созданный Е. Чумаком (2007).

Следует отметить, что изучение жизненного пути и творчества выдающегося поэта-песенника XX века и сегодня остается для ученых актуальной исследовательской проблемой именно в контексте культуры.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Поскольку мы исходим из тезиса, что биографии выдающихся людей не только помогают исследовать собственно реалии культуры, но и сами являются составляющими культурного поля той или иной эпохи, то есть воссоздают «сущностный культурологический материал, который довольно сложно найти в каких-либо видах источников» [Сиротина, 1997, с. 78], то считаем важным акцентировать внимание в статье на современном содержании самого понятия «культура». С нашей точки зрения, заслуживает внимания сгенерированный искусственным интеллектом вариант ответа в поисковой системе Яндекс, а именно следующие аспекты: культура – это область общественно значимой человеческой деятельности, связанная с реализацией духовно-нравственных запросов и потребностей людей; совокупность общественных достижений, связанных с этим направлением человеческой деятельности; просвещенность, воспитанность, образованность; совокупность достижений человеческого общества в социальной, производственной и духовной сферах жизни; исторически сформировавшийся образ жизни того или иного общества, основанный на определенных представлениях о ценностях, воззрениях, законах, верованиях, обычаях, обрядах, фольклоре, технологиях, способах внутреннего и внешнего общения и др.¹. Далее будем рассматривать заявленную тему именно с этих позиций.

«Семейный альбом» – это единственное прозаическое произведение в творческом наследии поэта М. Матусовского, по своему созданию протяженное во времени. Начиная с 1978 года, поэт публикует отрывистые воспоминания о детстве, войне, путешествиях и других периодах своей жизни в журнале «Знамя». И хотя данные воспоминания не имеют хронологии, они являются фрагментами автобиографических зарисовок, то есть несут культурную

¹URL: <https://azbyka.ru/kultura>

нагрузку – ценную информацию о людях, которых уже нет. Так рождался «Семейный альбом», вошедший в двухтомник избранных произведений автора в 1982 году. Неслучайно и его название, ведь отец М. Матусовского был известным в городе Луганске фотографом, а альбом с фотографиями – это всегда символ памяти о прошлом, связующее звено с настоящим. Соответственно и первый раздел книги называется «Фотографии моего детства», где за каждой черно-белой карточкой читается глубокая история семьи и всего рода, знаменательные события, памятные эпизоды, открытые эмоции, родные лица – все то, что возрождает ценности и частного порядка, и общекультурного значения.

Современный исследователь фотографии К. Красикова сформулировала ряд критериев, позволяющих проследить эволюцию взглядов на фотографию. В контексте нашего научного поиска важными критериями считаем следующие: во-первых, «Фотография как часть культуры. Данный критерий позволяет рассматривать фотографию в культурном поле, выделять в ней коммуникативные свойства» [Красикова, 2021, с. 102]. Именно фото передает застывшую историю развития культуры, например, М. Матусовский пишет о первом снимке семейного альбома так: мама в платьях, которые казались «мне допотопными, безнадежно устаревшими, как локомотивы с длинными самоварными трубами» [Матусовский, 2011, с. 9], папа в период ухаживания за мамой запечатлен с мопассановскими усами с закрученными вверх кончиками, что было очень модно в то небогатое время. Обязательной частью культуры был снимок ребенка в бескозырке с надписью «Моряк», поэтому такой костюмчик был в каждой приличной семье на рубеже веков, часто сшитый самостоятельно. Позже, в стихотворении «Воспоминание» поэт напишет:

Хоть денег всегда не хватало,
Не ставил я их ни во что.
Из клетчатого одеяла
Мне мама скроила пальто

[Матусовский, 1986, с. 18].

С каждым годом семейный альбом пополнялся новыми фотографиями: старший брат, школьные друзья, матросы гражданской войны, старые большиевы и многие другие.

Во-вторых, «Фотография как часть искусства. Данный критерий подчеркивает те аспекты фотографии, которые отсылают к способам осмысления реальности и связи с ней, показывают, в какой степени фотография отражает происходящее» [Красикова, 2021, с. 102]. Эти два аспекта изучения фотографии, по нашему мнению, взаимосвязаны. Важна

эта связь и с точки зрения культурологии, ведь она позволяет проследить собственно искусство создания фото отцом М. Матусовского. Мы узнаем, что это был некий обряд, состоявший из четких действий, отрепетированных годами движений мастера. Перед объективом отца протекала история жизни всего города, судьбы отдельных людей и целых семей от момента знакомства, свадьбы, рождения, учебы в школе до фото похорон: «Мой отец был своеобразным летописцем города» [Матусовский, 2011, с. 13]. Вся жизнь запечатлена на семейных фото и, по точному замечанию В. Чистяковой: «отражает не только характерные черты времени (стремление запечатлеть всю семью на парадном портрете, «остановить мгновение» праздника или отдельные моменты будничной жизни), но и специфику отношений в конкретных сфотографированных семьях (иерархия членов семейной группы, психологическая близость или отстраненность, демографический состав и т. д.)» [Чистякова, 2012, с. 5]. Таким образом, в соответствии со вторым критерием (способ осмысления реальности) бумажные фотографии, интерпретированные в «Семейном альбоме» в словесные зарисовки исторически сформировавшегося образа жизни провинциального общества луганчан, иллюстрируют и представления о жизненных ценностях, и воззрения на обыденное и возвышенное, в целом – культуру начала XX в.

Просвещенность, воспитанность, образованность – важные составляющие феномена культуры. Сложно оценить труд своего учителя, не прожив долгие годы собственного жизненного пути. Сегодня, когда вопросы наставничества и роли педагога остро поставлены на государственном уровне, важно знать об учительстве прошлого как фундаменте формирования современных культурно-образовательных традиций. Остановимся на знаковых личностях в судьбе М. Матусовского.

Отдельная глава посвящена учительнице русского языка и литературы Марии Семеновне Тодоровой, которая умела преподнести классику без сформированных идеологией ярлыков. Каждый ученик мечтал, чтобы его сочинение обсуждалось в классе – этот методический подход давал свои плоды: «Боже, как я резво писал в то время! Сколько измарано бумаги, сколько изведено простых и общих тетрадок...» [Матусовский, 2010, с. 109]. С 11 лет юный Миша начал печататься в местных газетах. Когда напечатали стихотворение «Велопробег» в «Луганской правде», он был горд собою, вспоминал этот день с восторгом. Первым строгим критиком будущего поэта стала М. Тодорова. Спустя полвека в 1950 году композитор И. Дунаевский предложил М. Матусовскому

написать песню о школе, и первым человеком, о ком вспомнил поэт, была Мария Семеновна – так появился непревзойденный «Школьный вальс», навеянный эпизодами из памяти о годах юности. Дружеская переписка между учительницей и учеником продолжалась долгие годы: М. Тодорова делилась воспоминаниями, писала о достижениях своих учеников, рассказывала о планах на будущее.

Признательный ученик – известный на весь мир поэт – мог отблагодарить своего учителя только творчеством. В запасниках музея истории и культуры Луганска хранятся неопубликованные письма, личные материалы семьи поэта, любезно переданные его женой в наследие луганчанам. Юлия Злынько приводит такой факт: «В 1976 году в Колонном зале Дома союзов состоялся авторский вечер поэта Михаила Матусовского. Сам писатель вместе со своей супругой Евгенией Акимовной расположились на местах бокового балкона. Марию Семеновну Тодорову поэт усадил в первый ряд партера, что еще раз подчеркивает скромность Михаила Матусовского и его уважительное отношение к своей учительнице» [Злынько, 2023, с. 13]. Строки, посвященные не только педагогическому мастерству, но и партизанской деятельности М. Тодоровой во время Великой Отечественной войны в Одессе, написаны с восхищением и преклонением перед подвигом маленькой женщины в его письмах: «Вы навсегда останетесь для нас образцом мужества, любви к Отечеству, верности слову и делу»¹.

Воспоминания в «Семейном альбоме» не имеют хронологии, это, с нашей точки зрения, свидетельствует о творческом подходе их автора к материалу: что дорого и важно здесь и сейчас – об этом поэт и писал. Первым жизненным испытанием для юного Михаила стал ярлык «прокаженный», «отщепенец», «чужак», «лишенец»; когда его встречали на улице – старались переходить на другую сторону, не общались, не принимали на учебу в техникум. Исследователь идиостиля М. Матусовского Т. Дьякова анализирует слово «лишенец» согласно словарям: «в СССР до принятия Конституции 1936 г.: человек, лишенный избирательных и других гражданских прав в связи с принадлежностью к эксплуататорскому классу» [Дьякова, 2023, с. 364]. По мнению ученой, эта лексическая единица использовалась автором воспоминаний с целью воссоздания исторического колорита. Мы считаем, что она иллюстрирует исторически сформировавшийся образ жизни общества того времени.

Будущему поэту приходилось зарабатывать на жизнь: сначала писал афиши для фабричного клуба Пархоменко, карикатуры, затем работал

тапером в кинотеатре. В черный список лишенцев попал и отец, Лев Матусовский, который не смог смириться со сложившейся ситуацией. Никакие письма, ходатайства не помогали, если бы не случай. В город приехал известный московский фотограф, который проникся вниманием не только к проблемам семьи, но и был восхищен искусством фотографий Льва Матусовского, так как каждая новая карточка, извлекаемая из папки, являла страницы живой истории города и страны.

Исполнив волю родителей, Михаил получил профессию, отправился на завод, но любовь к художественному поэтическому слову не покидала его. И снова случайность помогла молодому таланту – в Луганск с выступлением приехали два молодых поэта из Москвы – Евгений Долматовский и Ярослав Смеляков. Они и порекомендовали начинающему поэту поступать в Литературный институт. Учеба в Москве – еще одна страница альбома, истории и судьбы знаковых личностей. Здесь зародилась дружба на всю жизнь с К. Симоновым, М. Алигер и др., здесь были новые педагоги, среди них и Павел Антокольский. Именно из этой квартиры уходили писатели на фронт, здесь ждали назначений и сюда возвращались, кто в памяти, кто живым. Такого назначения дождался и Михаил. На память учитель подарил ему трубку, которая была неразлучной спутницей поэта в течение всей войны. Спас ее М. Матусовский и во время ранения, была она с ним в госпитале, закуривал ее, считая Трубкой Мира. Каково же было удивление поэта, когда после победы, по приезде в Москву, он обнаружил, что трубка: «исчезла в первый же день моего возвращения, как бы исполнив до конца все, что ей было положено. Отслужила свой срок и ушла в отставку» [Матусовский, 2011, с. 151].

Вторая часть «Семейного альбома» – «Снимал ваш корреспондент» – посвящена военным событиям, наполнена страшными воспоминаниями, представлена трагическими судьбами простых людей. От страницы к странице всплывают, как кадры киноленты, короткие зарисовки о фотокорреспондентах, детях войны, зверствах фашистов, прочитываются чувства и переживания самого автора. Творческий человек сумел заметить и прекрасные моменты, яркие краски, запах цветов даже в серой разрушенной Варшаве: «и лишь в каком-то неистовом испуге цвели акации, вселяя в нас надежду, что жизнь убить не так просто, что все еще поправимо» [Матусовский, 2011, с. 150]. Для М. Матусовского акация была символом родного города и беззаботного детства, поэтому образ цветов, символизирующих бессмертие,

¹Письмо М. Л. Матусовского М. С. Тодоровой. Черновой автограф // Фонды ГУ «Музей истории г. Луганска». С. 1.

стойкость, жизнеспособность, стал ключевым в поэзии «Акации Варшавы».

И всё же об акациях. Они
Не украшение города, а слава.
В июньский полдень в их живой тени
Приют себе находит вся Варшава
[Матусовский, 1986, с. 86]

Совершенен этот образ и во всеми любимом романсе «Белой акации гроздь душистые». Тема иерархической связи триединого целого: детство-акация-жизнь – настолько близка поэту и одновременно болезненна для него, что отголоски трагедии Хиросимы в этом аспекте также найдут продолжение и в «Балладе о вьюнке».

В этой части отведено место и людям, сыгравшим значительную роль в творческой биографии М. Матусовского: Павлу Беспощадному и Юрию Черкасскому. Биография земляка, самобытного шахтерского поэта П. Беспощадного, очень трагична, а стихи, по точному определению Михаила Львовича, «как те цветы, что растут у нас в степи. Они не поражают своими красками, но стоит только раз вдохнуть их аромат и горечь, и ты будешь помнить их всегда» [Матусовский, 2011, с. 152]. Несмотря на непримиримый псевдоним, который выбрал себе писатель-земляк, и который совершенно не соответствовал застенчивости и нежности его характера, именно этот человек научил будущего поэта-песенника «строгую и ответственную отношению к поэзии» [Матусовский, 2011, с. 156].

Таковыми же теплыми воспоминаниями делится М. Матусовский и о жизненном опыте, мудрости педагога Михаила Светлова, благодаря которому не увидела свет книжка стихов для детей в соавторстве с М. Алигер. О великом мастере не раз шла речь, когда М. Матусовский рассказывал о творческих муках при написании нужной песни. Так, известная всем «Каховка» появилась за сорок минут, но, как утверждал сам Михаил Аркадьевич, «Сорок минут плюс вся моя жизнь. Не будь в моей юности гражданской войны и всего того, о чем поется в «Каховке», я бы никогда не написал ее» [Матусовский, 2011, с. 475].

Третья часть исследуемого альбома – «Снимки, сделанные в дороге» – не менее интересна в контексте культурной биографии его автора. М. Матусовский очень любил путешествовать, а впечатления часто становились основой для творчества: он называл их «богатство, отнять которое у вас никто не может» [Матусовский, 2011, с. 261]. Перед читателем проходят артефакты древнего Рима, Собор святого Петра, музеи Марокко, витражи Марка Шагала в Японии и многое другое. Путешествия – это

всегда приобщение к национальной культуре, которая познается в мелочах. В Дели М. Матусовский познал таинство йоги (основа которой дыхание), этикет встречи с Президентом на Филиппинах, особенности приготовления риса и, конечно, познакомился с яркими, своеобразными, неповторимыми людьми. Как истинный ценитель красоты, поэт с точностью фотографа фиксировал наиболее выразительные портретные черты людей разных профессий, например, венецианского фотографа, продавщицы, лодочника, ресторатора. Постигая в путешествиях по миру совокупность достижений, связанных с человеческой деятельностью, он транслировал их своим соотечественникам посредством слова, одновременно знакомя мир со своей Родиной.

История немыслима без потерь и событий прошлого. Тяжело даются не только рядовому читателю, но и человеку, который прошел все тяготы военного времени, строки о концлагерях. Сильное эмоциональное потрясение произвел лагерь в Заксенхаузене, недалеко от Берлина, где в музее под стеклом поэт увидел «удивительный экспонат – детский ботинок, наполненный свежими летними цветами, слепленный из бурого окаменевшего лагерного хлеба, выдававшегося по сто граммов на человека» [Матусовский, 2011, с. 284]. Надеясь на скорое освобождение, заключенный собирал крохи, чтобы вдохнуть веру в близких и сотворить что-то жизнеутверждающее: цветы как символ жизни и веры в маленьком ботиночке. М. Матусовский в подтексте делает послы в будущее не только через объектив фотокамеры. Он также знакомит читателя с уроками прошлого, без которых невозможно построить счастливое мирное будущее.

Никого не оставляла равнодушным камера пыток, со стеной, исчерченной обрывками фраз заключенных, среди которых четко «Нетвердым ученическим почерком написано только одно слово «мама»» [Матусовский, 2011, с. 297]. Чтобы прочесть как можно больше имен, М. Матусовский опустился на колени на мокрый холодный каменный пол, не боясь заболеть и продрогнуть, тем самым отдавая дань уважения погибшим. Как колокол звучит риторический вопрос, который заставляет задуматься каждого: «А сколько осталось на свете нерасшифрованных имен, неопознанных лиц, не распутанных судеб, неразгаданных строк, не открытых еще дверей!» [Матусовский, 2011, с. 299].

Поездка по Японии, знакомство с очевидцами взрыва в Хиросиме, история господина Кикави, жены поэта Кадзуко Току, экскурсии по знаковым местам оставили в душе М. Матусовского неизгладимый след, а мысли и эмоции отобразились в поэтическом сборнике «Тень человека: Книга стихотворений

о Хиросиме, о ее борьбе и ее страданиях, о ее людях и ее камнях» (1968).

«Семейный альбом» состоит из четырех частей. «Фотографии на память» – последняя глава, которая свидетельствует о размышлениях М. Матусовского о прожитом времени, встречах и разлуках, боли потерь близких и друзей. Здесь воспоминания о путешествии по волжским городам переплетаются с историей не только Ярославля, Углича, Костромы, Рыбинска, но и с историей великой державы, ее славных героев, картинками и зарисовками быта, проявлениями народной культуры, памятниками материальной культуры известных и неизвестных авторов. Поэт-песенник делится, как и положено по канонам мемуаристики, секретами творчества, историями создания музыкальных шедевров, узнаваемых повсюду, ведь лучшая награда для автора песен – их звучание в мировом пространстве на всех языках. Как лично значимое культурное событие поэт описывает услышанное им в Токио звучание русских народных песен в соединении с хитами – песнями М. Матусовского. Этот факт показателен как феномен органичного включения авторского творчества в контекст народной культуры. Он подчеркивает высокое ценностное восприятие песенного наследия М. Матусовского не только в России, но и за рубежом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Судьба песни тесно связана с биографией ее автора – этот тезис М. Матусовский неоднократно осмысливает на страницах своих мемуаров. Очевидно, именно поэтому его собственная биография так неотделимо вписывается в культурный контекст времени – как прошедшего, так и

будущего, – неся в разнообразии своем и нравственную сущность бытия, и высокую моральную ответственность человека за свою жизнь в обществе, и всепоглощающую любовь к простому человеку, и колоссальный духовный потенциал творца культурного наследия.

Иными словами, можем утверждать, что в «Семейном альбоме» эмоционально ярко и исторически правдиво представлен опыт жизни советского общества в начале – середине XX века с определенными представлениями людей о ценностях, законах, обычаях, технологиях, способах внутреннего и внешнего общения, на фоне которого происходило становление самого поэта-песенника и как творческой личности, и как гражданина своей страны, что и позволяет считать его биографию значительным феноменом в контексте отечественной культуры.

Мы разделяем точку зрения Н. Литвиновой, согласно которой именно образы, навеянные воспоминаниями из прошлого, стали одной из культурно-духовных констант творчества М. Матусовского, патриотическим началом его лирики в целом. В произведениях М. Матусовского воспоминания, создающие колорит особого восприятия времени и пространства, выступают своеобразными поэтическими мотивами, формируя узнаваемые патриотические смыслы в песнях [Литвинова, 2023].

Исходный тезис о том, что биографии выдающихся людей позволяют исследовать реалии культуры, сами являются феноменами культуры и источником культурологических материалов, которые не представлены в иных – не мемуарных жанрах, подтвержден, что и дает основание говорить об уникальности и ценности биографии М. Матусовского в контексте культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Журавлева Т.Л. Здесь начало моей родословной: Михаил Матусовский и Луганск. Луганск: Луганск-Арт, 2008.
2. Сиротина И. Л. Культурологический потенциал мемуарного источника: поиски новой парадигмы // Метафизика исповеди. Пространство и время исповедального слова: материалы Международной конференции (Санкт-Петербург, 26–27 мая 1997.) Санкт-Петербург: Изд-во Института Человека РАН (СПб Отделение), 1997. С. 78–83.
3. Красикова К. В. Трансформация представлений о фотографии: систематизация существующих подходов / К. В. Красикова // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение, 2021. № 42. С. 100–108.
4. Матусовский М. Проза. (С. Литературная гордость Луганщины). Луганск: Виртуальная реальность, 2011.
5. Матусовский М. Л. Стихотворения. Песни. М.: Художественная литература, 1986.
6. Чистякова В. П. Семейная фотография второй половины XIX – начала XX в. в России: опыт этнологического и источниковедческого анализа: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012.
7. Матусовский о жизни. И жизнь о нем : сборник / под общ. ред. О. В. Приколоты. Луганск: Максим, 2010.
8. Злынько Ю. «Ты юность наша вечная...» Роль М. С. Тодоровой в формировании творческой личности М. Л. Матусовского // Материалы XVI Международной междисциплинарной научно-практической конференции

- «Матусовские чтения» (26 апреля 2023 года). Луганск: Изд-во Луганская государственная академии культуры и искусств имени Михаила Матусовского, 2023. С. 11–14.
9. Дьякова Т. А. Словарь идиостиля Михаила Матусовского: в 2 ч. Луганск: ЛГАКИ им. М. Матусовского, 2023. Ч. 1 (А–О).
10. Литвинова Н. Б. Художественные мотивы творчества Михаила Матусовского и Владислава Титова в русле культурно-литературных традиций Донбасса // Материалы XVI Международной междисциплинарной научно-практической конференции «Матусовские чтения» (26 апреля 2023 года). Луганск: Изд-во Луганской государственной академии культуры и искусств имени Михаила Матусовского, 2023. С. 46–48.

REFERENCES

1. Zhuravleva, T. L. (2008). Zdes' nachalo moej rodoslovnoj: Mixail Matusovskij i Lugansk = Here is the beginning of my family tree: Mikhail Matusovsky and Lugansk. Lugansk: Lugansk-Art. (In Russ.)
2. Sirotina, I. L. (1997). Kul'turologicheskiy potentsial memuarnogo istochnika: poiski novoy paradigmy = Cultural potential of a memoir source: search for a new paradigm. In Metafizika ispovedi. Prostranstvo i vremya ispovedal'nogo slova (pp. 78–83). The digest of articles of an international scientific conference. St. Petersburg: Institute of Humanity of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg Branch). (In Russ.)
3. Krasikova, K. V. (2021). Transformatsiya predstavleniy o fotografii: sistematizatsiya sushchestvuyushchikh podkhodov = Transforming ideas about photography: systematizing existing approaches. Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 42, 100–108. (In Russ.)
4. Matusovskij, M. (2011). Proza (S. Literaturnaya gordost' Luganshchiny) = Prose (S. Literary pride of Lugansk region). Lugansk: Virtual'naya real'nost'. (In Russ.)
5. Matusovskij, M. L. (1986). Stikhotvoreniya. Pesni = Poems. Songs. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.)
6. Chistyakova, V. P. (2012). Semejnaya fotografiya vtoroj poloviny XIX – nachala XX v. v Rossii: opyt etnologicheskogo i istochnikovedcheskogo analiza = Family photography of the second half of the 19th – early 20th centuries in Russia: experience of ethnological and source (textual) analysis: PhD in History. Moscow. (In Russ.)
7. Prikoloty, O. V. (Ed.). (2010). Matusovskii o zhizni. I zhizn' o nem = Matusovsky about life. And life about him: collection. Lugansk: Maksim. (In Russ.)
8. Zlynko, Y. (2023, April 26). 'You are our eternal youth...' The role of M. S. Todorova in the formation of creative personality of M. L. Matusovsky. In "Matusovskie chteniya" (pp. 11–14): The digest of articles of an international scientific conference. Lugansk: Matusovsky Academy of Culture and Arts. (In Russ.)
9. D'yakova, T. A. (2023). Slovar' idiostilya Mikhaila Matusovskogo = Dictionary of Mikhail Matusovsky's idiosstyle (part 1. A–O): in 2 parts. Lugansk: LGAKI im. M. Matusovskogo. (In Russ.)
10. Litvinova, N. B. (2023, April 26). Khudozhestvennye motivy tvorchestva Mikhaila Matusovskogo i Vladislava Titova v rusle kul'turno-literaturnykh traditsii Donbassa = Mikhail Matusovskij's and Vladislav Titov's artistic motives in the context of cultural and literary traditions of Donbass. In "Matusovskie chteniya" (pp. 46–48): The digest of articles of an international scientific conference. Lugansk: Matusovsky Academy of Culture and Arts. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мазаненко Оксана Михайловна

доктор философских наук, доцент

профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин

Луганской государственной академии культуры и искусств имени Михаила Матусовского

Пустовит Валерия Юрьевна

доктор филологических наук, профессор

профессор кафедры русского языка и литературы

Луганской государственной академии культуры и искусств имени Михаила Матусовского

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mazanenko Oksana Mikhailovna

Doctor of Philosophy (Dr. habil.), Associate Professor
Professor at the Department of Social and Humanitarian Disciplines
Matusovsky Academy of Culture and Arts

Pustovit Valeria Yurievna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Professor of the Department of Russian Language and Literature
Matusovsky Academy of Culture and Arts

Статья поступила в редакцию	13.11.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	19.12.2024	approved after reviewing
принята к публикации	09.01.2025	accepted for publication

«Успешная женщина» в России versus «успешная женщина» в Китае

А. А. Раренко

*Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) Российской академии наук, Москва, Россия
andrejj1997@rambler.ru*

Аннотация. В статье рассматривается категория «успешная женщина» на сопоставительном материале современных российской и китайской лингвокультур. Цель исследования – выяснить, каким образом концепт «успешность», в частности, такой его фрагмент, как «успешная женщина», реализуется в русской и китайской лингвокультурах. Материалом для написания статьи послужили работы отечественных и зарубежных исследователей в области аксиологии, социологии, социальной психологии, социолингвистики, культурологии и лингвокультурологии, а также собственные исследования автора статьи. В статье подтверждается выдвинутая гипотеза, что характеристики «успешной женщины» не являются постоянными и зависят от особенностей национального культурного развития этноса.

Ключевые слова: успех, успешность, «успешная женщина», менталитет, национальная культура, самоопределение, оценка, Россия, Китай

Для цитирования: Раренко А. А. «Успешная женщина» в России versus «успешная женщина» в Китае // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1 (895). С. 149–154.

Original article

“Successful Woman” in Russia versus “Successful Woman” in China

Andrey A. Rarenko

*Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION) of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
andrejj1997@rambler.ru*

Abstract. The article examines the category of “successful woman” based on the comparative material of modern Russian and Chinese linguistic cultures. The purpose of the study is to find out how the concept of “successfulness” is implemented in the Russian and Chinese linguistic cultures, in particular, such its fragment as “successful woman”. The material for writing the article was the work of domestic and foreign researchers in the field of axiology, sociology, social psychology, sociolinguistics, cultural studies and linguoculturology as well as the research of the author of the article. The article confirms the hypothesis that the characteristics of “successful woman” are not permanent and depend on the characteristics of the national cultural development of a particular ethnic group.

Keywords: success, successful woman, mentality, national culture, self-determination, assessment, Russia, China

For citation: Rarenko, A. A. (2025). “Successful woman” in Russia versus “successful woman” in China. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(895), 149–154. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Обращение к вопросу, вынесенному в заголовок статьи: что представляет собой «успешная женщина» в России versus «успешная женщина» в Китае, обусловлено несколькими причинами. Во-первых, в настоящее время контакты между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой усиливаются не только на государственном, но и на межличностном уровне, что определяет актуальность сравнительно-сопоставительных российско-китайских исследований в разных сферах. Немалый познавательный интерес представляет культурологический аспект вышеозначенной темы. Во-вторых, российская и китайская культуры, по определению Г. Хофстеде, принадлежат к типу традиционалистских, что предполагает наличие общих точек соприкосновения в восприятии россиянами и китайцами различных аспектов современной жизни [Hofstede, 2001; Хофстеде, 2014; Минков, Соколов, Ломакин, 2023; Науменко, Морозова, 2018]. Наконец, в-третьих, «успех» можно и следует рассматривать как одну из базовых категорий национальной культуры, что подтверждают данные толковых языков, национальные корпуса, социологические исследования. Эти три фактора объясняют актуальность исследования. Задача, которую ставит перед собой автор данной статьи, – выявить и сравнить характеристики «успешной женщины» в представлении современной российской и китайской молодежи. Гипотеза исследования состоит в том, что характеристики «успешной женщины» могут быть в целом сходными, но различаться в деталях. Новизна исследования заключается в том, что до настоящего времени подобного рода исследования не проводились. Практическая ценность исследования состоит в том, что полученные результаты можно использовать в процессе обучения российских и китайских студентов, а также разрабатывать учебные материалы для курсов по аксиологии, социологии, социальной психологии, социолингвистики, культурологии и лингвокультурологии и пр.

МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для того чтобы выяснить, какое место среди других видов ценностей в жизни современного человека занимает категория «успех», нами были изучены труды современных российских и зарубежных исследователей, работающих в междисциплинарном поле [Минков, Соколов, Ломакин, 2023; Минасян, 2018]. Нас более всего интересовали работы ведущих отечественных и зарубежных специалистов в области аксиологии, социологии, социальной психологии, а также

социолингвистики, культурологии и лингвокультурологии [Динамика ценностей населения реформируемой России, 1996; Латова, 2016; Минков, Соколов, Ломакин, 2023; Шварц, 2008; Akaliyski et al., 2022; Beugelsdijk, Welzel, 2018].

Более того, с целью выяснить, какими характеристиками в представлении современной российской и китайской молодежи обладает «успешный человек», была выдвинута гипотеза о том, что характеристики «успешного человека» не являются постоянными и зависят от принадлежности к той или иной социально-культурной общности. Для подтверждения (или опровержения) выдвинутой гипотезы автором статьи был проведен социологический опрос российских и китайских студентов, проходящих обучение в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова. Опрос проводился при помощи электронного анкетирования в период с 1 по 31 мая 2024 года в два этапа. В опросе приняли участие в общей сложности 184 студента в возрасте от 18 до 27 лет, из них 98 – юноши, 86 – девушки, 102 – российские студенты, представители разных регионов России, 82 – китайские студенты. Студенты представляли разные факультеты МГУ им. М. В. Ломоносова, при этом 50 человек в возрасте от 18 лет до 21 года; 66 человека в возрасте от 22 лет до 25 лет; 68 человек в возрасте 26–27 лет.

Среди вопросов, на которые мы просили ответить респондентов, были два вопроса: «Как Вы думаете, понятие “успешный человек” одинаково относится к мужчинам и женщинам? Почему?» и «Как Вы думаете, понятие “успешный человек” включает одинаковые требования к мужчинам и женщинам?» Первый вопрос представлял собой вопрос открытого типа, т. е. опрашиваемые должны были сформулировать ответ на вопрос самостоятельно; в качестве ответов на второй вопрос предлагались следующие: «Да»; «Скорее, да»; «Нет»; «Скорее, нет»; «Затрудняюсь ответить».

Показательно, что подавляющее большинство как российских, так и китайских студентов однозначно утвердительно ответило на оба вопроса (двое российских студентов, отвечая на второй вопрос, выбрали вариант «Затрудняюсь ответить»). Ответы респондентов подтвердили выдвинутую нами гипотезу. Объясняя причины разных требований к мужчинам и женщинам, претендующим соответствовать понятию «успешный человек», опрашиваемые указывали на изменяющийся статус женщины в современном мире, который предъявляет к ней новые требования, в результате чего происходят определенная трансформация ее традиционного образа.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Обращение к сопоставительному материалу русской и китайской лингвокультур, в частности роли женщины в современных российском и китайском обществах, обусловлено резкими изменениями в политической, экономической и социально-культурной сферах в России и Китае в последней четверти XX века, что нашло отражение и сегодня. В обеих странах до относительно недавнего времени женщина воспринималась в первую очередь как «хранительница домашнего очага», что являлось отражением принадлежности обеих стран к странам с традиционными ценностями. Интересно, что сегодня сочетание «успешная женщина» не является устойчивым ни в русской, ни в китайской лингвокультуре, представляя собой свободное словосочетание. Однако данный концепт находится в процессе становления, как показали проведенные социологические исследования¹. Подтверждением факта несформированности концепта «успешная женщина» в русской лингвокультуре является и то, что на страницах произведений современной художественной литературы этот образ (пока) не встречается.

Формирование концепта «успешная женщина» в обеих лингвокультурах происходит под влиянием гляцевых журналов, что находит отражение и в названиях статей, посвященных данной проблеме: «Образ успешной женщины в современных женских гляцевых журналах» [Утробина, Баранова, 2018], «Роль женских журналов в формировании концепта “успешная женщина”» [Харитоновна, 2017]. Диссертационное исследование китайки С. Ху «Речевое воплощение концепта “успешная женщина” в текстах гляцевых журналов (на фоне китайского языка)» [Ху, 2013] также основано на материале гляцевых журналов.

«Успешная женщина» по-русски

В современной русской лингвокультуре выделяются такие составляющие успеха, как удача, ее общественное признание, признание необходимости определенного физического и / или интеллектуального труда, целенаправленной деятельности, а также фиксируется представление о сложности движения к успеху. Таким образом, удача (везение) рассматривается как необходимая составляющая успеха (более подробно см.: [Раренко, 2020]).

Создаваемый при помощи российских гляцевых журналов, а также других СМИ конструктор «успешная женщина» весьма сложен

и противоречив. Быстро меняющиеся социальные условия подталкивают современную женщину, помимо ранее ей привычных и ожидаемых обществом ролей заботливой матери и верной жены, к активной деятельности вне дома. Следует отметить, что современное российское общество в целом положительно относится к происходящим переменам, отмечая ряд преимуществ женщины перед мужчиной (в силу ее гендерных особенностей): аккуратность, точность, внимательность, надежность, исполнительность, трудолюбие, которые позволяют ей составить конкуренцию мужскому полу в изначально «мужской» профессиональной сфере деятельности.

Так, в сознании россиян успешная женщина оказывается замужем, она испытала счастье и радость материнства, такая женщина добивается поставленных перед собой целей, в то же самое время она имеет хорошую (высокооплачиваемую) работу. Среди ее многочисленных достоинств – (хорошее) образование, достойное воспитание. Она красива, ухожена, у нее хорошие манеры. Она умеет достойно совмещать свою профессиональную работу и заботу о семье. При этом успешная женщина обязательно интеллектуально, духовно и, что особенно подчеркивается, эмоционально развита. Отмечается при этом приоритет духовности, наличие ее богатого внутреннего мира. Для успешной женщины материальные блага, т. е. внешний комфорт, не представляют исключительной ценности, но не отрицаются, воспринимаются как нечто само собой разумеющееся. Они выступают как своего рода приложения к внутреннему совершенству. Среди отмечаемых качеств внутреннего (т. е. эмоционально-психического) мира русской успешной женщины присутствуют такие качества, как целеустремленность и самодисциплина. Успешной женщине чужда суетливость, она спокойна во всех ситуациях – деловых и семейных; она уравновешенна, рассудительна, коммуникабельна. У нее высокий интеллект, она в меру эмоциональна, решительна (т. е. способна самостоятельно принимать решения), надежна, держит обещания, ответственна (т. е. готова нести ответственность за свои действия), интеллектуальна и эрудированна. Внешний мир успешной русской женщины определяют ее семья и материнство, полученное достойное образование, хороший заработок (богатство), наличие друзей, обладание материальными ценностями и др.

Как отмечают исследователи, сегодня в качестве приоритета русские женщины рассматривают профессионализм и материальную независимость, и именно успешная карьера может обеспечить эти возможности [Ажгихина, 1997; Харитоновна, 2017; Утробина, Баранова, 2018]. Для девушек получение

¹Более подробно см.: [Данилевская, Ху, 2014].

качественного высшего образования в особой степени востребовано. Остается добавить, что если раньше, их привлекали «женские» профессии (педагог, учитель начальных классов, учитель-предметник в школе, педиатр и пр.), то сегодня они уверенно претендуют на «мужские» профессии – программист, управленец, технолог, владелец собственного бизнеса и пр.¹

В отличие от конструкта «успешный человек», в конструкте «успешная женщина» отсутствует такая составляющая, как везение. Видимо, русская женщина должна самостоятельно, собственным трудом идти к намеченной цели, на рассчитывая на «чудо».

Итак, «успешная женщина» по-русски – это женщина – обладательница лучших женских и мужских качеств, которые подчеркивают целостность ее натуры.

«Успешная женщина» по-китайски

В китайском языке лексическая единица «успех» [成功] полисемична, в двуязычных словарях (китайско-русских)² зафиксированы одиннадцать значений, некоторые из них не совпадают с семантикой соответствующего русского слова³.

Подобно русской лексеме, в коннотациях китайской единицы акцентируется внимание на труд, результат, завершенность дела, но нет указания на сопутствующую удачу или хороший результат в учебе, зато есть на периферии значения «урожай», «воспитывать, готовить, растить» и «быть достойным, надежным человеком». При этом в китайской лексеме находит отражение значение необходимости длительного, кропотливого труда на пути к достижению успеха.

Идеальная успешная китайская женщина – замужняя с детьми, имеющая хороший карьерный рост как обязательное условие, при этом последнее обстоятельство является желательным, но не обязательным условием, она хорошо материально обеспечена. В китайском мировосприятии представление об успешной женщине ассоциируется с образом У Цзэтянь (кит. трад. 武則天, упр. 武则天, пиньинь Wǔ Zétiān, палл. У Цзэтянь, 17 февраля 624 г. – 16 декабря 705 г.), первой и единственной женщиной, единолично правившей Китаем с 665 г. до своей

смерти. Несмотря на противоречивость образа императрицы, в одних источниках вырисовывается образ жестокой, во многом взбалмошной и нечестивой женщины, идущей на поводу своих желаний, в других – образ мудрой, образованной правительницы, заботящейся о благополучии страны.

В Китае «успешная женщина» проявляет свои качества прежде всего в работе, имея четко выстроенную ею систему ценностей и приоритетов. Такая женщина способна следовать к намеченной цели, добиваться ее. Как особое качество китайской «успешной женщины» отмечается то, что она не требует от людей больше, нежели они в состоянии дать [Ху, 2013].

Сам факт замужества представляется не таким привлекательным (хотя иметь статус замужней женщины в Китае по-прежнему весьма важно), как факт наличия дружной семьи из нескольких поколений, достойного мужа и детей, которые бы являлись гордостью матери семейства. На фоне последнего решительность, настойчивость и другие «деловые» качества успешной китайской женщины уходят на второй план [Данилевская, Ху, 2014].

Таким образом, как следует из сопоставительного анализа полученных данных, при ожидаемом сходстве восприятия понятия «успешная женщина», различия в сопоставляемых лингвокультурах – российской и китайской – всё же прослеживаются.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в современных реалиях в восприятии россиян успешная женщина представляет собой целеустремленную личность, имеющую семью, детей (успехами которых можно при случае похвалиться), хорошую (во всех смыслах работу, т. е. хорошо оплачиваемую, с удобным графиком работы, в идеале недалеко от дома) работу. Это ухоженная, внешне красивая, духовно развитая женщина.

Для представителей современного китайского общества успешная женщина – это замужняя, имеющая детей, образованная, имеющая хорошую работу, т. е. сделавшая хорошую карьеру, и, возможно, богатая. Про душевные и духовные качества китайских женщин ничего не сказано. Однако, как нам представляется, данный факт не означает, что в китайской лингвокультуре духовным и душевным качествам женщин не придается никакого значения, тем более, что эти качества не игнорируются. Вполне допустимо, что в системе китайских ценностных ориентиров, напротив, эти качества воспринимаются априори, по отношению к любой китаянке, тем более успешной, поэтому респонденты не акцентируют внимание на идеальных качествах женщины.

¹Гусева Ю. Е. Женщина на страницах женских изданий (обзор журнальной прессы). URL: <http://www.a-z.ru/women/texts/guseva.htm> (дата обращения: 22.01.2024).

²Большой толковый словарь китайского языка / Комитет составителя большого толкового китайского словаря: в 22 т. Шанхай: Китайский язык, 1986 = 汉语大词典 (全22册) / 汉语大词典编辑委员会编纂. 汉语大词典出版社出版. 上海. 1986年.

³Более подробно см.: [Данилевская, Ху, 2014].

Таким образом, хотя составляющие формирующегося концепта «успешная женщина» в русской и китайской лингвокультурах происходят параллельно под влиянием быстро меняющихся внешних факторов в целом совпадают, но ядерная

и периферийная зоны этого концепта оказываются не идентичными друг другу, что имеет объяснение укоренившимися в этих культурах разными представлениями о месте женщины и роли семьи в этих национальных обществах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations across Nations. Thousand Oaks, CA: Sage, 2001.
2. Хофстеде Г. Модель Хофстеде в контексте: параметры количественной характеристики культур / пер. с англ. В. Б. Кашкина // Язык, коммуникация и социальная среда. 2014. № 12. С. 9–49.
3. Минков М., Соколов Б., Ломакин И. Эволюция модели культурных измерений Хофстеде: параллели между объективной и субъективной культурой // Социологическое обозрение. 2023. Т. 22. № 3. С. 287–317.
4. Науменко Т. В., Морозова Д. А. Теория межкультурных измерений Г. Хофстеде как методологическая основа исследования современных социальных процессов // Международный журнал исследований культуры. 2018. № 1. С. 144–154.
5. Минасян Л.А. Глобализм и новые ценности: Что есть понятие ценности и существуют ли новые ценности // Альтернативные модели глобализации и проблемы современной глобальной динамики. Ростов-на-Дону, 2018. С. 156–162.
6. Динамика ценностей населения реформируемой России / отв. ред. Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. М.: РАН. Институт философии, 1996.
7. Латова Н. В. Культурная специфика россиян (этнометрический анализ на основе концепции Г. Хофстеде) // Вестник Института социологии. 2016. Т. 7. № 4. С. 155–179.
8. Шварц Ш. Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий / пер. с англ. Е. А. Валуевой // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5. № 2. С. 37–67.
9. Akaliyski P. et al. The Weight of Culture: Societal Individualism and Flexibility Explain Large Global Variations in Obesity // P. Akaliyski, M. Minkov, J. Li, M. H. Bond, S. Gehrig // Social Science & Medicine. 2022. Vol. 307. Art. 115–167.
10. Beugelsdijk S., Welzel C. Dimensions and Dynamics of National Culture: Synthesizing Hofstede with Inglehart // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2018. Vol. 49. № 10. P. 1469–1505.
11. Данилевская Н.В., Ху С. Русская и китайская «успешная женщина»: восприятие и толкование современниками // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 3 (27). С. 42–53.
12. Утробина М. А., Баранова В. А. Образ успешной женщины в современных женских глянцевах журналах // Психология XXI ВЕКА: Психология как наука, искусство и призвание: сборник научных трудов участников международной научной конференции молодых ученых ; в 2 т. / под науч. ред. А. В. Шаболтас, С. Д. Гуриевой. 2018. С. 208–215.
13. Харитоновна О. В. Роль женских журналов в формировании концепта «успешная женщина» // Язык и личность в поликультурном пространстве: сборник статей / под ред. И. Н. Авдеевой. М., 2017. С. 219–223.
14. Ху С. Речевое воплощение концепта «успешная женщина» в текстах глянцевах журналов (на фоне китайского языка): дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2013.
15. Раренко А. А. О лексическом значении понятия «успех» (на материале толковых и отраслевых словарей русского языка) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 2020. № 2. С. 9–12.
16. Ажгихина Н. И. «Железные леди» или Баба Яга? «Женская тема» в современной российской прессе // Материалы Первой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям «Валдай-96». М., 1997. С. 43–46.

REFERENCES

1. Hofstede, G. (2001). Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations across Nations. Thousand Oaks, CA: Sage.
2. Hofstede, G. (2014). Model' Hofstede v kontekste: parametry kolichestvennoj harakteristiki kul'tur = The Hofstede model in the context: parameters of quantitative characteristics of cultures. Transl. from English V. B. Kashkin. Jazyk, kommunikacija i social'naja sreda, 12, 9–49. (In Russ.)
3. Minkov, M., Sokolov, B., Lomakin, I. (2023). Jevoljucija modeli kul'turnyh izmerenij Hofstede: paralleli mezhdub ob#ektivnoj i sub#ektivnoj kul'turoj = Globalism and new values: What is the concept of value and whether there are new values. In Sociologicheskoe obozrenie, 22(3), 287–317. (In Russ.)

4. Naumenko, T. V., Morozova, D. A. (2018). Teorija mezhkul'turnyh izmerenij G. Hofstede kak metodologicheskaja osnova issledovaniya sovremennyh social'nyh processov = The theory of intercultural dimensions by G. Hofstede as a methodological basis for the study of modern social processes. In *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tur*, 1, 144–154. (In Russ.)
5. Minasjan, L. A. (2018). Globalizm i novye cennosti: Chto est' ponjatie cennosti i sushhestvujut li novye cennosti = Globalism and new values: What is the concept of value and whether there are new values. In *Alternativnye modeli globalizacii i problemy sovremennoj global'noj dinamiki* (pp. 156–162). Rostov-on-Don. (In Russ.)
6. Lapin, N. I., Beljaeva, L. A. (Eds.). (1996). *Dinamika cennostej naselenija reformiruemoj Rossii* = Dynamics of values of the population of reformed Russia. Moscow: RAN. Institut filosofii. (In Russ.)
7. Latova, N. V. (2016). Kul'turnaja specifika rossijan (jetnometricheskij analiz na osnove koncepcii G. Hofstede) = Cultural specificity of Russians (ethnometric analysis based on the concept of G. Hofstede). *Vestnik Instituta sociologii*, 7(4), 155–179. (In Russ.)
8. Shvarc, Sh. (2008). Kul'turnye cennostnye orientacii: priroda i sledstviya nacional'nyh razlichij = Cultural value orientations: the nature and consequences of national differences. Transl. from English by E. A. Valueva. In *Psikhologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki*, 5(2), 37–67. (In Russ.)
9. Akaliyski, P., Minkov, M., Li, J., Bond, M. H., Gehrig, S. (2022). The Weight of Culture: Societal Individualism and Flexibility Explain Large Global Variations in Obesity. In *Social Science & Medicine*, 307, 115–167.
10. Beugelsdijk, S., Welzel, C. (2018). Dimensions and Dynamics of National Culture: Synthesizing Hofstede with Inglehart. In *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 49(10), 1469–1505.
11. Danilevskaja, N. V., Hu, S. (2014). Russkaja i kitajskaja "uspeshnaja zhenshhina": vosprijatie i tolkovanie sovremennikami = Russian and Chinese "successful woman": perception and interpretation by contemporaries. In *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija*, 3(27), 42–53. (In Russ.)
12. Utrobina, M. A., Baranova V. A. (2018). Obraz uspeshnoj zhenshhiny v sovremennyh zhenskih gljancevyh zhurnalakh = The image of a successful woman in modern women's glossy magazines. In *Shaboltas, A. V., Gurieva, S. D. (Eds.), Psikhologija XXI veka: Psikhologija kak nauka, iskusstvo i prizvanie* (pp. 208–215): collection of papers of the International Scientific Conference of Young Researchers; in 2 vols. (In Russ.)
13. Kharitonova, O. V. (2017). Rol' zhenskih zhurnalov v formirovanii koncepta "uspeshnaja zhenshhina" = The role of women's magazines in the formation of the concept of "successful woman." In *Avdeeva, I. N. (Ed.), Jazyk i lichnost' v polikul'turnom prostranstve* (pp. 219–223): collection of papers. Moscow. (In Russ.)
14. Hu, S. (2013). Rechevoe voploshhenie koncepta "uspeshnaja zhenshhina" v tekstah gljancevyh zhurnalov (na fone kitajskogo jazyka) = The speech embodiment of the concept of "successful woman" in the texts of glossy magazines (against the background of the Chinese language): PhD in Philology. Perm. (In Russ.)
15. Rarenko, A. A. (2020). On the lexical meaning of the notion "success" (basing on Russian explanatory and terminology dictionaries). *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology*, 2, 9–12. (In Russ.)
16. Azhghihina, N. I. (1997). "Zheleznaia ledi" ili Baba Jaga? "Zhenskaja tema" v sovremennoj rossijskoj presse = "The Iron Lady" or Baba Yaga? "Women's theme" in the modern Russian press. In *Materialy Pervoj Rossijskoj letnej shkoly po zhenskim i gendernym issledovanijam "Valdaj 96"* (pp. 43–46). Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Раренко Андрей Алексеевич

младший научный сотрудник
Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН)
Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rarenko Andrey Alekseevich

Junior Research Fellow
Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION)
of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

25.11.2024
26.12.2024
09.01.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Сетевое электронное научное издание

Network electronic scientific publication

**ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 1 (895)**

**VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanities
Issue 1 (895)**

Ответственный редактор выпуска
Ю. В. Карташевская
кандидат филологических наук, доцент

Executive editor
Yuliya V. Kartashevskaya
PhD (Philology), Associate Professor

Редактор В. А. Геронимус
Верстка: А. В. Алымов
Разработка макета: А. В. Алымов

Editor Vasilii A. Geronimus
Layout: Andrey V. Alymov
Layout design: Andrey V. Alymov

Подписано в печать 31.01.2025
Усл. печ. л. 19,4.
Формат 60х90/8
Заказ № 9/25

Signed for print: 31.01.2025
Conventional printed sheets: 19,4
Layout format 60x90/8
Order 9/25

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

Address:
Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034
Tel.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2025
Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

© FSBEI HE MSLU, 2025
Website domain name: vestnik-mslu.ru
Founder: FSBEI HE MSLU

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66051
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

The edition is registered June, 10, 2016, Эл № ФС77-66051
The Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(ROSKOMNADZOR)

За аутентичность цитат отвечают авторы.
Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном
согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

The authors are responsible for the authenticity of citations.
Reprinting of materials is possible
with the editors' obligatory written consent.
Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
- 5.9.2. Литературы народов мира
- 5.9.3. Теория литературы
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки)
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства
- 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».